Моему Учителю
Зое Ивановне Кирнозе

Я хочу выразить глубокую признательность
кафедре всемирной литературы
Московского государственного педагогического университета,
являющуюся олицетворением и живой нитью
отечественной традиции высокой филологии.
Без критических замечаний коллег-филологов и их постоянного
интереса к исследованию эта книга не могла бы состояться.

Особые слова благодарности — профессору М. И. Никола,
которая поддержала меня в трудный профессиональный период
и направила в нужное русло ход работы,
что принесло свои плоды.

К. Ю. Кашлявик

ПОЭТИКА БЛЕЗА ПАСКАЛЯ

Москва
2014

УДК 821. 133. 1(091)
ББК 83. 3 (4фр)–8
К 313

Кашлявик К. Ю.
К 313 Поэтика Блеза Паскаля. Монография. — 2014. — 336 с. — илл.
Научный редактор — доктор филологических наук, профессор
М. В. Цветкова

Рецензенты:
Б. Н. Тарасов — доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ;
В.Г. Зусман — доктор филологических наук, профессор.

ISBN 978-5-905221-10-1

Книга представляет собой попытку проследить становление поэтики французского мыслителя Блеза Паскаля (1623–1662). Творчество Паскаля рассмотрено как «единый текст» — личные письма, стихи, «Письма к провинциалу», «Мысли», из которого рождается авторский голос писателя. Особое внимание уделено текстологической традиции, архитектонике и композиции «Мыслей», в частности, анализу центрального фрагмента «О трех порядках», задающего основные тематические оппозиции произведения.

Для филологов, а также для широкого круга читателей, интересующихся французской культурой и литературой XVII века.

Le livre est consacré au «texte pascalien» et les principes de sa poétique en devenir. Elle est décrite à travers l'histoire de ses pseudonymes, l'importance de la musique et la polémique autour des «Lettres provinciales». On envisage l'architectonique des «Pensées», aussi bien que le centre de leur composition le fragment «Des trois ordres», lequel génère les oppositions thématiques des «Pensées».

The book deals with the history of "Pascal's text" and the main principals of his poetics. The development of Pascal's poetics is described through the history of his pseudonyms, the importance of the music and the polemics of the "Letters to provincail". The main attention is payed on the "Pensées": its architectonic, the fragment "About three orders" as the thematical and compositional center of the apology, wich creates the topical oppositions of the "Pensées".

© Кашлявик К. Ю., 2014
© Евгений Ржевский. Обложка. Верстка. Дизайн. 2014

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию К. Ю. Кашлявик «Поэтика Блеза Паскаля»

Рецензируемая монография впервые в отечественном и зарубежном паскалеведении синтезирует текстологический, сравнительно-исторический, герменевтический, биографический подходы для раскрытия принципиального своеобразия поэтики французского писателя-мыслителя в ее становлении и развитии. В книге все его произведения рассматриваются как открытый и незавершенный «паскалевский текст», разнообразные составляющие которого органично связаны единством нравственного, художественного и мировоззренческого языка, формирующегося «голоса» автора. Опираясь на высшие достижения современного паскалеведения, К. Ю. Кашлявик вводит понятия «диалогической поэтики», «прерванного текста», «ядерного стиля», позволяющие выявить важные особенности содержания и тематики, архитектоники и композиции главных произведений Паскаля «Мысли» и «Письма к провинциалу». При этом в результате объемного исследования в монографии восстанавливается возможная полнота культурно-исторического контекста, включающего в себя самые разные объекты рефлексии: месторазвитие и род Паскалей, история художественных изображений французского философа и его музыкальную природу, круг чтения и эпистолярное наследие, интеллектуальное своеобразие трудов Декарта и насельников Пор-Рояля, дискуссии иезуитов и янсенистов, значение Библии в освещаемой эпохе и многое другое.

Несомненно, монография К. Ю. Кашлявик вносит существенный вклад в изучение Паскаля в России и освоение его творческого наследия.

Доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель наук Российской Федерации

Б. Н. Тарасов

РЕЦЕНЗИЯ
на монографию К. Ю. Кашлявик «Поэтика Блеза Паскаля»

О Блезе Паскале написаны целые библиотеки. Однако огромный корпус научных работ не исключает новых подходов к его наследию. Таким новаторским подходом предстает изучение поэтики Паскаля.

К. Ю. Кашлявик начинает его с текстологии. Поэтика Паскаля — поэтика в становлении. История создания текстов реконструирована, поскольку текстология видится как рентгеновский снимок стиля в становлении. Паскалевский текст — наджанровая целостность. Становление понимается как преодоление границ смысловых зон.

Второй раздел книги — биографический подход к творчеству Паскаля. Исследуя традицию Сент-Бёва, французских авторов и Б. Н. Тарасова, К. Ю. Кашлявик, вслед за предшественниками, рассматривает биографию Паскаля не только в пределах его времени и ментальности, но в звучании «христианского нерва, определяющего поэтику его произведений». То, что задача эта не только литературная, беллетристическая, но собственно научная, показывает весь ход предлагаемых монографией рассуждений. Вслед за рассмотрением диалогической поэтики «Писем к провинциалу», автор приступает к главной цели исследования — превращение текста «Мыслей» в текст художественный.

Понятие «автор» предстает основной поэтологической категорией. Поэтика Паскаля суть выражение внутреннего прирастания смысла. В книге прослежено, как Паскаль откликается на случай, момент, факт, событие «человечески пылко, темпераментно и одновременно по-научному, — рационально, с предуведомлениями, рассуждениями и обобщениями. Таким образом он как бы «закрывает», прописывает раз и навсегда какую-то тему, а впереди возникает следующий «случай»/«causa finalis». И хотя причиной и источником внешней целесообразности полагает Бога, однако в динамической перспективе XVII века Паскаль уже размышляет о человеке. «Случай», «сочинения на случай» — пример распада спайки античной риторики и христианской теологии. «Случай» из научного, дидактического и полемического слова рождает слово вольное.

Блестящий раздел о музыке и музыкальности показывает внутреннюю музыкальность мышления Паскаля. Музыкальные увлечении Паскаля не единственно глава биографии, это тот внутренний слух, который содержится во всех сочинениях — от научных до собственно литературных. Здесь спонтанное, мистическое, прозреваемое переходит из внутреннего пространства и времени во внешнее пространство и время. Такова же природа риторического мышления в музыкальной поэтике И. С. Баха.

Отдельный интерес представляет рассуждение «О трех порядках» в четвертой главе книги.

В целом, монография К. Ю. Кашлявик — оригинальное, научно-обоснованное сочинение, открывающее новую страницу в изучении сложного художественного мира Блеза Паскаля.

Доктор филологических наук, профессор

В. Г. Зусман

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....11

Глава 1. «ПАСКАЛЕВСКИЙ ТЕКСТ» И ПОДХОДЫ К ЕГО ИССЛЕДОВАНИЮ.....23

«Паскалевская традиция».....24

История «Мыслей» Паскаля: замысел, намерение автора и судьба черновиков.....36

Издания «Мыслей».....39

Подходы к «паскалевскому тексту».....45

«Паскалевский текст».....50

Глава 2. БЛЕЗ ПАСКАЛЬ В ПРЕДЕЛАХ СВОЕГО ВРЕМЕНИ И СВОЕЙ СУДЬБЫ.....58

Время Паскаля. Историко-литературный контекст...62

Месторазвитие. Род Паскалей.....66

Круг чтения Паскаля.....73

Паскаль — переводчик Библии.....77

Паскаль и музыка 83

Письма Паскаля. Становление авторского голоса 108

Изображения Паскаля. Маска. Портрет. Образ.....123

Глава 3. ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА В «ПИСЬМАХ К ПРОВИНЦИАЛУ» 136

Теологический спор века: иезуиты и «янсенисты».....137

«Янсенизм» и литература.....151

Из истории создания «Писем к провинциалу».....155

Паскаль литературный.....159

Жанровая природа «Писем к провинциалу».....168

Имя и псевдонимы. Путь к авторскому слову.....175

Тематика «Писем к провинциалу». Циклообразующий принцип произведения.....185

Персонажи и образы «Писем к провинциалу»…194

Стиль «Писем к провинциалу».....202

Глава 4. ПОЭТИКА «ПРЕРВАННОГО ТЕКСТА».....207

«Прерванный текст».....208

Жанр «Мыслей» 211

Форма «прерванного текста». Техника «ядерного стиля».....220

Архитектоника «Мыслей»: «порядок» и «беспорядок».....231

Стиль «Мыслей» на примере фрагмента «О трех порядках».....253

Фрагмент «О трех порядках» и его место в «Мыслях».....254

Тематика и структура фрагмента «О трех порядках».....265

Аналогия как композиционный принцип фрагмента «О трех порядках».....270
Математическая поэма «О трех порядках» 275
Поэтика «порядка» в «Мыслях».....285
Основные тематические оппозиции «Мыслей»....293
Слово в «Мыслях».....310

Заключение.....313

Список литературы 317

Иллюстрации.....329

ВСТУПЛЕНИЕ

Блез Паскаль (1623—1662) неотделим от литературной современности Франции XVII века. Французский мыслитель — часть того интеллектуального, культурного и метафизического единства, о котором он напряженно размышляет в произведениях. Масштаб эрудиции (математика, физика, теология, философия, музыка), всесторонний кругозор (история религии, изучение трудов Отцов Церкви, участие в переводе Библии на французский язык, теологические дискуссии с кругом «господ Пор-Рояля», посещение Академии Мерсенна, тяготение к салонной культуре) позволяют рассмотреть творчество Паскаля с разных точек зрения: религиозной, философской и литературной.

Писать о Паскале сложно. В европейской мысли и литературе Нового времени, вслед за великим Платоном, Паскаль оказался «вечной проблемой истории человеческой культуры»[1].

---

[1] Лосев А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона//Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Пер. с древнегр. Вл. С. Соловьева, М. С. Соловьева, С. Я. Шейман-Топштейн и др. М., 1990. Т. 1. с. 3—4.

Как о всяком великом, о нем бытовали легенды, даже анекдоты, сохранившиеся в литературе до сих пор. Например, об увлеченности своими мыслями, которые он в сосредоточенности мог записывать «на клочках бумаги, на собственных манжетах, на собственных руках», «пером или карандашом, ему все годилось; во время прогулок ему случалось иногда писать на собственных ногтях»[2]. Их невозможно подтвердить или опровергнуть, в них можно верить или не верить.

В отличие от современных писателей, после которых и о которых остались достаточные для понимания их личностей и творчества свидетельства и документы, портреты, фотографии, записи голоса, кинохроники, наконец, после Паскаля осталось мало, даже в сравнении с другими выдающимися людьми XVII века.

Невозможно увидеть движения, манеры, выражение глаз, услышать тембр голоса и ритм речи Паскаля. Осталось имя — Паскаль (в переводе с французского *pascal* — пасхальный), имя личности, глубинно структурированной христианской верой. Остались его произведения.

Путь, пройденный французским ученым в земной жизни, как и зерна фундаментальной теологии в «Мыслях», стали одним из loci communes религиозных борений и творческих исканий Нового времени. Паскаль не дает философской или теологической системы в виде готового, магистрального произведения. Запечатленная в «Мыслях» — произведении фрагментарном и незавершенном, она рождает больше вопросов, чем ответов.

Каждая из культурных эпох, прошедших после Паскаля, предлагает свое прочтение этого произведения. Три века издатели, писатели

---

[2] Strowski F. Pascal et son temps. T. III, p. 105, 220. Цит. по: Lafuma L. Introduction // Le manuscrit des «Pensées» de Pascal. 1662. Les feuillets autographes reclassés dans l'ordre de la Copie des «Pensées». Préface de Jean Guitton de l'Académie française. Edition introduite, annotée et établie par Louis Lafuma, publiée sous les auspices de la Société des Amis de Port-Royal et du Comité National pour la célébration du troisième centenaire de la mort de Blaise Pascal. Les Libraires Associés. Paris, 1962. p. 22.

и философы, верующие и атеисты спорили о «Мыслях» и об их авторе. Так сложилась целая «плеяда Паскалей»: Паскаль — назидательный (издание Пор-Рояля, аббата Боссю), Паскаль-атеист (выбранные места из «Мыслей», изданные д'Аламбером или Вольтером), Паскаль-суеверный, почитатель «амулета» (Кондорсе), Паскаль-скептик (Кузен), Паскаль-байроновский романтик, «родной брат» Рене, Вертера и Гамлета (Шатобриан), Паскаль-эклектик (Аве), Паскаль-разочарованный (Шестов), Паскаль-рационалист (Молинье), Паскаль-протестант (издание Астье), Паскаль-янсенист (Брюнетьер, аббат Бремон), Паскаль-антиянсенист (Блондель)[3], Паскаль-картезианец, антикартезианец, марксист, экзистенциалист, величественный мизантроп, не считая паскалевских вариаций Сюареса, Жида, Валери, Пеги, Мориака[4]. Реконструкция мысли Паскаля представляется сложнейшей задачей, с которой сталкиваются не только исследователи, но и читатели, открывающие «Мысли».

Автор книги, остающаяся читателем, на годы уловленным глубиной буквального и простотой символического фрагментов Паскаля, не задавалась целью философской или теологической реконструкции мысли писателя XVII века. Задача, главным образом, состояла в описании художественного мира и профанной составляющей его поэтики. Поэтому в фокус попадают тексты, которые принято называть «литературными» или в которых можно искать литературный элемент и художественную составляющую: письма; стихи, приписываемые Паскалю; «Письма к провинциалу» и «Мысли».

Размышления Паскаля о стиле и о слове, рассыпанные в произведениях, сами по себе обосновывают возможность рассуждения о поэтике его произведений. При этом одна из важных особеннос-

---

[3] Pol Ernst. Introduction // Approches pascaliennes. 1970. p. 1-2.

[4] Lioure M. Quelques écrivains du XX siècle lecteurs de Pascal // L'accès aux «Pensées» de Pascal. Actes du collegue scientifique et pédagogique de Clermont-Ferrand, réunis et publiés par Thérèse Goyet. Paris, Klincksiek. 1993.

тей в описании литературной саморефлексии заключается в том, что Паскаль не мыслил себя писателем, даже в том смысле, который накопило французское слово «écrivain» в XVII столетии. Однако нет ни одного издания — от академического тома до школьного учебника, в которых перечень французских классиков не включал бы имени Паскаля. Писателем его делает история литературы.

В поэтике Паскаля слово мыслится как проявление Божественного в духе пролога Евангелия от Иоанна — In principio erat Verbum, et Verbum erat apud Deum, et Deus erat Verbum (Io. I, 1)[5], и имеет три вершины: слово — Бог — Слово. Глагол Паскаль-писателя жжёт «сердца людей». Христианская интонация и архитектоника пушкинского «Пророка» точно характеризуют природу творчества Паскаля, вобравшего мир научный и светский, риторический и антириторический, дольний и горний, соединив их диалогическими отношениями.

Литературно-пророческий нерв, поэтическую яркость и богатство звучаний его произведений как никто другой определил французский классик XX века Поль Клодель (1868–1955), поместив Паскаля в свой ряд великих французских поэтов вместе с Рабле, Боссюэ, Сен-Симоном, Шатобрианом, Оноре де Бальзаком и Мишле. Мистически одаренный Клодель определяет место «Мыслей» в профанном потоке литературы, бегущей своего овеществления — «труд неоценимый для всех, кто ищет веру»[6], и называет Паскаля «истинным апостолом ad exteros для всех [нас] французов»[7], который «открывает им глаза, овладевает ими, захватывает их, продолжает нить речи древнего Иова»[8].

---

[5] Evangile selon Saint Jean // La Sainte Bible (texte Latin et traduction française) commentée d'après la Vulgate et les textes originaux par L.-Cl. Fillion. T. VII. Paris: Letouzey et Ané, Éditeurs, 1901. p. 465-468; p. 464.

[6] Claudel P. Ma conversion // Claudel P. Oeuvres en prose. Préface par Gaëtan Picon. Textes établis et annotés par Jacques Petit et Charles Galpérine. p. 1012.

[7] Correspondance Claudel–Rivière. Livre de vie. p. 290 : «... avant tout Pascal, qui est le véritable apôtre ad exteros pour nous autres Français».

[8] Claudel P. Lettre à H. F. Stewart, du juin 21, 1939 // Claudel P. Oeuvres en prose. Pléiade. p. 1413-1414.

Предвестник нового мышления — механистического, классического и позитивистского, одновременно — аскет, мистик и платоник, Паскаль мыслит мироздание в образах и представлениях. Сочетание аскетизма, учености и мистицизма создает образ французского апостола в традиции «нового благочестия»[9]. Именно поэтому в истории литературы Паскаль становится апостолом, соединившим веру и культуру для всех читателей, что важно для понимания и «русского Паскаля»[10].

Паскаль настолько был человеком своего века и одновременно самобытен, а его проза столь многомерна, что для обстоятельного рассуждения о его творчестве необходимо сопряжение разных филологических ракурсов: биографического, сравнительно-исторического, текстологического и герменевтического.

Паскаля-писателя можно рассматривать как автора биографического (в традиции Ш.-О. Сент-Бёва, Ж. Менара, Б. Н. Тарасова), автора идеологического (в терминологии М. М. Бахтина), а также как образ автора (в концепции В. В. Виноградова)[11]. Именно в этом ключе строится книга. Особенно важно подчеркнуть, что во

---

[9] Омэнн, Дж. О.Р. Христианская духовность в католической традиции». Пер. с англ. Н. Вакуленко. Изд.: Святого Креста. Рим—Люблин. 1994.

[10] Смотри: Блез Паскаль: pro et contra. Личность и творческое наследие Паскаля в восприятии и оценке русских философов и писателей. Антология. Составитель В.Д. Алташина. Издательство Русской христианской гуманитарной академии. СПб., 2013.

[11] Сент-Бёв Ш.-О. Литературные портреты. Критические очерки. Сост., вступ. статья, коммент. М. Трескунова. М., 1970. с. 41; Корман Б.О. Заметки о проблеме автора // Проблема автора в художественной литературе. Воронеж, 1982. с. 41-60; Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т.1. Редакторы тома С.Г. Бочаров, Н.И. Николаев. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2003. с. 69-263; Корман Б.О. Литературоведческие термины по проблеме автора (в помощь студенту-заочнику, специализирующемуся по литературе). Ижевск, 1982; Виноградов В.В. Поэтика и риторика // Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. с. 98-175.

всех случаях — это автор, сочетающий слово риторическое и слово свободное[12].

Сочетание риторического слова и свободного слова свойственно литературе Нового времени. В качестве примеров можно привести произведения Монтеня или современника Паскаля Декарта. Говоря о сопутствующей этому сочетанию духовной прозе, стоит упомянуть «Надгробные речи» и «Проповеди» Боссюэ, «Введение в благочестивую жизнь» Святого Франциска Сальского, «Рассуждение о трех порядках» из «Мыслей» Паскаля, сочинения «господ из Пор-Рояля».

Описывая состояние прозы XVII века, французские исследователи вплетают в рассуждения о красноречии, об эпистолярном жанре, о сочинениях по истории, о моралистической и проповеднической литературе формулу «prose d'art» — «искусство прозы». Проза предстает, прежде всего, «инструментом мысли»[13].

Признав типологическим свойством подобной прозы ее риторичность, важно повторить, вслед за М. Л. Гаспаровым, что в XVII столетии «риторика оказалась менее готова к новому общественному спросу, чем поэтика»[14]. Поэтика XVII века может быть описана и через призму готового слова, понимание которого предложил А. В. Михайлов с опорой на труды А. Н. Веселовского[15].

---

[12] Размышления над вопросом о бытовании «свободного слова» содержат программное издание Института мировой литературы «Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания». Ответственный редактор П.А. Гринцер. М.: Наследие, 1994. – 512 с.; а также работы М.М. Бахтина, в частности, «Франсуа Рабле в истории реализма» // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4 (1). Редактор тома И.Л. Попова. М.: Языки славянских культур, 2008. с. 15-505.

[13] Bury E. La prose d'art // Littérature française du XVII siècle. Collection "Premier cycle"/ PUF, 1992. p. 299-407.

[14] Гаспаров М.Л. Поэзия и проза – поэтика и риторика // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наследие. 1994. с. 145.

[15] Веселовский А.Н. Задача исторической поэтики // Веселовский А.Н. Избранное: на пути к исторической поэтике. Составитель тома, автор послесловия и

Такое слово рождено самой культурой, оно существует в ее языке, оно «ловит автора на пути к действительности»[16]. Такая культура «готового слова» — это риторическая культура. Паскаль принадлежал к ней по времени своего рождения.

В общей концепции поэтики литературы XVII века слово Паскаля слышится как слово риторическое и одновременно свободное, прозаическое и поэтическое. Слово для Паскаля это и инструмент мысли, и духовная проза, в которой явственен голос автора.

Оно опирается на библейскую и античную традицию, складываясь в различные жанровые формы. Особое состояние слова, осознанного автором, проявляется в «Мыслях», в частности, во фрагменте «Геометрия. Светскость»:

L 513 / S 671 *«La vraie éloquence se moque de l'éloquence. La vraie morale se moque de la morale, c'est-à-dire que la morale du jugement se moque de la morale de l'esprit, qui est sans règles.*
Car le jugement est celui à qui appartient le sentiment, comme les sciences appartiennent à l'esprit. Se moquer de la philosophie, c'est vraiment philosopher»[17].

комментариев И.О. Шайтанов. М.: Автокнига, 2010, с. 617-618; Шайтанов И.О. «Историческая поэтика»: опыт реконструкции ненаписанного // Веселовский А.Н. Избранное: на пути к исторической поэтике. Составитель тома, автор послесловия и комментариев И.О. Шайтанов. М.: Автокнига, 2010, с. 621-648; Михайлов А.В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры. Глава 1. К проблеме исторической поэтики // Михайлов А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. Составитель тома С.Ю. Хурумов. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. с. 9-51; Михайлов А.В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наследие. 1994. с. 326-391.

[16] Михайлов А.В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наследие. 1994. с. 332.

[17] Pascal Bl. Pensées. // Pascal Bl. Les provinçiales. Pensées et opuscules divers. Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour "Les Provinçiales". La Pochothèque. P., 2004, p. 1201.

L 513 / S 671 «Математика. Светскость.

Истинное красноречие смеется над красноречием. Истинная мораль смеется над моралью. Иначе говоря, мораль мудрости смеется над моралью рассудка, у которого нет законов.

Ибо мудрость — это то, к чему чувство относится так же, как науки относятся к рассудку. Светский ум составляет часть мудрости, а математический — часть рассудка.

Смеяться над философией — это и есть философствовать по-настоящему»[18].

Как видно из цитаты, в культурном языке самоистолкования Паскаля научные знания и поэтика сближены: от «художественности» как двойственности, неоднозначности, нелинейности, алогичности намечается путь к преодолению риторического слова, которое всегда пытается сохранить свою серьезность. Автор «не выходит из-под действия риторики, ибо <…> риторика в таком обобщенном понимании не есть правило или сумма правил <…>. Правила риторики можно нарушать, а можно их и не знать вовсе», создавая риторически окрашенные тексты[19].

Риторика на уровне бессознательного, автоматизм риторического мышления встречаются с «непривычными отношениями», которые можно соотнести с приметами того стиля, «которым разрешается ренессанс или вырождается ренессанс»[20]. Риторическое слово становится барочным словом и после ренессанса являет себя в прерывистом речевом потоке, где уже романное мышление задается вопросами: что такое история? что такое время? что такое личность? В начале бытования романного слова находятся образотворчество

---

[18] Паскаль Бл. Мысли. Пер. с франц. Ю.А. Гинзбург. Вступительная статья и комментарии Ю.А. Гинзбург. Изд. имени Сабашниковых. М., 1996. с. 237.

[19] Михайлов А.В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наследие. 1994. с. 348-349.

[20] Там же с. 327-328.

Шекспира и Сервантеса, гротескный реализм Рабле и опыты Монтеня[21]. Слово Паскаля может быть вписано в этот ряд через смеховое слово «Писем к провинциалу», где смысловая прерывистость обусловлена участием автора в мире своего произведения, а также через соположение фрагментов «Мыслей». Примером такого слова-образа является «мыслящий тростник»/ «*roseau pensant*». Его рецепция широко вошла в европейскую литературу.

Для сравнения можно привести примеры творчества других писателей, в том числе, современника Паскаля протопопа Аввакума (1620, 1621—1682), который пользуется «сложившимся и готовым» языком традиционной культуры. С этой точки зрения, творчество огнепального протопопа попадает в «поле барочного резонанса, разделяя с западной культурой самые общие принципы морально-риторической экзегезы»[22].

Неожиданный пример творчества великого Аввакума Петрова может быть использован и для высветления типологии «антириторичности» творчества Паскаля. В этой перспективе творчество Паскаля представляется богатым источником для понимания поэтики литературы Нового времени, так как оно вырастает одновременно из желания доказательств и желаний коммуникаций, и содержит «такие разные сферы как геометрию, физику, право, теологию и философию»[23].

При этом поэтика включает два значения. Первое — буквальное, многократно изложенное многими исследователями. Одно из последних и приемлимое практически, пранадлежит А. Д. Михай-

---

[21] Бахтин М.М. Франсуа Рабле в истории реализма // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4 (1). Редактор тома И.Л. Попова. М.: Языки славянских культур, 2008. с. 16-17; с. 40-49; с. 56-65.

[22] Михайлов А.В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наследие. 1994. с. 349.

[23] Descotes D. L'argumentation chez Pascal. PUF. 1993. p. 12.

лову применительно к изучению поэтики Марселя Пруста, которое «предполагает анализ как методов работы писателя, так и — в общем прежде всего — результатов этой работы, то есть выяснение того, <…> какова структура этого произведения, каков его сюжет (или сюжеты?), как организована система персонажей, как раскрываются и эволюционируют их характеры. Какие приемы описания использует писатель, в том числе каковы стилистические пласты, которые можно выявить в его книге»[24].

В литературных произведениях Паскаля, в «Письмах к провинциалу» и в «Мыслях», есть все вышеперечисленные константы поэтики, хотя писатель XVII века специально «не работал» в жанре романа.

Второе — связующее практику и теорию — символическое, постулирующее «связь типа художественного сознания с категориями самой поэтики», среди которых особенно важными «представляются категории с т и л я, ж а н р а и а в т о р а»[25].

Именно этот вектор был задан исследователями творчества Паскаля во Франции и в России. Изучение наследия Паскаля основано, прежде всего, на опыте и открытиях французских филологов, историков и философов. Это великолепный труд Сент-Бёва «Пор-Рояль» («Port-Royal»), коллективный памятник «Словарь Пор-Рояля» (Dictionnaire de Port-Royal), изыскания Орсибаля об истоках янсенизма, труды аббата Коне о людях и круге Пор-Рояля, также как и о «Письмах к Провинциалу», фундаментальные труды академика Менара, периодические издания «Общества друзей Пор-Рояля». Собранные по крупицам на протяжении трех столетий

---

[24] Михайлов А.Д. Поэтика Пруста. М.: Языки славянской культуры. 2012. с. 29.

[25] Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох //Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания». Ответственный редактор П.А. Гринцер. М.: Наследие, 1994. с. 4-5.

материалы, документы, свидетельства, разработанный французскими учеными филологический инструментарий и методология позволяют корректно подойти к описанию поэтики Паскаля.

Особое место в паскалеведении занимают исследования Б. Н. Тарасова, вокруг которых формируется основной ореол знаний о Паскале в отечественном контексте.

Значительным событием в систематизации изучения творчества Паскаля стало трехтомное собрание сочинений под общей редакцией О. И. Хомы, изданное в Киеве в 1997 году, с послесловием украинского ученого[26]. В него вошли малые сочинения, «Письма к провинциалу», в дополнение даны переводы предисловий, комментариев и статей Вандрока-Николя, Брюнетьера и Брюнсвика. Несомненное достоинство этого издания — полнота переводов произведений Паскаля, осуществленных в России в конце XIX начале XX столетий.

Прежний опыт обогатился переводом «Мыслей» по версии Лафюма, опубликованным издательством имени Сабашниковых в 1996 году со вступительной статьей переводчика Ю. А. Гинзбург[27]. Известно, что издания Лафюма (1951 и 1963 гг.) — одни из первых стабилизировали текст «Мыслей» в соответствии с оригиналами рукописей Паскаля. Издание считается каноническим текстом современного паскалеведения. В этом контексте перевод Ю. А. Гинзбург выполняет общественное и филологическое назначение. Это шаг к текстологической традиции в согласии с закономерностями оригиналов «Мыслей» уже в отечественной филологии. Работая с ним, можно узнать, прежде всего, русскоязычного Паскаля, а сопостав-

---

[26] Паскаль Бл. Собрание сочинений в трех томах. Под ред. О. И. Хомы. Киев, 1997.

[27] Паскаль Бл. Мысли. Пер. с фр. Ю. А. Гинзбург. М. изд. имени Сабашниковых, 1996.

Ю. А. Гинзбург. Мысли о главном // Паскаль Бл. Мысли. Пер. с фр. Ю. А. Гинзбург. М. изд. имени Сабашниковых, 1996. с. 5-37.

ляя перевод с оригинальным произведением, добраться до Паскаля истинного и создать отечественное академическое издание его собраний сочинений.

При наличии столь обширной истории изучения творчества французского писателя, все же работы о поэтике его произведений немногочисленны во Франции, а в отчественном контектсе и вовсе отсутствуют. По сути, эта книга — первая попытка последовательного описания поэтики Паскаля как движения к рождению живого свободного слова.

Все цитаты из произведений Паскаля приводятся по следующим изданиям: Blaise Pascal. Oeuvres complètes. En 4 volumes. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1964–1992 — и в издании аббата Коне для «Писем к провинциалу». Ссылки на французский текст «Мыслей» даются по изданию Ф. Селье: Pascal Bl. Pensées // Pascal Bl. Les provinçiales. Pensées et opuscules divers. Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour "Les Provinçiales". La Pochothèque. P., 2004. Рядом с нумерацией по Селье указываются номера фрагментов по Лафюма: Pascal Bl. Pensées // Pascal Bl. Les oeuvres complètes. Présentation et notes par Louis Lafuma. P., 1963. Также используется электронная версия "Pensées" Декота-Пруста[28].

В работе используется сводная таблица нумераций фрагментов, составленная Менаром: Mesnard J. Table de concordance // Mesnard J. Les "Pensées" de Pascal. P.: Sedes, 1993. p. 415–430.

Русские тексты приводятся в переводах С. О. Долгова, Э. Л. Линецкой, Ю. А. Гинзбург, а также в вариантах автора книги.

---

[28] http://www.penseesdepascal.fr/General/Introduction.php

ГЛАВА I

«ПАСКАЛЕВСКИЙ ТЕКСТ» И ПОДХОДЫ К ЕГО ИССЛЕДОВАНИЮ

Разговор о поэтике писателя принято начинать с обзора традиции его текстов. Это тем более оправдано, если перспектива взгляда отстоит на три века. Стиль Паскаля, запечатленный в «Письмах к провинциалу» и особенно в главном труде, в открытой текстовой структуре, «Мыслях» показывает, что это стиль в становлении, стиль незавершенный. Поэтому рассуждение об истории текста и обращение к инструментарию текстологического подхода становится a priori частью разговора о поэтике Паскаля.

В дальнейшем «мы стремимся представить текстологию и историко-литературный анализ как взаимосвязанные стороны процесса постижения особенностей поэтики писателя»[29]. Именно текстологический подход помогает проследить моменты и выявить формы становления индивидуальной поэтики Паскаля в контексте разветвленной жанровой системы готового слова XVII века. Сложение основного корпуса текстов Паскаля — отдельная тема для обстоя-

---

[29] Андрущенко Е.А. Предварительные замечания, или «Сам себе текстолог» // Андрущенко Е.А. Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М.: Водолей, 2012. с. 6. Смотри также: Одесский М. Блуждания текстологии между «канонической» и «динамической» моделями // Вопросы литературы, № 2, 2012.

тельного исследования. Здесь дается самый общий обзор, достаточный для рассуждения о поэтике его произведений.

«ПАСКАЛЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ»

Изобретение книгопечатания в XV веке не отменило рукописных вариантов бытования книги. Во второй половине XVII века целая армия переписчиков способствовала фиксации и распространению произведений. Важна еще одна особенность книжной культуры XVII столетия. Один раз изданное произведение, как правило, критически не пересматривалось в соответствии с рукописями автора, а переиздавалось и тиражировалось на основе первого издания. Рукописи же уходили в запасники лаборатории писателя[30].

Намеченный Возрождением переход от устного слова к письменному, когда рукописные варианты произведений имели хождение наряду с печатными, повлиял на характер творчества Паскаля и на историю его наследия.

Эпоха Паскаля — время, в котором современные ему идеи целенаправленно стремились разъединить столь долгий союз античной философии и христианской теологии с целью создания новой науки и очищения веры[31]. Отсюда острота полемики, запечатленная в устной и в письменной форме. Жанры эпохи Возрождения — «трактат» (traité), «речь» (discours), «письмо» (lettre), «рассуждение» (dissertation) и «комментарий» (commentaire) обрели в XVII столетии социальное, интеллектуальное и академическое звучание, настроенное на светскую

---

[30] Начало пересмотра сложившейся традиции относится к середине XIX столетия. Известно, что французские филологи внесли большой вклад в развитие текстологии Нового времени, критики текста и генетической критики. Примером могут служить «Мысли» Паскаля, история текста «Сида» Корнеля или же рукописей Гейне. Смотри: «Генетическая критика во Франции: Антология». Вступ. ст. Дмитриевой Е. Е. М.: 1999. С. 9-25.

[31] Pascal Bl. Préface sur le traité du vide. Oeuvres complètes. Tome II. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1970. p. 775-776.

публику, из которого, собственно, и родилась культура французской цивилизации Нового времени[32]. В подобном освобождении на уровне жанра обнаруживает себя и проза свободного слова.

Образцы известны — это сочинения Декарта, Мерсенна, Боссюэ, Расина, приступившего к написанию «Истории Франции» и «Краткой истории Пор-Рояля». Кроме авторов известного ряда это и ученые из Пор-Рояля — аббат Сен-Сиран, великий Арно, Николь, де Саси, Сенглен.

Творчество Паскаля не исключение. По сути, он «писал сочинения на случай, интерес к которым для него исчерпывался с утратой ощущения значимости того момента («случая»), который вызвал их к жизни. Единственно «Мысли» предполагали общее завершение. При этом «научные писания <…> были предназначены для узкого круга и по форме своей часто [представляли] письма, адресованные ученому миру. Паскаль, безусловно, желал восхищения современников, однако, он не думал о посмертной славе, на которую столь пылко надеялось большинство писателей»[33].

Паскаль откликается на «случай», «момент», «факт», «событие» по-человечески пылко, темпераментно и одновременно по-научному, — рационально, с предуведомлениями, рассуждениями и обобщениями. Таким образом, он как бы «закрывает», прописывает раз и навсегда какую-то тему, а впереди возникает следующий «случай»/«*causa finalis*». И хотя причиной и источником внешней целесообразности полагает Бога, однако в динамической перспективе XVII век уже размышляет о человеке. «Случай», «сочинения на случай» — пример распада спайки античной риторики и христианской теологии. «Случай» из научного, дидактического и полемичес-

---

[32] Thouvenin, P. Un jésuite passeur de culture // Rapin R. Les Réflexions sur la poétique et sur les ouvrages des poètes anciens et modernes (1684). Edition critique et présentation par Pascale Thouvenin. Champion Classique. P., 2011. p. 36-42.

[33] Mesnard J. Préface // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J . Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1964. p. 28.

кого слова рождает слово вольное. Таким образом, поэтика «случая» суть выражение внутреннего прирастания смысла.

Описывая традицию паскалевских текстов, академик Менар подчеркивает, что «произведения, изданные при жизни автора так редки, что их сохранность обязана случаю или же пиетету семьи и друзей Паскаля. Преждевременная смерть лишь усилила столь живой и столь мало литературный характер его творчества»[34]. Самый поразительный и убедительный пример текста, созданного одномоментно, — текст «Мемориала», поскольку он относится к глубинному личностному опыту.

Слава Паскаля-писателя относится к той, что называют «посмертной славой». И если предположить, что Паскаль не мыслил себя писателем, то можно постулировать, что последующая история словесности делает его таковым. Две трети наследия Паскаля относится к посмертным изданиям. Поэтому исследователю каждый раз надо вслушиваться в голос именно Паскаля, и «применительно к каждому произведению не лишним будет спросить себя о том, действительно ли мы слышим голос самого Паскаля»[35].

Во французской филологической традиции происхождение текстов Паскаля разделено на три источника: 1. «Прямая традиция»; 2. «Семейная традиция»; 3. «Разные традиции».

1. **«Прямая традиция»** («la tradition directe») включает прижизненные издания — в основном, научные произведения и полемические сочинения, рожденные теологическими спорами[36].

---

[34] Mesnard J. La tradition pascalienne. Traditions diverses. Ouvrages ayant circulé sous forme manuscrite. // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1964. p. 225.

[35] Mesnard J. La tradition pascalienne // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1964. p. 27-28.

[36] Mesnard J. La tradition directe // Pascal Blaise. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1964. p. 29-42.

Научные труды, изданные при жизни, позволяют рассуждать об интересах Паскаля-ученого. Они выстраиваются следующим образом: «Опыт о конических сечениях» («*Essai pour les coniques*») (начало 1640); «Письмо-посвящение господину Канцлеру о машине, изобретенной господином Б. П., для выполнения разного рода арифметических действий при помощи упорядоченного движения без пера и жетонов с необходимым Предуведомлением для тех, кто изволит проявить любопытство увидеть вышеназванную машину и воспользоваться ею» («*Lettre dédicatoire à Monsieur le Chancelier sur le sujet de la machine nouvellement inventée par le sieur B. P. pour faire toutes sortes d'opération d'arithmétique par un mouvement réglé sans plume ni jetons avec Un avis nécessaire à ceux qui auront curiosité de voir ladite machine et de s'en servir*»), «Предуведомление, необходимое для тех, кто выкажет любопытство увидеть счетную машину и воспользоваться ею» «*Avis nécessaire à ceux qui auront curiosité de voir la machine arithmétique, et de s'en servir*» (1645); «Новые эксперименты относительно пустоты» («*Expériences nouvelles touchant le vide... avec un discours sur le même sujet... dédié à Monsieur Pascal, conseiller du Roi en ses Conseils d'Etat et privé, par le sieur B. P. son fils*») (1647), первое произведение Паскаля, изданное в виде книги; «Рассказ о великом эксперименте равновесия жидкостей» («*Récit de la grande expérience de l'équilibre des liqueurs, projetée par le sieur B. P. ... et faite par le sieur F. P. en une des plus hautes montagnes d'Auvergne*») (1648); переписка с господином де Рибейром; «Письмо господина Паскаля-сына, адресованное к господину Председателю счетной палаты Клермон-Феррана» («*Lettre de M. Pascal le fils, adressante à M. Le premier Président de la Cour des Aides de Clermont-Ferrand*») (12 июля 1651).

Тиражи были небольшие, распространение произведений было ограничено узким кругом знатоков и друзей. Исключение составляет инструкция к изобретенной счетной машине, что прославила молодого человека.

Прижизненные публикации в виде писем к знаменитым ученым Европы с предложением тех или иных математических решений, связаны с конкурсом рулетты и относятся к 1658—1659 гг. Они были собраны вместе и изданы под заглавием: «Письма А. Деттонвиля» («*Lettres de A. Dettonville*») .

Обращает на себя вниманием то, что они написаны под псевдонимом «Amos Dettonville», что, предположительно, было продиктовано стремлением к объективности результатов конкурса или же иными причинами, например, борьбой с собственным тщеславием. Автор этих научных построений уже пережил мистическую ночь «Мемориала» 23 ноября 1654 года, то есть глубокое религиозное обращение. Псевдоним «Amos Dettonville» перекликался с анаграммами «Louis de Montalte» и «Salomon de Tultie», к которым прибегнул Паскаль в это же время, создавая полемические сочинения.

Уже первые тексты «Письма-посвящения» канцлеру Сегье и «Предуведомление…» (1645) указывают на присутствие авторского «я» и образность языка[37]. Паскаль использует сравнения, метафоры и образы, динамичный характер которых активно поддерживают глаголы, не злоупотребляет стилистическими украшениями, однако, придает стилистическим приемам ценность аргумента и посредством их выстраивает рассуждение по аналогии.

Так, Паскаль-геометр, наталкиваясь на ошибочные утверждения («*la nature a horreur du vide*»/природа боится пустоты), «вменяет в вину» авторам, прежде всего, способ выражения суждения, а не научную ложность положения. Подобная коммуникативно-риторическая реакция представляет интерес, ибо «подготавливает, или скорее открывает», по замечанию Ле Герна, знатока стиля и образности Паскаля, «современный научный язык, освобожденный от риторики и воз-

[37] Pascal Bl. Un avis nécessaire à ceux qui auront curiosité de voir machine arithmétique, et de s'en servir // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome II. Texte établi, présenté et annoté par J . Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1970. p. 334-341.

вращенный к своей роли ясного и объективного выражения явлений, совершенно независимых от личности говорящего»[38].

В «Предуведомлении…» авторское «я» выражено в жанре публичного текста. Паскаль обращается к читателю в духе времени: «*ami lecteur*»/«друг читатель», «*cher lecteur*»/«дорогой читатель», «*pour te faire savoir que…* »/«чтобы поведать тебе», «*tu*»/«ты». Тот же жанровый прием присутствует в части «К читателю» из «Рассказа о великом эксперименте равновесия жидкостей»: «*mon cher lecteur*»/мой дорогой читатель[39]. Таким образом, в научных произведениях Паскаля формируется его собственный стиль.

К полемическим сочинениям относят, прежде всего, «Письма к провинциалу». Они были изданы и переизданы при жизни Паскаля: случай довольно редкий в истории его наследия. Первый вариант сложился в период с 1656 по 1657 гг. Популярность произведения повлекла за собой его переиздание в одном томе в 1657 по инициативе Николя. Важно отметить, что это издание «подарило» литературное заглавие письмам и назвало автора — некоего Луи де Монтальта: «*Les Provinçiales ou les lettres écrites par Louis de Montalte à un Provinçiale de ses amis et aux RR. PP. Jésuites, sur le sujet de la morale et de la politique de ces Pères*»[40]. Последовали другие издания и переводы на латинский и английский языки (1657, 1658).

Вопросы, которые возникают при исследовании этого произведения: как Паскаль относился к изданиям и особенно переизданиям своего первого литературного сочинения, имевшего такой большой успех и широкий отклик? Вносил ли он правки? — имеют отношение и к его поэтике. Принято считать, что Паскаль, единожды

---

[38] Le Guern M. L'image dans l'oeuvre de Pascal. Klincksieck, 1983. p. 9-16. p. 16.

[39] Pascal Bl. Récit de la grande expérience de l'équilibre des liqueurs. Au Lecteur // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome II. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1970. p. 688-690.

[40] Mesnard J. Opus. cit. p. 37-39.

создав текст, более не интересовался им, не вносил дополнений и исправлений. Друзья и родственники, с которыми Паскаль состоял в переписке, отмечали, что он редко возвращался к разговору об уже изданном произведении и не ощущал необходимости вносить какие-либо исправления, потому что начинал писать только тогда, когда всё было основательно продумано. Такой «математический», рациональный подход сформировал его особую манеру письма.

Псевдоним, взятый Паскалем при их написании, ввел в заблуждение современников. Таллеман де Рео, автор «Занимательных историй», без чьей «нескромной болтливости», по мысли Сент-Бёва, «многие работы о XVII веке были бы в наше время в сущности невозможными»[41], и представить себе не мог, что именно Паскаль был автором великолепных «Писем…». И был немало удивлен, узнав об этом в свое время.

В 1659 году один из иезуитов предположил, что под именем Луи де Монтальта скрывался Блез Паскаль. Друзья из Пор-Рояля упорствовали в отрицании этой гипотезы. Так, в предисловиях к посмертным сочинениям Паскаля (1663, 1665 и 1670 гг.) авторы не упоминали о «Письмах к провинциалу». Однако в эпитафии, составленной Прустом де Шамбуром (1662) имя Паскаля соотносится с именем Луи де Монтальта[42]. Но этот текст известен только с 1684 года, когда он был впервые присоединен к изданию «Мыслей».[43]

Появление псевдонима Луи де Монтальта сообщает «Письмам…» литературный характер и свидетельствует об усложнении авторского сознания, так как Луи де Монтальт одновременно псевдо-автор и один из персонажей «Писем…». Вновь прижизненный шедевр служит посмертной славе писателя.

---

[41] Хатисова Т. Г. Жедеон Таллеман де Рео и его «Historettes»//Таллеман де Рео Ж. Занимательные истории. Перевод и примечания А. А. Энгельке. Стихи в переводе Э. Л. Линецкой. Издание подготовили А. Л. Андерс, Э. Л. Линецкая, Т. Г. Хатисова, А. А. Энгельке. Л.: Наука, 1974. с. 259.

[42] Смотри: Тарасов Б. Н. Паскаль. М.: Молодая гвардия. ЖЗЛ. 1979. с. 327.

[43] Mesnard J. Opus. cit. p. 39.

После «Писем к провинциалу» Паскаль принимал участие в острой полемике вокруг труда иезуитов «Апология казуистов». В собрании его сочинений, как правило, помещают различные «*Ecrits des Curés de Paris*» / «Сочинения кюре Парижа», «*Factum pour les Curés de Paris...*» / «Изложение обстоятельств дела для кюре Парижа» (1658), «*Second Ecrit...*» / «Второе послание» (1658), «*Cinquième Ecrit...*» / Пятое послание», «*Sixième Ecrit...*» / «Шестое послание» (1658). Эта часть наследия Паскаля вливается в обширный поток литературы, вышедшей из круга Пор-Рояля[44].

Если представить литературный портрет Паскаля в год смерти (1662) глазами современников, например, дворянина — завсегдатая салонов, или образованного буржуа, то можно предположить, что имя умершего «писателя» было неизвестно или же его слышали в связи с упоминанием счетной машины, либо в связи с опытом Пюи-де-Дом и конкурсом рулетты. Человек, близкий к Пор-Роялю, должно быть имел представление о том, что этот геометр был еще и автором «Писем к провинциалу». Если он был знаком с Паскалем лично, то узнав о его смерти, возможно, переживал те чувства, что столь горько выражены в письме от 20 августа 1662 года близкого к кругу Пор-Рояля теолога Лалана к сестре Паскаля Жильберте Перье: «Все, кто знают, что он сделал и что мог бы сделать и сделал бы, могут утешиться лишь в приятии Провидения Бога, что Он хотел изъять его из этого мира во имя собственной славы и вознаградить [тем самым] его благочестие и труды»[45].

---

[44] Sellier Ph. Port-Royal : littérature et théologie. Introduction II // Dictionnaire de Port-Royal. Elaboré sous la direction de Jean Lesaulnier et Antony McKenna. Paris: Honoré Champion Editeur. 2004. p. 33-38.

[45] Lesaulnier J. Lalane, Noël de // Dictionnaire de Port-Royal. p. 573 : «Tous ceux qui savent ce qu'il avait fait et ce qu'il pouvait faire et aurait fait ne peuvent s'en consoler qu'en adorant la Providence de Dieu, qu'il qui l'a voulu ôter de ce monde pour sa gloire et pour récompenser sa piété et ses travaux».

Столь же пронзительны суждения Николя в одном из писем от 3 сентября 1662 года: «Истинно можно сказать, что мы потеряли один из самых великих умов, который когда-либо был до этого. Я не нахожу никого для сравнения с ним: Пико делла Мирандола и все эти люди, которыми восхищался свет, были глупцами рядом с ним… Тот, кого мы оплакиваем, был королем в королевстве умов…<…> он будет мало известен потомству, ибо те труды, что остались после него, не в состоянии дать понять широкий размах этого ума… Что оставил этот великий ум, лишь два или три маленьких труда, которые не столь уж и полезны…?»[46]

Тема величия ума и прерванности его полета — общее место писем, адресованных современниками родственникам Паскаля в связи с его кончиной.

В письме Николя, вызывающего сегодня вопросы и несогласие, необходимо подчеркнуть тот факт, что творчество Паскаля во всей полноте и значимости не получило настоящей оценки. После кончины Паскаля его творчество было известно очень узкому кругу. Более всего оплакивали Человека. Именно преклонение перед Человеком помогло сохранить напечатанное и собрать неизданное. И в дальнейшем, особенно в XIX — первой половине XX века, неизменный интерес к Человеку повлиял на открытие Паскаля как Писателя.

2. **«Семейная традиция»** («la tradition familiale»). После смерти, 19 августа 1662 года, большая часть произведений Блеза Паскаля, известных сегодня, оставалась неизданной. Сохранение и поиск

---

[46] Цитируется по: Mesnard J. Opus. cit. p. 41: «L'on peut dire avec vérité que l'on a perdu un des plus grands esprits qui ait peut-être jamais été. Je n'en vois point de comparables à lui : Pic de La Mirande et tous ces gens que le monde a admirés étaient des niais auprès de lui… Celui que nous regrettons était roi dans le royaume des esprits…» Et pourtant «il sera peu connu dans la postérité, ce qui nous reste d'ouvrages de lui n'étant pas capable de faire connaître la vaste étendue de cet esprit… Que reste-t-il de ce grand esprit que deux ou trois petits ouvrages dont il y en a de fort inutiles…?»

наследия Паскаля связаны с литературной и издательской деятельностью его родственников. Рукописи учёного перешли к семье, и разбором бумаг занимались его сестра Жильберта, зять Флорен Перье и их дети Этьен, Маргарита и Луи. «Семейная традиция» представляла солидный корпус бумаг. Он так и называется в паскалеведении «фонд Перье» (*«le fond Périer»*). К нему относились рукописи, печатные произведения, письма, различные документы и деловые бумаги, а также библиотека Паскаля, например, экземпляр «Эссе» Монтеня. Были составлены планы изданий и вскоре напечатаны «Трактаты о равновесии жидкостей и о весе массы воздуха» (*«Traités de l'équilibre des liqueurs et de la pésanteur de la masse de l'air»*) (1663) и «Трактат об арифметическом треугольнике» (*«Traité du triangle arithmétique»*) (1665).

В течение века семья вела работу по сохранению и распространению творческого наследия великого родственника. Они публиковали произведения и делали множественные копии с рукописей, созидали добрую память, отвечая на выпады оппонентов. Наконец, поддерживали отношения со всеми, кто интересовался Блезом Паскалем, добавляя новые документы и свидетельства к уже сложившемуся архиву. Они, по сути, были первыми «паскалевцами» в том полном смысле, когда совпадают буквальное и символическое значения слова.

Постепенно к излету XVIII века, кроме научных рассуждений, сложился набор текстов, которые связывали с авторством Паскаля: «Мысли» *("Pensées")*, «Мемориал» *("Mémorial")*, «Сочинения о благодати» *("Ecrits sur la grâce")*, «Молитва, чтобы Бог дал употребить болезни во благо» *("Prière pour demander à Dieu le bon usage des maladies")*, «Разговор господина Паскаля с господином де Саси об Эпиктете и Монтене» *("Entretien avec M. de Saci sur Epictète et Montaigne")*, «Сравнение первых христиан с нынешними» *("Comparaison des chrétiens des premiers temps avec ceux d'aoujourd'hui")*, «Письмо на смерть отца…» *("La lettre sur la mort de son père")*,

«О геометрическом уме и об искусстве убеждать» *("De l'esprit géométrique et de l'art de persuader")*, «Об обращении грешника» *("Sur la conversion du pécheur")*.

Редкий архив французского писателя XVII века имел такую благополучную судьбу. Семья относилась к архиву с религиозным чувством любви. Однако это не уберегло «фонд Перье» от рассеивания в вихрях событий революции 1789 года. Оригиналы большинства рукописей Паскаля исчезли. Тем не менее, оставшиеся копии, выполненные по заказу Перье, составляют львиную долю живого творческого наследия Паскаля доступного сегодня[47]. Для данного исследования особый интерес представляет история текста «Мыслей».

3. **«Разные традиции»** («les traditions diverses»). С «семейной традицией» крепко связаны так называемые «разные традиции», к которым относят архивы, сохранившие письма и бумаги Паскаля, например, письма к ученым своего времени: М. Мерсенну, Р. Декарту, Х. Гюйгенсу, К. Рену, П. Ферма[48]. Паскаль не сохранял копий написанных писем, что сослужило горькую службу для истории литературы.

В этой ветви особое место принадлежит **«традиции Пор-Рояля»** («la tradition de Port-Royal»), важной для духовной истории Паскаля[49]. Сочинения, вышедшие из неё, делятся на две категории.

---

[47] Mesnard J. La tradition familiale // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1964. p. 42-218; p. 42-43. Смотри также сводную таблицу формирования рукописного фонда и копий Перье. Opus. cit. p. 208.

[48] Mesnard J. Les traditions diverses // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. « Desclée de Brouwer», 1964. p. 219-226.

[49] Mesnard J. La tradition de Port-Royal // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1964. p. 228-251.

Первая — высказывания и речи Паскаля, записанные кем-то из собеседников или слушателем. Ярким примером служит знаменитая «Речь о “Мыслях”», произнесенная Паскалем перед господами из Пор-Рояля, в которой содержался план сочинения; или же «Беседы о положении сильных мира сего». Сюда же причисляют пор-роялевские педагогические и общие сочинения, например, «Логика Пор-Рояля» Арно-Николя, в котором изложены основные идеи, высказанные Паскалем. В мемуарном корпусе Пор-Рояля присутствуют разные упоминания о деятельности Паскаля, в том числе, указывается на его участие в работе над переводом Библии.

Вторая категория текстов основана на письменных источниках, попавших к читателям через Пор-Рояль. Например, «Разговор с господином де Саси об Эпиктете и Монтене» или же пассажи из уже упомянутой «Логики Пор-Рояля», в «Первом рассуждении» которой читаем: «Вместе с тем надо признаться, что мысли, названные здесь новыми, так как их не увидишь в обычных “Логиках”, не все принадлежат автору настоящего труда. Часть из них заимствована из книг прославленного философа нынешнего столетия [Рене Декарт — *К. К.*], у которого мы находим столько же ясности ума, сколько путаницы обнаруживаем у других. Некоторые мысли взяты из небольшого неопубликованного сочинения покойного господина Паскаля, озаглавленного “О геометрическом уме”, а именно: то, что говорится в XII главе первой части о различии между определением имен и определением вещей, и пять правил, помещенных в четвертой части, где изложены гораздо более пространно, чем у господина Паскаля»[50]. К этой же традиции относится знаменитое пор-роялевское издание «Мыслей» 1669—1670 гг.

---

[50] Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения. Отв. редактор и автор предисловия А. Л. Субботин. Перевод с франц. В. П. Гайдамака. И.: Наука. М., 1997. с. 11-12.

ИСТОРИЯ «МЫСЛЕЙ» ПАСКАЛЯ: ЗАМЫСЕЛ, НАМЕРЕНИЯ АВТОРА И СУДЬБА ЧЕРНОВИКОВ

«История текста литературного произведения Нового времени изучается главным образом на материале черновиков», — пишет Д. С. Лихачев. При этом «черновики представляют нам текст, в процессе его создания, они закрепляют отдельные точки движения текста. Черновик — это рукопись, создаваемая в процессе работы и отражающая иногда несколько этапов в движении текста. Этим чрезвычайно облегчается изучение процесса создания произведения».

Ученый настаивает на том, что «в литературе Нового времени история произведения — это история его создания автором, <…> история текста литературного произведения Нового времени после смерти автора сводится по преимуществу к истории его печатных воспроизведений, в которых изрядную долю занимают простые искажения… История текста есть, прежде всего, история создателей этого текста и его издателей»[51].

С этой точки зрения история создания «Мыслей» («*Pensées*») (1669–1670) в сопряжении с историей их изданий занимает особое место в изложении текстологического аспекта поэтики Паскаля.

По свидетельству ближайшего окружения трудности при подготовке к изданию составили бумаги, которыми Паскаль дорожил более всего: совокупность заметок, предназначенных для замысла «Апологии христианской религии» («*Apologie de la religion chrétienne*») против «либертинов», вынашиваемого учёным с 1648 года. Паскаль намеревался посвятить написанию труда 10 лет, что при его болезненности, прогрессирующих параличах равнялось целой жизни. Из записей, найденных в различных стопках, без особого поряд-

[51] Лихачев Д. С. Текстология. СПб., 2001. с. 48-56.

ка и без последовательности, трудно было «сшить» окончательный вариант сочинения, предназначенного к публикации[52].

Текст «Апологии» известен их трёх основных источников: «Оригинальный сборник» («Le Recueil original»), «Первая копия» («La première copie») и «Вторая копия» («La seconde copie»). «Оригинальный сборник» (ОС в дальнейшем) — сборник всех текстов, написанных или продиктованных Паскалем. Именно эти рукописи были найдены после смерти учёного. Кроме подготовительных материалов к «Апологии» ОС содержит автограф «Мемориала» на бумаге и копию, сделанную с текста «Мемориала», написанного на пергаменте. Эти реликвии хранятся в Национальной библиотеке, в отделе рукописей, во французском фонде под номером 9202.

История происхождения этого приобретения интересна. 25 сентября 1711 года Луи-Огюстен Перье, племянник Паскаля, священник и каноник церкви в Клермоне в Оверни, передал в библиотеку аббатства Сен-Жерме-де-Пре в Париже три связки рукописей, оставленных дядей. В библиотеке аббатства они хранились в виде трех томов, каждый из которых открывался свидетельством о подлинности[53]. Только один из этих томов дошёл до нашего времени. В 1794 году, во времена закрытия монастырей, том был передан в Королевскую библиотеку под номером 3002. На оборотной стороне (на последней странице) ОС содержит заглавие «Оригинал Мыслей Паскаля 1711». ОС представляет собой фрагменты паскалев-

---

[52] Périer E. Préface de l'édition de Port-Royal // Pascal Bl. Les oeuvres complètes. Préface d'Henri Gouhier. Présentation et notes de Louis Lafuma. Ed. Du Seuil, 1963. p. 498.

[53] Подробнее об этом издании смотри: Lafuma L Histoire des "Pensées". P., 1954. Mesnard J. Opus. cit. p. 19; Кашлявик К. Ю. Текстологическая традиция «Мыслей» Паскаля // Sententiae. Наукові праці. Спилкі дослідників модерної філософії (Паскалівського товариства). XI. (2/2004). с. 102-120; Текстологические проблемы издания «Мыслей» Паскаля // Проблемы полиграфии и издательского дела. № 3. Москва, 2009. с. 97-105.

ских рукописей, наклеенных на листы бумаги размером 45 см на 28 см общим числом 492 страницы (смотри илл. на стр. 336.).

Для наклеенных текстов Паскаля, написанных recto-verso, были вырезаны так называемые «окна» («*fenêtres*»). Поля этих окон иногда закрывали авторские пометки. В 1959 году по просьбе Ле Герна, они были отклеены и под ними были обнаружены новые фрагменты. ОС является неоценимым источником авторского автографа большинства фрагментов, без которого невозможно составить систематический текст «Мыслей». К сожалению, в перспективе ОС нельзя исследовать порядок, хотя бы приблизительный, задуманного Паскалем труда. Ибо в ОС, по характеристике Ле Герна, «порядок бумаг был, без сомнения, изменен»[54].

Другие две копии были сняты в один и тот же период с 1662—1663 гг., у них единый исполнитель, исходят они из семьи Перье. Расхождения в копиях существенны, но не тотальны. В них входят 61 «единство» («*unité*») (Mesnard) или «досье» («*dossier*») (Sellier). Эти единства делятся на две части: 27 «озаглавленных связок» («*liasse à titre*»), название каждого из которых дано самим Паскалем — *Ordre, Vanité, Misère*..., и 34 «неозаглавленные связки» («*liasse sans titre*»). Обе копии дают один и тот же порядок последовательности «озаглавленных связок». Что касается оставшихся 34 единств, то здесь в каждой копии своя последовательность.

Какую из копий выбрать для работы при подготовки издания? «Первая копия» сообщает особый статус 27 озаглавленных Паскалем связок, которые имеют собственную логику, приводят их в порядок сообразно содержанию. «Вторая копия» воспроизводит озаглавленные разделы в непрерывном порядке с 34 единствами, в то время как в «Первой копии» каждое единство было переписано

---

[54] Le Guern M. Note sur le texte. Les manuscrits // Pascal Bl. Pensées. Bibliothèque de la Pléiade. Gallimard. P. ; 2000. p. 1304-1305.

в отдельную тетрадь, что делало невозможным всякую переделку, перегруппировку, перебор. Статус обеих копий a priori равнозначен в современном паскалеведении. Обе копии могут служить основой для «объективного» издания.

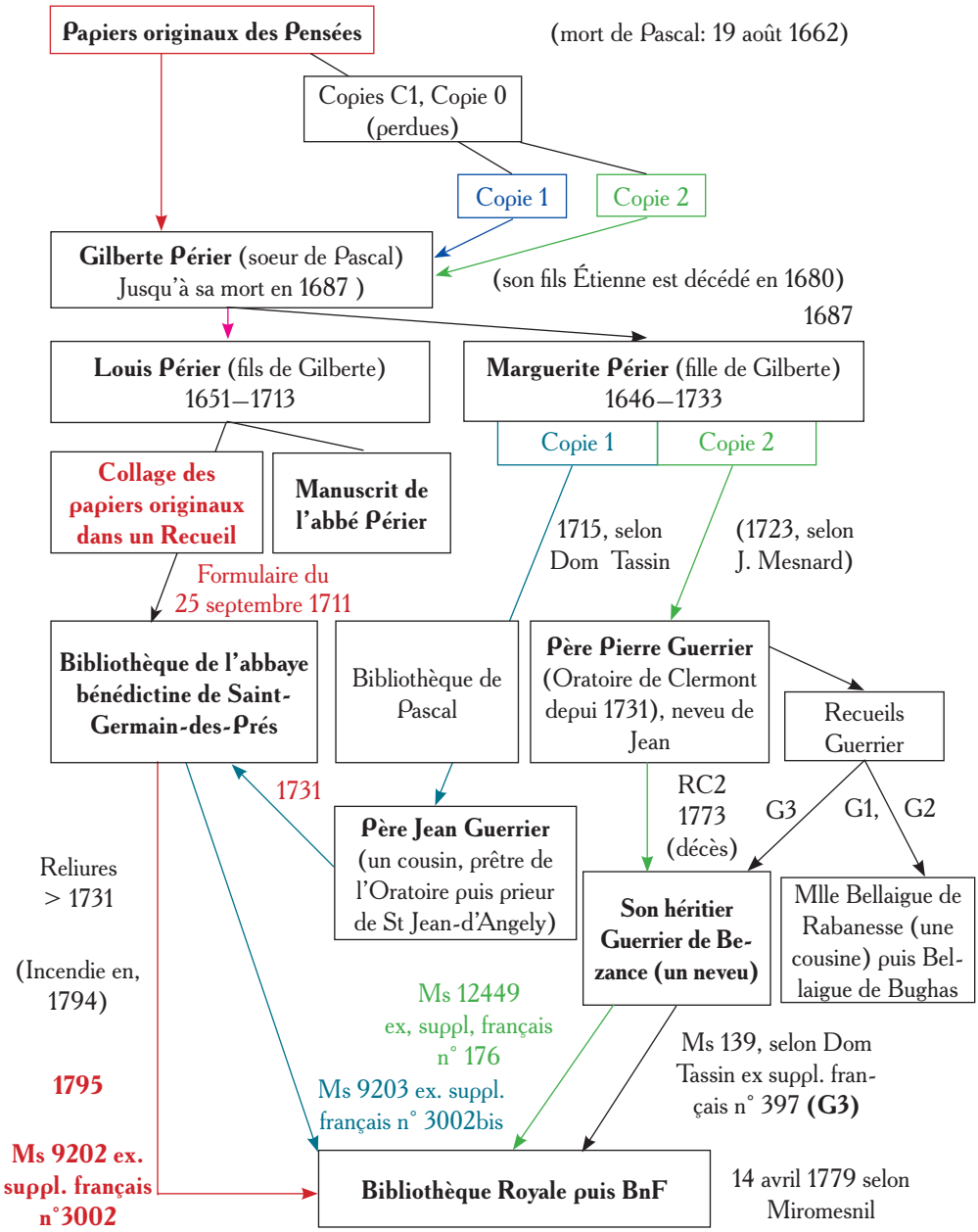
Для иллюстрации сложной истории рукописей «Мыслей» целесообразно представить схему их создания и движения (см. стр. 40—41). Она составлена профессорами из Университета Клермон-Феррана Д. Декотом и Ж. Прустом и размещена на сайте электронной версии издания «Мыслей»: http://www.penseesdepascal.fr/

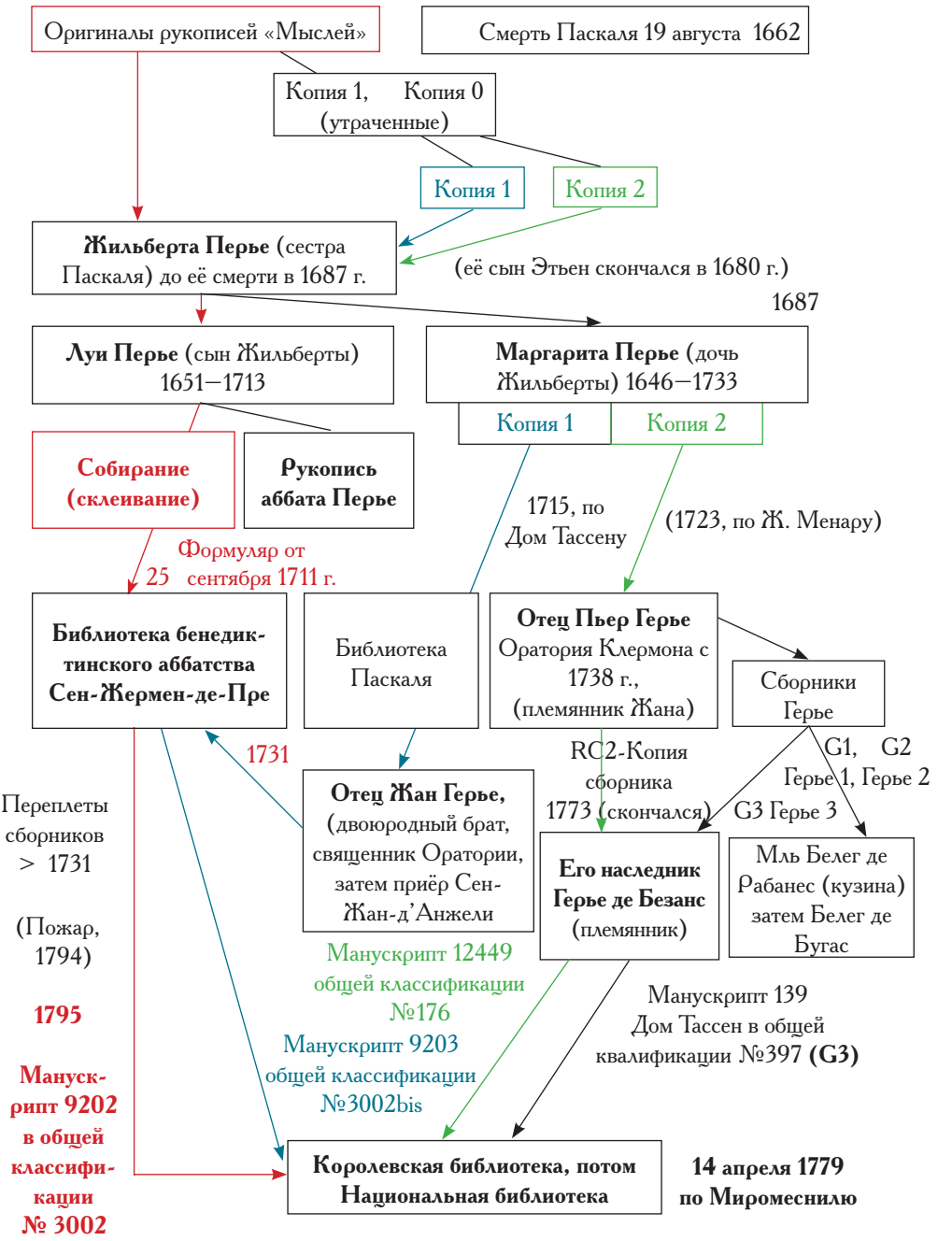
ИЗДАНИЯ «МЫСЛЕЙ»

Первым издателям рукописи Паскаля представлялись непригодными для публикации. Тем не менее, после нескольких лет работы с рукописями Этьен Перье при участии герцога де Роаннеза, Фило де Лашеза, Арно и Николя, 2 января 1670 года выпустили в свет том под названием «Мысли господина Паскаля о религии и о некоторых других вопросах, которые были найдены среди его бумаг после смерти» (*«Pensées de M. Pascal sur la religion et sur quelques autres sujets, qui ont été trouvés après sa mort parmi ses papiers»*). Принципы его компоновки — классификация отредактированного текста, в соответствии с принципом удобства, оставались неоспоримыми вплоть до 40-х годов XIX века[55].

Поворотным моментом в истории изданий «Мыслей» стал страстный доклад во французской академии о «Мыслях» Паскаля (*«Des "Pensées" de Pascal. Rapport à l'Académie française sur la nécéssité d'une nouvelle édition de cet ouvrage»*), произнесенный ученым, деятелем университетской науки, переводчиком Платона Виктором Кузеном в 1842 году. Ученый доказал «необходимость нового

[55] Подробнее об этом издании смотри: Lafuma L. Histoire des "Pensées" de Pascal (1656—1952). P., 1969. p. 29-46.


Papiers originaux des Pensées
(mort de Pascal: 19 août 1662)
Copies C1, Copie 0 (perdues)
Copie 1
Copie 2
Gilberte Périer (soeur de Pascal) Jusqu'à sa mort en 1687)
(son fils Étienne est décédé en 1680)
1687
Louis Périer (fils de Gilberte) 1651–1713
Marguerite Périer (fille de Gilberte) 1646–1733
Copie 1
Copie 2
Collage des papiers originaux dans un Recueil
Manuscrit de l'abbé Périer
1715, selon Dom Tassin
(1723, selon J. Mesnard)
Formulaire du 25 septembre 1711
Bibliothèque de l'abbaye bénédictine de Saint-Germain-des-Prés
Bibliothèque de Pascal
Père Pierre Guerrier (Oratoire de Clermont depui 1731), neveu de Jean
Recueils Guerrier
1731
Père Jean Guerrier (un cousin, prêtre de l'Oratoire puis prieur de St Jean-d'Angely)
RC2 1773 (décès)
G3
G1,
G2
Reliures > 1731
(Incendie en, 1794)
Son héritier Guerrier de Bezance (un neveu)
Mlle Bellaigue de Rabanesse (une cousine) puis Bellaigue de Bughas
Ms 12449 ex, suppl, français n° 176
Ms 9203 ex. suppl. français n° 3002bis
Ms 139, selon Dom Tassin ex suppl. français n° 397 (G3)
1795
Ms 9202 ex. suppl. français n°3002
Bibliothèque Royale puis BnF
14 avril 1779 selon Miromesnil


Оригиналы рукописей «Мыслей»
Смерть Паскаля 19 августа 1662
Копия 1, Копия 0 (утраченные)
Копия 1
Копия 2
Жильберта Перье (сестра Паскаля) до её смерти в 1687 г.
(её сын Этьен скончался в 1680 г.)
1687
Луи Перье (сын Жильберты) 1651–1713
Маргарита Перье (дочь Жильберты) 1646–1733
Копия 1
Копия 2
Собирание (склеивание)
Рукопись аббата Перье
1715, по Дом Тассену
(1723, по Ж. Менару)
Формуляр от 25 сентября 1711 г.
Библиотека бенедиктинского аббатства Сен-Жермен-де-Пре
Библиотека Паскаля
Отец Пьер Герье Оратория Клермона с 1738 г., (племянник Жана)
Сборники Герье
1731
RC2-Копия сборника 1773 (скончался)
G1, G2 Герье 1, Герье 2
G3 Герье 3
Отец Жан Герье, (двоюродный брат, священник Оратории, затем приёр Сен-Жан-д'Анжели
Его наследник Герье де Безанс (племянник)
Мль Белег де Рабанес (кузина) затем Белег де Бугас
Переплеты сборников > 1731
(Пожар, 1794)
1795
Манускрипт 9202 в общей классификации № 3002
Манускрипт 12449 общей классификации №176
Манускрипт 9203 общей классификации №3002bis
Манускрипт 139 Дом Тассен в общей квалификации №397 (G3)
Королевская библиотека, потом Национальная библиотека
14 апреля 1779 по Миромеснилю

издания «Мыслей»[56]. Отныне при работе над изданием «Мыслей» с последовательно нарастающей от издания к изданию скрупулезностью в качестве обязательного источника используют «Сборник оригинала». Результатом этого импульса стало появление изданий с комментариями Эрнеста Аве (1852) и Леона Брюнсвика (1897, 1904). Однако с точки зрения классификации и распределения фрагментов при издании Аве[57] и Брюнсвик вновь руководствовались принципом тематического удобства. Особенно показательно в этом отношении издание Брюнсвика[58].

С 1670 по 1938 гг. практически все издатели использовали один метод работы, при котором «<…> каждый фрагмент рассматривается как замкнутая единица текста в рамках тематического удобства распределения материала»[59]. Это приводило к субъективности и предвзятости изданий «Мыслей», хотя помогало прояснению общего плана сочинения.

С появлением этих изданий наиболее полно был разработан тематический метод работы с рукописями Паскаля. В дальнейшем вставали вопросы: возможно ли объективное, *каноническое* издание «Мыслей»?[60] Где искать основу для упорядоченного издания паскале-

---

[56] Cousin V. Des "Pensées" de Pascal. Rapport à l'Académie française sur la nécéssité d'une nouvelle édition de cet ouvrage. Paris, 1843. Объемный доклад, написанный живым и страстным языком, сам по себе является интересным историко-литературным памятником французской академической науки XIX века.

[57] «Pensées» de Pascal publiées dans leur texte authentique avec un Commentaire suivi et une étude littéraire. Par Ernest Havet. Paris, 1852.

[58] Pascal Bl. Opuscules et "Pensées" publiées avec une introduction, des notices et des notes par Léon Brunschvicg . Paris, Hachette, 1897; Pascal Bl. Pensées. Nouvelle édition collationnée sur le manuscrit autographe et publié avec une introduction et des notes par Léon Brunschvicg. Paris. Hachette, 1905.

[59] Mesnard J. Les "Pensées" de Pascal. Sedes/ P., 1993. p. 21.

[60] Термин «канонический текст» подразумевает формулировку, взятую из фундаментального труда академика Д. С. Лихачева «Текстология», где читаем:

вых бумаг? И вновь апеллируют к предисловию Э. Перье к пор-роялевскому изданию, сообщающему о намерениях первых издателей, от которых в дальнейшем отказываются: «издать бумаги в том порядке, в котором они были найдены»[61]. Следовательно, в контексте издания Пор-Рояля «этот беспорядок утверждает порядок»[62].

В 1938 году французский филолог Захарий Турнер выпускает палеографическое издание «Мыслей», «в принципе в том виде, в котором они были найдены»[63]. До издания Турнера ученые не обращали должного внимания еще на одно ценное замечание Э. Перье о том, что бумаги Паскаля были «сшиты в разные стопки». Турнер не до конца выдерживает в издании декларированные принципы. Тем не менее, его работу называют революционной в истории текстологии «Мыслей», поскольку впервые появилась возможность создания «объективного издания», тем самым открылись перспективы в исследовании паскалевского текста.

«Термин “канонический текст” заимствован литературоведами Нового времени у богословов. Под этим термином богословы подразумевают тот текст канонических книг, который официально принят церковью. <…> Под каноническим текстом классического произведения понимается текст раз и навсегда закрепленный, установленный для всех изданий, твердый, стабильный, обязательный для изданий. Установление канонического текста классического произведения нового времени необходимо главным образом в практических целях массовых изданий». Лихачев Д. С. Текстология. Часть первая. Глава XIII. Техника издания текстов. Вопрос о «каноническом тексте». СПб., 2001. с. 489.

[61] Les «Pensées» de Port-Royal. Préface. // Pascal Bl. Les oeuvres complètes. Edition présentée, établie et annotée par Michel Le Guern. Gallimard. Bibliothèque de la Pléiade. T. II. 2000. p. 908: «La première qui vint dans l’esprit, et celle qui était sans doute la plus facile, était de les faire imprimer tout de suite dans le même état qu’on les a trouvés”.

[62] Ferreyrolles G. Introduction // Pascal Bl. Pensées. Texte établi par Philippe Sellier d’après la copie de référence de Gilberte Périer. P., Livre de Poche (classique), 2000. p. 20.

[63] Pascal Bl. Pensées. Edition par Z. Touneur. Bibliothèque de Cluny, 1938, 2 vol.; revue par Anzieu, A. Colin, 1960. Ed. paléographique, Vrin, 1942.

Сейчас уже существует традиция сочетания и использования в исследованиях двух типов изданий:

1) первый тип следует порядку «Первой копии» — на этой основе сделано ставшее каноническим издание Луи Лафюма 1951 года[64]; прокомментированное, снабженное литературно-критическим аппаратом, издание Мишеля Ле Герна[65].

2) второй тип издания — на основе «Второй копии», автором пока единственного, значит, новаторского издания, является Филипп Селье[66].

Итак, история прочтения и соответственно публикаций текста «Мыслей» имеет три этапа. Первый — издатели не учитывали ни текст, ни структуру, руководствуясь идеологическим, а не филологическим целеполаганием (издания Пор-Рояля, Вольтера, Кондорсе). Второй — исследователи были внимательны к содержанию, но не к структуре (издания Фожера, Аве, Брюнсвика). Третий — современный — издатели сообразуют текст и его структуру, в той мере насколько она может быть установлена и изучена, обнажая художественную телеологию намерения автора (издания Лафюма, Селье, электронное издание Декота-Пруста).

В каждом из современных изданий в конце тома указаны фрагменты, которые не были записаны в той или иной копии. Вполне возможно и в XXI веке обнаружить еще не изданные мысли Паскаля.

Неоценимую помощь в изучении рукописей Паскаля сыграли открытия в физике и компьютерные технологии, позволившие вслед за написанным текстом, увидеть второй план. Так, во время работы над созданием электронной версии «Мыслей» Декот и Пруст обна-

---

[64] Lafuma L. Paris, Editions du Luxembourg, 3 vol.; reprise avec des modifications dans : «Les oeuvres complètes » de Pascal. Paris. Seuil, 1963.

[65] Pascal Bl. Pensées // Pascal Bl. Les oeuvres complètes. Edition présentée, établie et annotée par Michel Le Guern. Gallimard. Bibliothèque de la Pléiade. T. II. 2000.

[66] Sellier Ph. Paris, Mercure de France, 1976; reprise, avec retouches et compléments, dans les «Classiques Garnier» en 1991 (mis à jour en 1999). Edition établie d'après l' "ordre" pascalien.

ружили неизвестные фрагменты[67]. Эта версия «Мыслей» находится в процессе создания.

Существование «объективных» изданий создает фундамент для исследования «Мыслей». Что касается процесса их интерпретации, то он столь же бесконечен в глубине своей как и паскалевские «пространства, что нас поглощают» / *«les espaces infinies qui nous englobent...»*).

ПОДХОДЫ К «ПАСКАЛЕВСКОМУ ТЕКСТУ»

Как видно из предпринятого обзора на родине произведения Паскаля были не раз собраны под единым переплетом, что составляло и составляет колоссальную филологическую работу. Свет увидело десять изданий собраний сочинений. Первое было предпринято аббатом Боссю в 1779 году. Не столь строгое с точки зрения метода работы с текстами, что свойственно современным изданиям, оно, однако, выдерживало переиздания вплоть до середины XIX века. Для XIX века определяющими для понимания творчества Паскаля стали издания Фожера и Аве.

Начало XX века подарило четырнадцать томов произведений «французского Платона» (В. Кузен) под редакцией философа Леона Брюнсвика в сотрудничестве с Пьером Бутру и Феликсом Газье, изданных в знаменитой серии «*Collection des Grands Écrivains de la France*» (1904—1908—1914). Последующие за ним издания — Фортуната Стровски (1923—1931), Анри Массиса (1926—1927), Жака Шевалье в серии «Pléiade» (1954) — в том или ином порядке повторяли содержание издания Брюнсвика.

Издания Луи Лафюма 1951 г. и в серии «L'Intégrale» от 1962 г. собрало все известные произведения и, конечно, «Мысли» в знаменитой канонической версии. Это дало возможность более целостного взгляда на

---

[67] Mesnard J. Blaise Pascal. Textes inédits. Paris, Desclée de Brouwer, 1962; Descotes D., Proust G. Un projet du Centre international Blaise Pascal: l'édition électronique des "Pensées" // Courrier du Centre international Blaise Pascal. № 30. Clermont-Ferrand, 2008. p. 2-14.

корпус произведений Паскаля. Почти одновременно начало выходить издание под редакцией Жана Менара. Четыре тома этого собрания уже изданы. Ученый продолжает работать над ним до сих пор.

Из известных полных изданий Паскаля в исследовании за основу рассуждения принято именно это собрание сочинений[68]. Оно, как представляется, наиболее объективно выдерживает те критерии классификации произведений Паскаля, которые позволяют воспринимать их как «единый текст».

С одной стороны — это издание, восьмое в хронологии истории «паскалеведения», подводит определенный итог двухсотлетних поисков, научной обработки произведений Паскаля и выявления адекватных методов их прочтения. С другой — создает основу для системного понимания биографами, историками, литературоведами и философами склада личности, судьбы и творчества «одного из самых возвышенных умов мира»[69].

В первом томе со свойственным автору живым академизмом и глубиной научной простоты Менар излагает «тройное требование» для подхода к наследию Паскаля: «требование критичности, требование энциклопедичности и требование порядка и ясности»[70].

«Требование критичности» относится, прежде всего, к филологической задаче издателя представить корректный, обоснованный

---

[68] Pascal Bl. Oeuvres complètes. En 4 volumes. Texte établi, présenté et annoté par J . Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1964-1992. Выдающейся роли академика Жана Менара посвящен специальный раздел Курьера международного центра Блеза Паскаля: Le 90-e anniversaire de Jean Mesnard // Courrier du Centre international Blaise Pascal. № 33. Clermont-Ferrand, 2011. p. 23-36.

[69] Pascal // Dictionnaire historique et critique de Pierre Bayle. Nouvelle édition. Augmentée de notes extraites de Chaupépie, Joly, La Mornoie, L.-J. Leclerc, Leduchat, Prosper Marchand, etc. etc. Tome Onzième. Paris, 1820. p. 419-437; p. 419.

[70] Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1964. p. 9. Préface: «L'exécution de ce programme a été commandée par une triple exigence : exigence critique, exigence encyclopédique, exigence d'ordre et de clarté».

анализом разных печатных и рукописных вариантов, текст. Критическое осмысление паскалевского текста вызывает определенные трудности, которые обусловлены трудностями анализа всего его творчества. В издании Менара каждый текст Паскаля снабжен критическим материалом. Кроме материальной стороны (рукописи, печатного текста), особое значение ученый придает сохранению смысла, принципиально настаивая на том, что «необходимо избегать разрушения духа/смысла (*esprit*)» текста[71].

Исходя из требования критичности, выстраивается комментарий к тексту, призванный не столько предложить читателю личные идеи комментатора, сколько «убрать препятствия, что перегораживают дорогу к подлинному Паскалю: распространенные среди публики ошибки; придуманные и повторяющиеся без проверки идеи; простые гипотезы, принимаемые за несомненность».

Столь расширительное понимание требования критичности неизбежно должно привести к энциклопедичности предпринимаемого издания. Французский филолог последовательно применяет к литературоведческим изысканиям, связанным с каждым текстом, четвертое правило метода Декарта, а именно, правило «полных перечней» («dénombrements entiers»)[72]. В филологическом преломле-

---

[71] Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1964. Préface. p. 9 : «Respecter la lettre ne suffit pas; il faut se garder de détruire l'esprit».

[72] Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1964. Préface. p. 10. Смотри: Descartes R. Discours de la méthode. Présentation et dossier par L. Renault. GF Flammarion, 2000. p. 50: «Et le dernier, de faire partout des dénombrements si entiers, et des revues si générales, que je fusse assuré de ne rien omettre». Декарт Р. Рассуждение о методе для хорошего направления разума и отыскания истины в науках. Часть вторая. Основные правила метода. Пер. с лат. В. В. Соколова // Декарт Р. Сочинения. СПб.: Наука, 2006. с. 102: «[…] И последнее — составлять всегда перечни столь полные и обзоры столь общие, чтобы была уверенность в отсутствии упущений».

нии оно обретает силу принципа восстановления полного контекста, сформулированного следующим образом: «Его [Паскаля] творения могут быть изданы только в окружении документов и свидетельств, которые создают для них естественную дополнительность».

Используя этот принцип в работе с материальными текстами, Менар распространяет его на изучение поэтики произведений и приходит к выводу, что «невозможно, в случае Паскале, отделить творчество от человека. Пренебрегать связями, соединяющими творчество с человеком, значит обеднять смысл творчества. Ведь одного только творчества не достаточно для того, чтобы сделать эти связи очевидными. Необходимо добавлять биографические документы <…> устные свидетельства, записанные за Паскалем <…>», т. е. ввести в издание собрания сочинений продуманную, осмысленную «полноту свидетельств» («*la totalité des témoinages*»)[73]. Речь идет о биографическом методе, обоснованном Сент-Бёвом еще в XIX веке, с поправкой на открытия в текстологии и в теории литературы[74].

Обилие документов и свидетельств, которые приводятся не в примечаниях, как это принято в традиционных академических изданиях, а в порядке их контекстуального событования, в их влиянии на становление произведения, подкреплено библиографией, выстроен-

---

[73] Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1964. Préface. p. 11.

[74] Смотри: Sainte-Beuve. Pascal // Sainte-Beuve. Port-Royal. P. 1962; Сент-Бев Ш. Литературные портреты. Критические очерки. Пер. с франц. Составление, вступительная статья, комментарии М. Трескунова. М.: Художественная литература, 1970. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Биографический метод // Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Литература и методы ее изучения. Системно-синергетический подход. Учебное пособие. М.: Флинта. Наука. 2011. с. 37-46; Трыков В. П. Французский литературный портрет XIX века. Научный редактор Вл. А. Луков. М.: Флинта; Наука, 1999; Трыков В. П. Жанр литературного портрета в творчестве Ш. -О. Сент-Бёва // Зарубежная литература XIX века. Практикум. М.: Флинта; Наука, 2002. с. 231-257.

ной в хронологическом порядке. Это создает основу для порядка и ясности структуры — третьего принципа собрания.

Общий порядок издания был задуман таким образом, чтобы «индивидуальность каждого текста, сочинения или документа была сохранена», чтобы избежать «подчиненности одних текстов другим». Каждый текст, документ или группа свидетельств сопровождаем отдельной статьей и комментарием. Такой принцип распределения материала помогает освоить этапы критического осмысления наследия Паскаля, «побуждает читателя принять ту позицию, которую мы хотели бы видеть у него постоянно — это критическая позиция»[75]. Глубинным намерением филолога является не «окончательный синтез», а открытие широкого поля для дальнейших исследований и пробуждение интереса читателей[76]. И главная цель издания — «приблизить, насколько возможно, Паскаля»[77].

По сути, издание Менара является новаторским для французской академической науки, ибо открывает подход к наследию Паскаля в его живом и становящемся виде, предлагает синтез разных методов исследования:

1) биографического; 2) сравнительно-исторического;

3) текстологического; 4) герменевтического; 5)исторической поэтики.

Выстраивая рассуждения о поэтике Паскаля на основе данного собрания сочинений, вышеперечисленные подходы воспринимаются концептуально. Исходя из того, что автор исследования является представителем русскоязычной филологии, необходимо добавить в

---

[75] Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J . Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1964. Préface. p. 12-13.

[76] Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J . Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1964. Préface. p. 14-15.

[77] Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J . Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1964. La tradition pascalienne. p. 27.

этот ряд компаративный метод, поскольку аналитическое изучение предмета в принципе предполагает сравнение[78].

В характеристике различных текстов Паскаля сопряжены текстология и телеология замыслов. В случае Паскаля невозможно отделить смысл и поэтику произведения от его текстологической традиции[79]. Это задает динамическую перспективу изучения наследия французского писателя как текста в его единстве и в многообразии[80], то есть собственно «паскалевского текста».

«ПАСКАЛЕВСКИЙ ТЕКСТ»

Понятие «паскалевский текст» обозначено по аналогии с термином «петербургский текст», обоснованным В. Н. Топоровым и использованным В. Г. Зусманом при характеристике «пражского

---

[78] Смотри: А. Н. Веселовский. Метод новой поэтики - сравнительный // А. Н. Веселовский. Избранное: на пути к исторической поэтике. Составитель тома, автор послесловия и комментариев И. О. Шайтанов. М.: Автокнига, 2010. с. 79-234; Реизов Б. Г. Труды по сравнителному литературоведению. Ред. коллегия: И. П. Володина, П. Р. Заборова, Т. В. Соколова, И. В. Лукьянец (ответственный редактор), А. И. Владимирова, Т. Ю. Боярская СПб., 2011. — 622 с. Лукьянец И. В. Сравнительное литературоведение в трудах В. Г. Реизова // Реизов Б. Г. Труды по сравнителному литературоведению. Ред. коллегия: И. П. Володина, П. Р. Заборова, Т. В. Соколова, И. В. Лукьянец (ответственный редактор), А. И. Владимирова, Т. Ю. Боярская СПб., 2011. с. 3-16.

[79] Смотри обстоятельный обзор рукописных паскалевских сборников по: Mesnard J. Structure et ordonnance des grands recueils pascaliens // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1964. p. 263-397.

[80] Пиксанов Н. К. Новый путь литературной науки. Изучение творческой истории шедевра (принципы и методы). Искусство: 1923. № 1. с. 103-104. Цит. по: Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. СПб., 2001. с. 41.; Томашевский Б. В. Писатель и книга. М., 1959. с. 151-152. Цит. по: Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. СПб., 2001. с. 41-42.

текста». Понятие «паскалевский текст» помогает рассматривать наследие Паскаля как «противоречивую целостность», «нацеливает на поиск основной идеи, ядра и смысловой установки соотнесенных между собой текстов».[81]

Понятие может быть использовано в узком и в широком значении. Узкое значение соотносится собственно с текстами, написанными Паскалем. Нелитературный текст Паскаля влияет на текст литературный, поэтому широкое значение предполагает проекцию «паскалевского текста» на всю последующую историю французской литературы.

«Текст» («textus», «сплетение») как фиксация письменной речи может использоваться и как частное определение, и как «речевое произведение», предмет особого раздела филологии, обладающий самостоятельностью существования и особой организацией не только его частей, но наличием внутренних связей между фрагментами. Эти внутренние связи обеспечиваются наличием создателя и его неотделимостью от произведения. Жизнетворчество, как характерная черта литерературы XVII века, в случае Паскаля проявляется особенно ярко. «Паскалевский текст» предстает связанным диалогическими отношениями не только с внетекстовыми структурами разных отраслей наук и разных культурных эпох. Он также имеет особенным образом выраженную характерную черту литературы XVII века — неразрывность личности и произведения, так называемое жизнетворчество[82], того, что в пределе оформит Бюффон в

---

[81] Топоров В. Н. Петербург и “Петербургский текст русской литературы” (Введение в тему), Петербургские тексты и петербургские мифы (Заметки из серии) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Культура», 1995; Зусман В. Г. Пражский круг // История австрийской литературы XX века. Том первый. Конец XIX-середина XX века. М: ИМЛИ РАН, 2009. с. 262-279, с. 276, сноска 22; смотри также о «московском тексте» Люсый А. П. Третьеримские вычитания // Вопросы литературы. № 6. с. 9-39.

[82] Неклюдова М. С. Образ жизни и образ литератора // Неклюдова М. С. Искусство частной жизни. Век Людовика XIV. М.: ОГИ, 2008. с. 86-102.

знаменитой «Речи о стиле»[83]. То есть он вбирает в себя, как и в поэтике барокко, весь мир и все формы его выражения. Открытость, принципиальная незавершенность «паскалевского текста» соотнесена с целым, а единичное с общим.

Думается, что для рассуждения о поэтике писателя, следуя четвертому правилу «полноты перечислений» метода Декарта, целесообразно привести перечень произведений Паскаля, составляющих «единый текст». Тем более, что «паскалевский канон» до сих пор не существует на русском языке. Перечень составлен на основе четырех томов собрания сочинений под редакцией Ж. Менара, изданий аббата Коне для «Писем к провинциалу», Л. Лафюма и Ф. Селье для «Мыслей». В отечественном литературоведении он предпринят впервые[84].

К концу XX века было известно 48 атрибутированных паскалевских текстов. Их корпус сложился следующим образом:

1. «Опыт о конических сечениях» («*Essai pour les coniques*») (начало 1640);

2. «Письмо Паскаля к сестре Жильберте» («*Lettre de Pascal à sa soeur Gilberte*») (31 января 1643);

3. Стихи, относимые к авторству Паскаля: «Слова для арии» («*Paroles pour un air*») (1661, дата публикации);

4. «Письмо-посвящение господину Канцлеру о машине, изобретенной господином Б. П., для выполнения разного рода арифме-

---

[83] Buffon J. -L. Discours sur le style. P.: Editions Climatis. p. 30. Смотри разбор «Речи…» Бюффона в книге М. В. Разумовской «Бюффон-писатель (Французские естествоиспытатели XVIII в. и литература)». СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 1997. с. 21-35, а также концептуальный разбор «Речи…» А. Ф. Лосевым в работе «Проблема художественного стиля». К.: Collegium, Киевская Академия Евробизнеса, 1994. с. 32-36.

[84] В скобках дается две даты: первая дата — дата написания, вторая — первого издания.

тических действий при помощи упорядоченного движения без пера и жетонов с необходимым предуведомлением для тех, кто изволит проявить любопытство увидеть вышеназванную машину и воспользоваться ею» (*«Lettre dédicatoire à Monsieur le Chancelier sur le sujet de la machine nouvellement inventée par le sieur B. P. pour faire toutes sortes d'opération d'arithmétique par un mouvement réglé sans plume ni jetons avec Un avis nécessaire à ceux qui auront curiosité de voir ladite machine et de s'en servir»*), «Предуведомление, необходимое для тех, кто выкажет любопытство увидеть счетную машину и воспользоваться ею» (*«Avis nécessaire à ceux qui auront curiosité de voir la machine arithmétique, et de s'en servir»*) (1645);

5. «Новые эксперименты относительно пустоты» (*«Expériences nouvelles touchant le vide»*) (1647, первое произведение Паскаля, изданное в виде книги);

6. Переписка Паскаля с отцом Ноэлем. Письмо «Его преподобию отцу Ноэлю, ректору Общества [иезуитов?] — *К. К.*] Парижа» (*«Au très révérend père Noël recteur de la société de Paris»*) (29 октября 1647);

7. «Письмо Паскаля к сестре Жильберте» (*«Lettre de Pascal à sa soeur Gilberte»*) (26 января 1648);

8. «Письмо к господину Ле Пайеру» (*«Lettre à Monsieur Le Pailleur»*) (февраль 1648);

9. «Письмо Блеза и Жаклины Паскаль к сестре Жильберте» (*«Lettre de Blaise et Jacqueline Pascal à leur soeur Gilberte»*) (1 апреля 1648);

10. «Рассказ о великом эксперименте равновесия жидкостей» (*«Récit de la grande expérience de l'équilibre des liqueurs»*) (1648);

11. «Письмо Паскаля и его сестры Жаклины к госпоже Перье, их сестре» (*«Lettre de Monsieur et Mademoiselle Pascal à Madame Périer, leur soeur»*) (5 ноября 1648);

12. «Письмо Паскаля к сестре Жильберте» (*«Lettre de Pascal à sa soeur Gilberte»* (конец марта 1649);

13. «Предисловие к трактату о пустоте» («*Préface sur le traité de vide*») (1651; 1779?);

14. «Фрагменты из трактата о пустоте» («*Fragments d'un traité du vide*») (1651; 1663);

15. Переписка с господином де Рибейром. «Письмо господина Паскаля-сына, адресованное господину Председателю счетной палаты Клермон-Феррана» («*Lettre de M. Pascal le fils, adressante à M. Le premier Président de la Cour des Aides de Clermont-Ferrand*») (12 июля 1651) ;

16. «Ответ господина Паскаля-сына господину де Рибейру» («*Réponse de M. Pascal le fils à Monsieur de Ribeyre*») (август 1651);

17. «Письмо господина Паскаля к господину Перье, его зятю, по случаю смерти господина Паскаля-отца» («*Lettre de Monsieur Pascal à Monsieur Périer, son beau-frère au sujet de la mort de M. Pascal, son père*») (17 октября 1651);

18. Отрывок из поэмы «Историческая муза», приписываемый Паскалю («Extrait de «*La Muse historique*» *de Loret*») (14 апреля 1652);

19. «Письмо к августейшей королеве Швеции» («*Lettre à la sérénissime Reine de Suède*») (июнь 1652);

20. «Трактат о равновесии жидкостей» («*Traité de l'équilibre des liqueurs*») (завершен не позднее 1654; 1663);

21. «Трактат о весе массы воздуха» («*Traité de la pesanteur de la masse de l'air*») (завершен не позднее 1654; 1663);

22. «Письмо господина Паскаля к господину де Ферма» («*Lettre de M. Pascal à M. de Fermat*») (29 июля 1654);

23. «Письмо господина Паскаля к господину де Ферма» («*Lettre de M. Pascal à M. de Fermat*») (24 августа 1654);

24. «Трактат об арифметическом треугольнике с другими трактатами по этой же теме» («*Traité du triangle arithmétique avec quelques autres petits traités sur la même matière*») (1654);

25. «Мемориал» («*Le Mémorial*») (23 ноября, 1654; 1844?);

26. «Разговор с де Саси об Эпиктете и Монтене» («*Entretien avec Monsieur de Sacy sur Epictète et Montaigne*») (1728);

27. «Краткое жизнеописание Иисуса Христа» («*Abrégé de la vie de Jésus-Christ*») (1655; 1845);

28. «О геометрическом уме» («*De l'esprit géométrique*») (1655; 1776?);

29. «Отрывок фрагмента введения в геометрию господина Паскаля» («*Extrait d'un fragment de l'introduction à la géométrie de Monsieur Pascal*») (1655; 1914)

30. «Провинциалии, или Письма к провинциалу, сочиненные одним из его друзей Луи де Монтальтом, и к Преподобным отцам иезуитам на тему морали и тему политики этих Отцов» («*Les Provinciales ou les lettres escrites par Louis de Montalte à un provincial de ses amis, et aux RR. (révérends) PP. (pères) jésuites: sur le sujet de la morale, et de la politique de ces Pères*» / «Petites Lettres» (1656—1657);

31. «Сочинения о благодати» («*Ecrits sur la grâce*») (1649—1656; 1779, 1908, 1947);

32. «Письма к мадмуазель де Роаннез» («*Lettres à mademoiselle de Roannez*»), девять писем (сентябрь 1656—февраль 1657).

33. «Фрагмент письма Паскаля к господину и госпоже Перье» («*Fragment d'une lettre de Pascal à M. et Mme Périer*») (приблизительно весна 1657);

34. «Сочинение об обращении грешника» («*Ecrit sur la conversion du pécheur*») (1657—1658; 1779);

35. «Сравнение первых христиан с нынешними» («*Comparaison des chrétiens des premiers temps avec ceux d'aujourd'hui*») (1657; 1779);

36. «Переписка Паскаля и Слюза посредством Брунетти с сообщением Гюйгенсу» («*Correspondance entre Pascal et Sluse par l'intermédiaire de Brunetti avec communication à Huygens*») (октябрь—декабрь 1657);

37. Отрывок из письма Паскаля к мадам Перье («*Extrait d'une lettre de Pascal à Madame Périer*») (июнь-июль 1658);

38. «Сочинения» («*Ecrits des Curés de Paris*»: «*Factum pour les Curés de Paris...*», «*Second Ecrit...*», «*Cinquième Ecrit...*», «*Sixième Ecrit...* ») (1658).

39. «Сочинения, относящиеся к конкурсу рулетты» («*Ecrits relatifs au concours de la roulette*») (конец июня 1658—20 января 1659);

40. Письмо Паскаля к Гюйгенсу («*Lettre de Pascal à Huygens*») (6 января 1659);

41. «Заметка Паскаля к Каркави для Гюйгенса» («*Note de Pascal à Carcavy pour Huygens*») (5, 6 или 7 февраля 1659);

42. «Письма А. Деттонвиля» («*Lettres de A. Dettonville*») (декабрь 1658—февраль 1659, второе издание в виде книги);

43. Письмо господина Паскаля к господину де Ферма («*Lettre de Monsieur Pascal à Monsieur de Fermat*») (10 августа, 1660);

44. «Молитва, чтобы Бог дал употребить болезни во благо» («*Prière pour demander à Dieu le bon usage des maladies*») (1660; 1666);

45. «Беседы о положении сильных мира сего» («*Discours sur la condition des grands*») (1660—1661; 1670);

46. «Сочинения Паскаля, Николя, Арно и Дома о подписании Формуляра» («*Ecrits de Pascal, Nicole, Arnauld et Domat sur la signature du Formulaire*») (ноябрь 1661-январь 1662);

47. Письмо Паскаля о Манжо, адресованное мадам де Сабле («*Lettre de Pascal sur Menjot, adressées à Mme de Sablé*») (середина января 1662);

48. «Мысли» («*Les Pensées*») (Port-Royal 1669, 1670).

Завершая перечисление, в качестве основного квалификационного критерия, который поможет при работе с корпусом произведений Паскаля, предлагается жанровый признак, поскольку приведенный выше список свидетельствует, что Паскаль успел освоить

разные жанры эпохи. Исходя из системы жанров, сложившейся во французской литературе XVII века, произведения Паскаля можно предварительно сгруппировать следующим образом:

1. эпистолярное наследие — личные письма и письма научные;
2. научные сочинения;
3. теологические сочинения;
4. полемические сочинения;
5. литературные произведения.

К тем, что принято называть «литературными», или в которых можно искать литературный элемент и художественную составляющую, относятся:

1. письма;
2. стихи, приписываемые Паскалю;
3. «Беседа об Эпиктете и Монтене»;
4. рассуждение «О геометрическом уме»;
5. «Письма к провинциалу»;
6. «Мысли».

История наследия Паскаля уникальна, сложна и создает для исследователей определенные трудности в выборе метода, который бы позволил наиболее объективно представить это наследие. Невозможно отделить творчество от человека, когда тот или иной факт биографии проливает свет на смысл произведения.

И последнее, характеристика наследия Паскаля как единого текста исходит из представления о единстве нравственного, мировоззренческого и художественного языка этого писателя. Дальнейший ход исследования — от текстологии к образу автора и собственно к поэтике должен поставить и, по возможности, разрешить главную задачу, на которую оно ориентировано — рождение свободного слова Паскаля.

ГЛАВА 2

БЛЕЗ ПАСКАЛЬ В ПРЕДЕЛАХ СВОЕГО ВРЕМЕНИ И СВОЕЙ СУДЬБЫ

Мысль о личности, которой не дано проявить себя иначе, чем в пределах ментальности своего времени и собственной судьбы, принадлежащая школе нового историцизма, как нельзя лучше подходит к Паскалю. Его жизненный путь был недолог — 39 лет. Его дарования, проявившиеся в пределах отпущенных лет, остаются фактом для столетий в науке, в философии и в литературе.

Для понимания поэтики Паскаля среди разных подходов биографическому методу принадлежит едва ни главная роль. Характеристика произведений через фокус понятия «единый текст» и истории их изучения уже дают первый контур поэтики Паскаля.

Для описания осмоса, взаимопроникновения биографии и творчества филология выработала биографический метод. В данном методе личность писателя и его биография рассматриваются как определяющие мотивы творчества[85]. Эта особенность метода делает его

---

[85] Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Системный подход. М.: Флинта-Наука. 2002. с. 48.

не просто описанием фактов биографии, а частью общей системы, в которой автор и произведение неразрывно связаны.

Знакомство с человеком «Паскаль» — первый ключ для разговора о Паскале-писателе. Об этом пишет и он сам:

> **L 675/ S 554**
>
> *Style. Quand on voit le style naturel on est tout étonné et ravi, car on s'attendait de voir un auteur et on trouve un homme. Au lieu que ceux qui ont le goût bon et qui en voyant un livre croient trouver un homme sont tout surprise de trouver un auteur. Plus poetice quam humane locutus es. Ceux-là honorent bien la nature qui lui apprennent qu'elle peut parler de tout, et même de théologie* [86] /
>
> Стиль. Когда видят естественный стиль, то удивляются и радуются, ибо ожидали встретить автора, а находят человека. А те, кто имеют хороший вкус и кто, читая книгу, надеется увидеть человека, удивлены найти автора. *Plus poetice quam humane locutus es* [«Ты говорил скорее как поэт, чем как человек». — Петроний «Сатирикон», 90]. Последние делают честь природе, которая научит их говорить обо всем, и даже о теологии!

Рассуждение Паскаля о соотношении человека и автора созвучно формуле Бюффона из знаменитой «Речи о стиле»: «стиль — это сам человек» («*le style est l'homme même*»)[87].

В воспоминаниях современников не осталось описаний внешности Паскаля, в основном воссоздавали его внутренний облик. О характере Паскаля сочинено немало — от рассказа о не канонизированном святом до мизантропа. Особенно был богат на легенды XVIII век. Отчасти, замещая отсутствие документов и точность филологического инструментария, XVIII век творит миф о Паскале

---

[86] Pascal Bl. Pensées // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Préface d'Henri Gouhier. Présentation et notes de Louis Lafuma. Seuil. 1963. p. 590.

[87] Buffon J.-L. Discours sur le style. P.: Editions Climatis. p. 30.

как о хорошем геометре и плохом теологе, о почитателе жестокого и деспотичного Бога.

Линия горизонта восприятия принадлежит перу Вольтера. Вольтер набросал трагический портрет асоциального человека, «грубо относившегося к сестре и отвергавшего ее заботу из страха любить кого-нибудь», больного, «желавшего, чтобы страдал весь мир» и носившего «амулет», зашитый в подкладку камзола, «рассказал» легенду о «бездне» («*gouffre*») Паскаля, отозвавшейся в XIX веке, например, в творчестве Бодлера. При этом Вольтер указал на «янсенисткий фанатизм» «глубокого мыслителя», однако, «достаточно глупого человека, чтобы поверить, что Арно, де Саси и Николь стоили больше, чем он» [88].

От предвзятости в описании биографии Паскаля филология начала избавляться с середины XIX века, когда его жизнь становится литературной темой.

Особое место в создании портрета Паскаля принадлежит фундаментальному эпосу Сент-Бёва «Пор-Рояль», в котором Паскалю посвящены блистательные главы[89]. Паскаль интересует Сент-Бёва не только в пределах его времени, в рамках его ментальности, но и в звучании христианского нерва, определяющего поэтику произведений геометра.

В отечественном контексте взгляду Сент-Бёва близок вектор, заданный рассуждениями А. С. Хомякова и отца Павла Флорен-

---

[88] Voltaire. Lettres philosophiques, XXV, 10 // Ehrard J. Pascal au siècle des Lumières // Pascal présent. 1662-1962. Clermont-Ferrand. 1962. p. 233; Voltaire. Dernières remarques sur Pascal, XXXVII et LVII, in Lettres philosophiques. Édit. R. Naves, pp. 286 et 291; édition des “Pensées” par Condorcet, article XI, “Amulette trouvée dans le pourpoint de Pascal”.

[89] Sainte-Beuve. Port-Royal. Texte présenté et annoté par Maxime Leroy. En III volumes. Bibliothèque de la Pléiade. 1953; Sainte-Beuve. Pascal // Sainte-Beuve. Port-Royal. Paris, 1962.

ского о Паскале как о великом христианине[90]. К нему же относимы интуиции о «типе христианского чувствования жизни», выраженные в статье знаменитого филолога Н. М. Бахтина «Паскаль и трагедия»[91]. В обстоятельной и глубокой биографии Паскаля, написанной Б. Н. Тарасовым, агиографический мотив также бытует в повествовании.

Обобщив содержание немалого числа жизнеописаний, можно утверждать, вслед за Селье, что, начиная с первой «Жизни господина Паскаля…»[92], написанной его старшей сестрой в год кончины брата в 1662 году и изданной в 1684 году, и заканчивая последними популярными вариациями на эту тему[93], их поэтика рождается на перепутье между собственно биографией, легендой, житием и воспоминаниями[94].

Учитывая традиции и знания предыдущих исследователей можно пытаться дополнить портрет Пакаля, приблизившись, таким образом, к истинному Паскалю еще на несколько шагов.

---

[90] Тарасов Б. Н. «Мыслящий тростник». Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. М.: Языки славянских культур. 2009. Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. М.: Республика, 1994.

[91] Бахтин Н. М. Паскаль и трагедия // Бахтин Н. М. Из жизни идей. Составление, послесловие, комментарий С. Р. Федякин. М.: Лабиринт, 1995. с. 27-33.

[92] Перье Ж. Жизни господина Паскаля, написанная госпожой Перье, его сестрой, супругой господина Перье, советника палаты сборов в Клермоне. Пер. с франц. Ю. А. Гинзбург // Паскаль Бл. Мысли. Пер. с франц. Ю. А. Гинзбург. М.: Издательство имени Собашниковых, 1996. с. 38-68. Périer G. La vie de Monsieur Pascal écrite par Madame Périer, sa soeur, femme de Monsieur Périer, Conseiller de la Cour des Aides de Clermont. 2-ème version // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J . Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1964. p. 539-642.

[93] Например, Le Gall Pascal. Grande biographies. Flammarion, 2000; Attali J. Blaise Pascal ou le génie français. Fayard, 2000.

[94] Sellier Ph. Pour une poétique de la légende: “La vie de Monsieur Pascal” // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. T. I. Pascal. Honoré Champion. Paris, 1999. p. 29-48.

Думается, что к уже составленному портрету, необходимо добавить некоторые штрихи, спрятанные во времени, а именно, тему отношения к отцу, рассуждение о природной музыкальности и историю изображений Паскаля. Все это привносит особую смысловую интонацию в разговор о биографическом авторе и о поэтике произведений.

ВРЕМЯ ПАСКАЛЯ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Французский XVII век — время Паскаля — прорастает из периода постмедьевальной и предновейшей истории, Один из выдающихся знатоков истории «старого порядка» («*l'ancien régime*») академик Ле Руа Ладюри, так определяет границы нового периода: «Она начинается со смертью Карла VII (1461 г.), подведшей окончательную черту под гигантским <…> кризисом Столетней войны, и завершается <…> с кончиной Людовика XV (1774). Действительно, после окончания его царствования начнется под сенью несчастного Людовика XVI слишком растянутая во времени "французская революции"…»

Для Франции единство трех последних веков — XVI, XVII, XVIII — «определяется необычайной устойчивостью королевского строя. В стране утверждается «классическая монархия», <…> проходящая на едином дыхании лет от Людовика XI до Людовика XV» [95]. При этом, «сакральность суверена имеет <…> драматические последствия: король при коронации дает клятву искоренять ересь в своем королевстве. Таким образом, классическая монархия во Франции и в других странах в религиозном плане <…> является веронетерпимой, несмотря на то, что время от времени и в течение

[95] Ле Руа Ладюри Э. Королевская Франция (1460-1610). От Людовика XI до Генриха IV. Перевод с франц. Е. Н. Корендясова и В. А. Павлова. М., 2004. с. 5.

достаточно долгого периода наблюдается феномен ограниченного сосуществования с еретическим инакомыслием».

Религиозный монополизм опирается «на апофегму XVI века — «единый закон, единая вера, единый король», а также и на афоризм «Религия королевства есть религия его подданных (cujus region, ejus religio). Правильно понятый или кажущийся понятым интерес государя вынуждает его отстаивать определенное единообразие веры среди королевских подданных» . Разрушительные последствия такого монополизма — в том числе — ускорение процесса секуляризации институтов управления и культуры, в частности, литературы.

Понятие «классическая монархия» — не только определение «системы» власти. Речь идет о сакральном характере монархического института, об особых отношениях между миром горним и миром дольним, о вертикальной заданности власти, позднее закрепившейся в том числе в емкой формуле галликанизма о божественном происхождении власти.

Расширяя термин «абсолютизм»/«*absolutisme*», французский историк Ле Руа Ладюри настаивает на характеристике обозначенного периода как на моменте «поиска абсолюта»[96], что запечатлевается в католическом возрождении («*la renaissance catholique*»), интеллектуальном и культурном расцвете под эгидой «государственной Церкви». Позже после французской революции и обширных процессов секуляризации XIX века, жизнь государства «определяет не христианство и, в частности не католицизм, но культура, подчас чисто посюсторонняя»[97].

В гуманитарной хронологии XVII век можно числить либо с постановлений Тридентского Собора (1545—1563), либо с убийства Генриха IV (1610). Обе границы требуют пояснений. Решения Тридент-

---

[96] Le Roy Ladurie E. L'Etat royal. De Louis XI à Henri IV. La monarchie de la Renaissance (1460-1610). P ., 1987. p. 8-9.

[97] Лортц Й. История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей. Том II. «Новое время». Перевод с немецкого. Научный редактор А. Пахомова. М.: Христианская Россия, 2000. с. 8, 11, 27.

ского Собора определили системные ответы на вопросы Реформации[98]. Именно Собор отразил два противоречивых процесса — «католическое возрождение» и укрепление абсолютизма в сфере политической.

Принятый в 1598 году Нантский эдикт, признавший католицизм главной религией королевства, допускал свободу вероисповедования и гарантировал гугенотам ряд политических прав. После убийства Генриха IV, с началом в 1618 году Тридцатилетней войны (1618–1648) возобновилось противостояние католиков и гугенотов во Франции: «то было время глубокого кризиса экономической и политической жизни страны <…>, в упадок приходили города»[99].

Известный исследователь французской литературы Пьер Брюнель, оглядывая литературную карту XVII века, в которой он отводит первое место Паскалю, предлагает такую схему событий этого времени [100]: начинается век коронацией Генриха IV и завершается кончиной кардинала Мазарини в 1661 году.

Завершение исторического обзора 1661 годом совпадает с формированием системы абсолютной монархии. XVII век — век становления великой Франции, борьбы за единство страны, кровавых схваток с Фрондой и трагического противостояния католиков и протестантов, был государственным веком.

Столь же определенно он был веком христианским. Ветхий и Новый Заветы имелись в каждом доме. Проповеди священников составляли необходимый ритуал жизни, давая пищу уму и сердцу.

---

[98] Michel A. Trente (Concile de) // Dictionniare de théologie catholique, contenant l'exposé des doctrines de la théologie catholique leur preuves et leur histoire / Commencé sous la direction de A. Vacant, EW. Magnenot, Mg. E. Amann. T. XV. Première partie. Paris –VI, 1946. p. 4. Decrees of the Ecumenical Councils. In two volumes. Ed. by Norman P. Tanner S. J. Ed.: Sheed & Ward and Geogretown U. P., 1990.

[99] Пуришев Б. И. Очерки немецкой литературы XV-XVII вв. М.: Художественная литература, 1955. с. 256.

[100] Brunel P. Le siècle de Louis XIII // Histoire de la littérature française. Bordas, 1972. p. 176.

XVII век принято определять как век риторический. Высокая риторика направляла мораль и в известной мере определяла нравы. Именно Пьер Корнель в трагикомедии «Сид» дал формулы поведения, провозгласив первой нравственностью следование долгу. Наряду с этим Библия, учения Отцов Церкви, теологические споры между «янсенистами» и иезуитами тоже проникнуты духом риторики.

В истории жизни Паскаля, как и во всей французской истории XVII века, прошлое и будущее встречаются. Паскаль не только свидетель рождения культуры, но и ее непосредственный созидатель. Хотя он не участвовал и не мог участвовать во всех событиях, отзвуки времени слышаться в его творчестве, если даже речь идет о научных сочинениях. Паскаль признавал монархический порядок мира, понимая недостаточность подобной модели власти. Это находит отражение в подготовительных материалах «Апологии», где война осмысляется автором как «знак абсурдности дел человеческих» (*«un signe de l'absurdité des choses humaines»*). Еще более настойчиво резонирует тема гражданских войн, грозивших разразиться во Франции вновь и вновь. Страшный пример тому — события Фронды.

Процесс работы над основными произведениями «Письмами к Провинциалу» (1656–1657) и задуманной «Апологией» (с 1658 и до кончины) протекает в особенно нестабильное для Франции время. Произошло это в «Великий век» французской литературы[101]. Произведения Паскаля складываются из риторики и из словесности, когда «недвусмысленные признаки нового состояния литературы» и мышления в «Опытах» Монтеня, драмах Шекспира и книге Рабле высказываются ясно и просто[102].

---

[101] Смотри: Михайлов А. Д. Предисловие // Михайлов А. Д. От Франсуа Вийона до Марселя Пруста. Страницы истории французской литературы Нового времени (XVI-XIX века). Том I. М.: Языки славянских культур. 2009. с. 7-12.

[102] Смотри: Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. с. 104-116, с. 113-114.

МЕСТОРАЗВИТИЕ. РОД ПАСКАЛЕЙ

Биографическую касательную жизни Паскаля, как правило, ведут от «месторазвития» (Л. Н. Гумилев) — города Клермона, нынешнего Клермон-Феррана, расположенного в центре Оверни, — древней и своеобразной провинции Франции[103].

Окруженный цепью потухших вулканов, Клермон поражал и поражает воображение всех географов, описывавших одну из самых гористых провинций Франции, население которой традиционно занималось земледелием и сыроварением. Геологический облик овернских гор существеннее описаний исторической, политической и экономической картин Клермона.

Уместно вспомнить то впечатление, которое они произвели на естествоиспытателя, философа, одного из основателей русского космизма и идеи ноосферы В. И. Вернадского. В письме к жене Н. Е. Вернадской от 26 августа 1888 года ученый описал «геодезическую линию» этого пространства: «В Оверни мы видели немного; но видели главное. В окрестности Клермона мы поднялись на наибольший, давно потухший и частью размытый вулкан Пюи де Дом (1500 м), и перед нами открылась картина оригинальная и красивая. По обе стороны совершенно параллельными рядами вытянулись 20—30 больших вулканических конусов <…> когда-то земная кора дала здесь несколько параллельных трещин, из этих трещин в некоторых местах вышли наружу разогретые и расплавленные части в отверстия, эти отдушины трещин и являются нам горами. Какие силы и что это за явления?»[104]

Вулкан Пюи-де-Дом сыграет известную роль в биографии Паскаля. С ним связано паскалевское открытие равновесия жидкос-

---

[103] Тарасов Б. Н. Паскаль. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1982. с. 7-9.

[104] Вернадский В. И. Письма к Н. Е. Вернадской (1886-1889). М.: Наука, 1988. Составитель Н. В. Филиппова. Письмо (№ 86). с. 166.

тей. Но характеристика В. И. Вернадского имеет и более глубокий смысл. Она позволяет поставить вопрос о том, каким было представление о Земле у Паскаля, и как он разрешал бытийные проблемы вселенной, ибо пейзаж в котором родился Паскаль, мистический по определению, побуждает естественным образом задумываться о вопросах строения земли, ее происхождения и связи с космосом. В «Мыслях» он напишет о божественной природе того, что В. И. Вернадский назовет ноосферой.

«Клермон нагорный» оказался знаменит еще и тем, что здесь в 1095 году Папа Урбан II обратился к католикам с призывом начать крестовый поход для освобождения Гроба Господня. Здесь началась эпоха Крестовых походов.

Здесь и берет начало овернский род Паскалей. Один из предков великого физика, Этьен Паскаль получил дворянство при Людовике XI. Дворянство Паскалей было дворянством мантии. Как правило, предки Блеза занимали судейские должности. Именно это «сословие», «своеобразный средний класс» Франции крепил государство Нового времени изнутри[105]. Дед Блеза — Мартин Паскаль, был протестантом и перешел в католичество после событий Варфоломеевской ночи 1572 года. У Мартина Паскаля была многочисленная родня, так что в Оверни, в окрестностях Клермона на протяжении столетия жили его родственники. Историк русского раскола Пьер Паскаль (1890—1980), возможно, тоже в каком-то колене принадлежал к этой семье.

У Этьена Паскаля (1588—1651), сына уже упомянутого Мартина Паскаля, было трое братьев и три сестры. Мартин Паскаль стремился дать детям хорошее образование. Известно, что сына Этьена он отправил учиться в университет. В 1616 году Этьен же-

---

[105] Смотри: Мандру Р. Франция раннего нового времени 1500-1640 гг. Эссе по исторической психологии. Глава 7. Базовые формы солидарности: сословия и социальные классы. М.: Территория будущего, 2010. с.

нился на Антуанетте Бегон, дочери сенешаля Оверни. Из четверых рожденных детей выжили трое: в январе 1620 года родилась Жильберта, в июне 1623 — Блез, в октябре 1625 — Жаклина.

Семья Этьена Паскаля жила в Оверни, но также в Руане и в Париже. Дома, где жили Паскали, не сохранились. Остались лишь памятные доски с упоминанием дат о великих жильцах. Этот материал сохраняет современный краеведческий интерес[106].

Отец Блеза Этьен Паскаль принимал участия в событиях эпохи, занимал ответственные государственные должности, был представлен Ришелье и узнал цену опалы. Личность Этьена Паскаля вызывала интерес у современников. Так, в третьем томе «Занимательных историй» Таллемана де Рео есть глава, посвященная Этьену Паскалю — «Президент Паскаль»[107].

Осталось достаточное количество исторических описаний Клермона и великих людей Оверни XVII века, среди которых для исследования особый интерес являет анонимный текст похвального слова, напечатанный в историческом очерке «Истоки Клермона» (*«Les origines de Clermont»*, 1662). В нем Этьен Паскаль прославляется как представитель знаменитого рода Оверни и как выдающийся человек своего времени: «Другой мирянин, которого мы хотим прославить, господин Паскаль, сын Мартина Паскаля, казначея Франции в Оверни, и Маргариты Паскаль, дочери господина де Монса, и сенешаля Клермона». Известно, что «он занялся учением с самой молодости и так преуспел, что, выйдя из Университета, глубинно знал

---

[106] Chanut F. La maison de Pascal à «Clairmont» // Courrier du Centre international Blaise Pascal. № 21. Clermont-Ferrand, 1999. p. 8-46.

[107] Mesnard J. Documents généraux. Talleman des Réaux. Le Président Pascal // Blaise Pascal. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1964. p. 462-464.

науки, которым предавался страстно: особенно геометрии, науке, в которую он погружался и дорожил более других. Он занимался для развлечения музыкой, в которой у него были столь прекрасные познания в композиции, что его считали одним из искусных знатоков даже те, кто занимался этим профессионально».

Нужно отметить также свойство отца, «снискавшего дружбу всех литераторов тех мест, которые он посещал». В похвальном слове упоминается и особая любовь, которую питал Этьен Паскаль к своим детям, и ответственность в деле их воспитания: «Обосновавшись после отставки в городе Париже, колыбели искусств и наук, где он принялся с особым тщанием за образование своего сына, не теряя случая для занятий. Он был его единственным учителем и наставником, будь то в языках, будь то в философии, будь то в истинном красноречии, будь то в геометрии, будь то во всех других знаниях, в которых достойный сын так преуспел, что изучил и впитал их без остатка. И более не говорим об этом, ибо, будучи по рождению из Клермона, мы могли бы сообщить детально о прекрасных качествах этого достойного сына столь великолепного отца, потому что он жив, и для того, чтобы его скромность не пострадала от отвращения, что опубликовали похвальное слово [в его честь], мы ограничимся, сказав, что это тот редкий гений, который в возрасте двадцати лет, образованный под таким прекрасным руководством, силой своего воображения нашел с помощью колеса метод производить все арифметические исчисления и обычные подсчеты без жетонов и пера, насколько бы трудными они не были. Его новое и интересное изобретение было всеми воспринято с удивлением. Сколь прекрасные последствия из этого метода можно было бы извлечь для других наук и знаний, но мы не останавливаемся на нем более, чтобы вернуться к отцу, который был нашим президентом.

Он долго пожинал плоды такого славного воспитания и после стольких проявлений своего знания, был призван и избран Его Величеством для интендантства в Нормандии, в генералитете Руана, где провел десять лет и обрел в комиссии такое уважение, что, ни-

когда не открывая дверь для приношений, он считался неподкупным судьей, столь строгим и столь убежденным во всех делах, что его приказы имели силу законов.

Он вышел из этой должности только после отзыва всех интендантов в 1648 году. Он удалился в свой дом в Париже, где появились заботы, в которых он показал усердие в службе королю, принимая участие в заседаниях в городском совете Парижа, где самые достойные собирались для успокоения общественной грозы.

Остаток жизни он употребил на изучение Отцов Церкви и морали, размышляя над своей кончиной. И готовился к ней с таким тщанием, что господин Луазель, кюре из Сен-Жан ан Грев, который принял его последнюю исповедь и соборовал его, обнародовал перед прихожанами его смирение как образцовое, как свидетельство чистосердечия и неподкупности, которые он исповедовал на протяжении всей жизни» [108].

Помимо апологетики, характерной для прославления великого земляка вкупе с прославлением Клермона, неизвестный автор оставил портрет выдающегося по своим талантам и качествам человека. В характеристиках «широкого и универсального», государственного ума слышны отголоски ренессансного мироощущения. Здесь видится тот тип ренессансного человека, который стремился проявить себя в самых разных родах деятельности — в математике и в свободных искусствах. Понятно, что характеризуя личность Блеза Паскаля, сына геометра Этьена Паскаля, нельзя обойти вниманием природные свойства отца, щедро переданные сыну. Страсть к знаниям и музыкальность в них счастливо сочетаются.

Описания основных событий жизни Этьена Паскаля переплетены с темой отцовства, рядом с отцом упоминают сына — Блеза. От-

---

[108] Mesnard J. Documents généraux. «Eloge anonyme d'Etienne Pascal utilisé par Pierre Durand en 1662»// Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1964. p. 512-515.

цовство в свете жизни Этьена Паскаля было основным призванием. Третья тема — благочестивая христианская кончина этого человека, ставшего в устах его духовника примером для остальных прихожан.

Взаимоотношения с отцом определили многое в характере и в мере развития дарований Блеза. Вопреки общепринятому правилу отдавать учиться детей в иезуитские школы и в университет (именно такой путь прошли современники Паскаля Декарт, Мерсенн, Корнель, Мольер), Этьен Паскаль полагал, что всего предпочтительнее домашнее обучение.

Веком раньше оригинальная педагогическая система отца Мишеля де Монтеня подарила французской культуре великого писателя и философа. Педагогическая система отца Паскаля, новаторская для своего времени, дала великие плоды. Она откликнулась в научных интересах и в педагогических взглядах Блеза на преподавании и на методы воспитания, например, в знаменитой «Беседе о положении сильных мира сего».

Незаурядными были и другие члены семьи Паскалей. Деятельность монахини Жаклины Паскаль, отличавшейся ученостью[109], также сохраняла традиции педагогической системы Этьена Паскаля. В частности, именно ей наставница монастыря поручила составить «Уложение для детей» («*Règlement pour les enfants*») (1657) Маленьких школ Пор-Рояля. Это педагогическое сочинение, «исполненное духа строгого анализа <…> с методичной нумерацией параграфов» является очень ценным свидетельством о системе воспитания девочек в XVII веке[110].

---

[109] Racine J. Abrégé de l'histoire de Port-Royal. Ed. Gazier, Paris, 1908, p. 202. Цитируется по: Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome III. Texte établi, présenté et annoté par J . Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1991. p. 1137: «немного ученая» («un peu scientifique»), по характеристике Ж. Расина.

[110] Pascal J. Règlement pour les enfants // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome III. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1991. p. 1135-1198. p. 1139-1198.

Жильберта Паскаль в сочинении «Жизнь господина Паскаля, написанная госпожой Перье, его сестрой, супругой господина Перье, советника палаты сборов в Клермоне» свидетельствует, что главное правило, которому в воспитании следовал отец, состояло в том, «чтобы ребенок всегда оставался выше того, что он изучал; поэтому отец хотел преподавать ему латынь, пока ему не исполнилось двенадцати лет, чтобы она легче давалась. За это время он не позволял ему праздности, а занимал его всевозможными вещами, на которые считал его способным. Он объяснял ему в общем, что такое языки; он показал, что языки подчиняются определенным правилам грамматики, что из этих правил бывают исключения, которые люди позаботились отметить, и что так было найдено средство сделать все языки доступными пониманию от страны к стране. Эта общая мысль прояснила его понятия и дала ему увидеть, для чего существуют правила грамматики, так что когда он стал их изучать, то уже знал, зачем он это делает, и занимался как раз теми вещами, где более всего требовалось прилежание».

Жильберта вспоминает далее о том, что Блез уже с детства был знаком с историей, географией, грамматикой, латынью, которую отец преподавал и дочерям, а брат «как только вошел в возраст < … > обнаружил признаки необыкновенного ума, особенно в своих репликах, которые подавал удивительно кстати, а позже в замечаниях о природе вещей, что всех изумляло» [111].

Отец, заметив выдающиеся способности сына, ввел его в свой научный круг, центром которого была Академия Мерсенна.

---

[111] Перье Ж. Жизнь господина Паскаля, написанная госпожой Перье, его сестрой, супругой господина Перье, советника палаты сборов в Клермоне. Пер. с франц. Ю. А. Гинзбург // Паскаль Бл. Мысли. Пер. с франц. Ю. А. Гинзбург. М.: Издательство имени Собашниковых, 1996. с. 6.

В наследии Паскаля, существует пласт, относящийся к истории науки, который в биографии писателя остается за скобками. О Паскале-ученом написано достаточно [112].

Природные свойства Паскаля, дух его семьи и интересы современников создают первый круг ореола, той части ноосферы, которым окружено имя «Паскаль».

КРУГ ЧТЕНИЯ ПАСКАЛЯ

В доме Паскалей религия присутствовала постоянно, «освящая самые важные моменты»[113]. Этьен Паскаль был образцовым христианином, и духовное образование сына было построено столь же системно, как и преподавание точных наук и философии. Поначалу круг духовного чтения Блеза складывался под влиянием отца, который направлял его «в чтении Библии, постановлений Соборов, Святых Отцов и церковной истории»[114]. Благочестивая и набожная младшая сестра Жаклина, «наделенная дарованиями необыкновенными», имела на брата столь же сильное влияние, что и отец[115].

---

[112] Humbert P. Cet effrayant génie. L'oeuvre scientifique de Blaise Pascal. Paris, 1947; L'Oeuvre scientifique de Pascal, ouvrage collectif. Paris, 1963; Mesnard J. Pascal // Blay M., Halleux R. La science classique. XVI-XVIII siècles. Dictionnaire critique. P.: Flammarion, 1998. p. 374-382; История математики. Том II. «Математика XVII века». Под редакцией А. П. Юшкевича. М.: Наука. 1970.

[113] Мандру Р. Франция раннего Нового времени 1500-1640. Эссе по исторической психологии. Перев. с фр. А. Лазарева. М.: Территория будущего. 2010. с. 235-236.

[114] Constantin C. Pascal // Dictionnaire de théologie catholique contenant l'exposé des doctrines de la théologie catholique leurs preuves et leur histoire. Tome XI. Deuxième partie. 1932. p. 2074-2203; 2078.

[115] Их отношение друг к другу тоже стали литературной темой. Например, книга Ф. Мориака «Блез Паскаль и его сестра Жаклина». Mauriac F. Blaise Pascal et sa soeur Jacqueline. Отдельное исследование о жизни Жаклины Паскаль было написано Виктором Кузеном. Cousin V. Jacqueline Pascal. Premières études sur les femmes illustres et la société du XVII siècle. Paris, 1869.

В духовном пути Паскаля отмечено два переломных момента рождения во Христе. Точка отсчета — 1646 год. В атмосфере исканий происходит обращение в живую Веру всей семьи под влиянием известного в Нормандии, где проживала тогда семья Паскалей, монаха Гийеберта, ученика Сен-Сирана. В семье именно Блез переживал глубже всех внутренние перемены, последовавшие за обращением.

«Какое предназначение имело это обращение?» — рассуждает Менар. Прежде всего, в борьбе между мирским и божественным, выбор происходит в пользу Бога, это выбор страстный и полный энтузиазма, о чем свидетельствуют письма Паскаля этого периода. Подчиняясь силам обращения, он начинает глубоко и последовательно расширять горизонты религиозной культуры.

К сожалению, библиотека Паскаля не сохранилась, остались только упоминания и скупые описания[116]. Тем не менее, круг чтения Паскаля вполне определен. К этому времени относится и чтение «Опытов» Монтеня[117]. Он вникает в христианскую традицию, пристально изучает творения Святого Августина. Однако особое внимание Паскаль уделяет авторам, выражающим дух Пор-Рояля, а именно, малым сочинениям и письмам Сен-Сирана, рассуждению «О частом причастии» («Fréquente Communion») Антуана Арно, «Речь о преобразовании внутреннего человека» («*Discours sur la réformation de l'homme intérieur*») и «Августина» («*Augustinus*») Корнелия Янсениуса и другим теологическим и духовным произведениям, развивающим идеи великого Отца Церкви[118].

---

[116] Jansen P. La bibliothèque de Pascal. Les sources des «Provinciales» d'après les notes autographes inédites de Pascal // Revue historique. Volume 208. 1952. p. 228-235.

[117] Le Guern M. L'influence de Montaigne. Les emprunts à Épictète // L'image dans l'oeuvre de Pascal. P., 1983. p. 88-98 ; p. 99-105.

[118] Mesnard J. Pascal // Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique doctrine et histoire fondé par M. Viller, F. Cavallera... Tome XII. Première partie. P., 1984. p. 279-291. p. 280.

Круг «пор-роялевского» чтения Паскаля достаточно широк. Вслед за произведениями авторов «первого ряда» нужно упомянуть авторов «второго ряда» — Лалан[119], Демар[120], аббат де Бурзьес[121], Фейдо[122].

Кроме пор-роялевского круга, стиль Паскаля-писателя определило чтение трудов Декарта — «Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом» (франц. перевод 1647), «Начала философии» (франц. перевод 1647), «Рассуждение о методе» (1644)[123]. Важно отметить, что многих авторов Паскаль знал лично и не раз встречался с ними. Это были не только высокие теологи и самые образованные и деятельные люди своего времени, но также личности, отмеченные благочестием нравов и принадлежавшие, как писали в XVII веке, к «граду святых». Так началось глубочайшее духовное перерождение Паскаля.

Следующий, уловимый момент обращения — это великая ночь 23 ноября 1654 года, в пространстве которой Бог познан «в уверенности и в радости»:

«Уверенность, уверенность, волнение, радость, мир.

[...] Радость, радость, радость, слезы радости».

«*Certitude, certitude, sentiment, joie, paix.*

[...] *Joie, joie, joie, pleur de joie*».

В словах «Мемориала», запечатлевших Откровение, Паскаль сформулировал главное требование по отношению к себе:

---

[119] Lesaulnier J. Lalane, Noël de // Dictionnaire de Port-Royal. p. 571-574.

[120] Lesaulnier J. Desmares, Toussaint-Joseph-Guy// Dictionnaire de Port-Royal. p. 329-331.

[121] Lesaulnier J. Bourzeis, Amable de // Dictionnaire de Port-Royal. p. 205-208.

[122] Lesaulnier J. Feydeu, Mathieu// Dictionnaire de Port-Royal. p. 405-408.

[123] Le Guern M. L'influence de Descatres // L'image dans l'oeuvre de Pascal. P., 1983. p. 81-87.

«Забвение мира и всего, кроме Бога».

«*Oubli du monde et de tout, hormis Dieu*»[124].

Паскаль сближается со сторонниками Пор-Рояля: участвует в педагогической деятельности Маленьких школ, защищает дух монастыря от нападок иезуитов, начинает писать «Апологию христианской религии».

Свидетельства об участии Паскаля в постоянных обсуждениях (1656–1657) принципов перевода Библии, задуманного сторонниками монастыря Пор-Рояля[125], а также авторские переводы из Писания и Отцов Церкви в «Письмах к провинциалу» и в «Мыслях», поднимают еще одну тему, перекликающуюся с проблемами поэтики — Паскаль-переводчик.

Споры вокруг Формуляра и компромиссное решение Арно и Николя, приводят Паскаля к внутреннему несогласию с идеологами Пор-Рояля.

Он отказывается от теологических состязаний, что открывает путь более простому, почти народному благочестию. Он много помогает бедным и именно в милосердии видит смысл жизни по Христу. В сочувственном отношении к беднякам опосредованно слышится интонация живого слова, в котором жизнь по Христу не риторическая проповедь, а следование чувству. Сочувствие в принципе разрушает риторику. Дело «карет по пять су» — первая система общественного городского транспорта в Париже; или же завещание, в котором было сказано, что «главным больницам Парижа и Клер-

---

[124] Pascal Bl. [LE MEMORIAL] // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour «Les Provinciales». Classique Garnier, 2004. p. 1300.

Паскаль Бл. Мемориал // Паскаль Бл. Мысли. Пер. с франц. Ю. А Гинзбург. М.: Издательство имени Сабашниковых. 1996. с. 327.

[125] Le Guern, M. Les images bibliques. Les conversations et l'expérience de la vie // L'image dans l'oeuvre de Pascal. Paris, 1983. p. 106-115; p. 116-123.

мона Паскаль завещает по четверти от своих доходов в деле «карет по пять су»[126], для Паскаля жест отнюдь не риторический.

В конкретике малых дел и малых сумм присутствует внутреннее моральное сопротивление риторике, которое Паскаль находит и в примерах из Нового Завета. Обстоятельства последних месяцев жизни и смерти Паскаля свидетельствуют о пламенной любви к Богу и к бедным людям. Духовная жизнь Паскаля отмечена драматичностью отступления от Божественного и возврата к нему.

ПАСКАЛЬ – ПЕРЕВОДЧИК БИБЛИИ

Паскаль жил в эпоху великих астрономических, математических и географических открытий, разрушивших конечность и замкнутость старой Вселенной, конечность математической величины, в эпоху, которой соответствовало «галилеевское языковое сознание», по характеристике М. М. Бахтина, «отказавшееся от абсолютизма единого и единственного языка, т. е. от признания своего языка единственным словесно-смысловым центром идеологического мира, и осознавшего множественность национальных и, главное, социальных языков, равно могущих быть «языками правды», но и равно относительных, объективных и ограниченных языков социальных групп, профессий и быта»[127]. С этой точки зрения «литературно-творящее сознание»[128] Паскаля можно назвать двуязычным.

---

[126] Тарасов Б. Н. Творческая биография Блеза Паскаля // Тарасов Б. Н. «Мыслящий тростник». Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. М.: Языки славянской культуры. 2004. с. 230-231.

[127] Бахтин М. М. Слово в романе. Глава пятая. Две стилистические линии европейского романа // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930—1961 гг.). М., 2012. с. 121, 170.

[128] Смотри: Бахтин М. М. Из предыстории романного слова // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930—1961 гг.). М., 2012. с. 532.

«Рабочими» для Паскаля были латинский и французский языки. Латинский, прежде всего, язык науки. Среди научного наследия французского математика есть сочинения, написанные на международном языке науки. Латинский — это и язык «высоко авторитетного и священного слова Библии, Евангелия, (Вульгаты) апостолов и учителей церкви». Для французской литературы, и не только, — это олицетворение «чужого слова на чужом языке»[129]. Однако к этому «чужому слову» уже в XVI веке добавляется «свое слово» Лувенской Библии.

Паскаль, так же как и большинство его современников, слушал и читал Священное Писание на латинском языке. Важно отметить, что Паскаль работал со вторым изданием Лувенской Библии, основательно переработанным и снабженным вступительным словом к читателю Жаком де Байем, известным в истории теологии и университета Лувена как Байюс. Оно было издано в 1578 году и неоднократно переиздано.

Иначе был востребован Паскалем французский язык. Прежде всего, это язык его личных писем, некоторых теологических сочинений и его литературных произведений.

Стиль сочинений французского писателя, воспитанный ранним знанием латыни, вычищенный научными занятиями, рождался из библейской мозаики, сложенной из французского языка XVII века, латинских и греческих цитат из Священного Писания и трудов Отцов Церкви, из редких, поэтому воспринимаемых символически, древнееврейских слов и понятий.

Известно, что в работе над «Мыслями»/«Апологией христианской религии» Паскаль опирался на три издания Библии: Вульгату, следуя предписаниям Тридентского Собора, полиглотту Ватабля с четырьмя параллельными колонками, позволявшую сравнивать оригиналы греческого, перевод Семидесяти, Вульгату, новый латинский перевод с древнееврейского, еврейский тексты. Кроме

---

[129] Бахтин М. М. Из предыстории романного слова// Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930—1961 гг.). М., 2012. с. 539.

того, он использовал «Историю и евангельский свод» («*Histoire et concorde evangéliques*») (1653) Арно, возможно «Греко-еврейский свод к Ветхому Завету» («*Concordance Gréco-hébraïque de l'Ancien Testament*») (1607) лютеранина Конрада Кирха и «Анналы Ветхого и Нового Завета» («*Annales de l'Ancien et du Nouveau Testament*») (1650) сторонника англиканской церкви Джеймса Ашера.

Все это свидетельствует о широком библейском поле Паскаля и просвещенной открытости пор-роялевцев ко многим публикациям своего времени, вне зависимости от того, католические они или протестантские[130]. Подобная открытость свидетельствует как о поиске точности выражения смысла сакрального слова, так и о стремлении к слову «своему», «свободному».

В произведениях, особенно в «Мыслях», Паскаль часто дает авторские переводы. Он перепереводит выбранные цитаты и фрагменты из Пророков, особенно из Книги пророка Исаии, поскольку в периоде его работы над «Мыслями» Лувенская Библия уже воспринималась как архаическая, принадлежащая XVI веку, Библия Пор-Рояля (де Саси) была ещё в процессе работы[131]. Для текста «Мыслей» характерны «отчуждение или освоение цитируемого чужого слова» различных степеней[132], посредством разных перевод-

---

[130] Sellier Ph. La Bible de Pascal // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. I. Pascal. Paris, 1999. p. 89-108; p. 92-93.

[131] Смотри: Кашлявик К. Ю. Библия Пор-Рояля на перекрестке языков и культур // Вопросы литературы. № 2, 2013; Прохорова Э. А. Библия Пор-Рояля: поэтика и перевод. LAP, 2011. Это исследование остается, пожалуй, единственным обращением к теме в отечественном контексте.

[132] Бахтин М. М. Из предыстории романного слова// Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930—1961 гг.). М., 2012. с. 538: «Бесконечно разнообразны были формы явленного, полускрытого и скрытого цитирования, формы обрамления цитат контекстом, формы интонационных кавычек, различные степени отчуждения или освоения цитируемого чужого слова. И здесь нередко возникает проблема: цитирует автор благоговейно или, напротив, с иронией, с насмешкой. Двусмысленность в отношении к чужому слову часто бывала нарочитой».

ческих стратегий: от буквального перевода (восходящего к традиции Бл. Иеронима и Святого Августина) и «маньеристического» до подражания[133]. Они необходимы автору не для перевода, а для нахождения адекватного стиля задуманного произведения.

Например, **L 483/S 718** фрагмент:

> *<…> Et cependant Sion a osé dire: «Le Seigneur m'a abandonnée et n'a plus mémoire de moi. » — Une mère peut-elle mettre en oubli son enfant, et peut-elle perdre la tendresse pour celui qu'elle a porté dans son sein? Mais, quand elle en serait capable, je ne t'oublierai pourtant jamais, Sion. Je te porte toujours entre mes mains, et tes murs sont toujours devant mes yeux. Ceux qui doivent te rétablir accourent et tes destructeurs seront éloignés. Lève les yeux de toutes parts, et considère toute cette multitude qui est assemblée pour venir à toi. /*
>
> <…>И всё-таки Сион осмелился (осмелилась) сказать: «Господь покинул меня и более не помнит обо мне». — Может ли мать забыть дитя своё и может ли она утратить нежность к тому, кого выносила [во чреве своем]. Но даже когда она станет способной на это, я никогда все же не забуду тебя, Сион: я держу тебя всегда в руках своих, и стены твои всегда перед глазами моими. Те, кто должен восстановить тебя приближаются, и разрушители твои удалены будут. Подними глаза окрест и увидь все это множество, что собралось, чтобы идти к тебе».

Перевод свидетельствует о владении автором высоким стилем Библии ("и встал… и пошел… и сказал… "), который «<…> возникал практически в любом языке, на который переводилось Свя-

---

[133] Евдокимова Л. В. Перевод и подражание: литературная теория и практика (вступительные замечания) // Перевод и подражание в литературах Средних веков и Возрождения. Под общей редакцией Л. В. Евдокимовой, А. Д. Михайлова. Москва: ИМЛИ РАН, 2002. с. 3-11; с. 4-6.

щенное Писание»[134]. Приемы этого стиля: параллелизмы, повторы синтаксических и грамматических конструкций встречаются в произведениях Паскаля. Однако здесь есть приметы живого паскалевского слова: стремление к математической ясности и внутренняя рифма. Библейское стилистическое состояние свойственно для завершенных литературных текстов/фрагментов «Мыслей».

Для обнажения стиля паскалевского перевода можно привести тот же пассаж из «Библии Пор-Рояля»:

> 14. *Cependant Sion a dit: Le Seigneur m'a abandonnée, le Seigneur m'a oubliée/*
>
> Все-таки Сион сказал: Господь покинул меня, Господь забыл обо мне
>
> 15. *Une mère peut-elle oublier son enfant, et n'avoir point de compassion du fils qu'elle a porté dans ses entrailles? Mais quand même elle l'oublierait, pour moi je ne vous oublierai jamais. /*
>
> Может ли мать забыть своего ребенка, и не иметь более сострадания к сыну, которого она носила в своем чреве.
>
> 16. *Je vous porte gravée sur ma main, vos murailles sont sans cesse devant mes yeux. /*
>
> Я ношу вас отпечатанным на руке моей, ваши стены бесконечно перед моими глазами.
>
> 17. *Ceux qui vous doivent rebâtir sont venus, ceux qui vous détruisaient et qui vous dissipaient sortiront du milieu de vous. /*
>
> Те, кто должны построить вас пришли, те, кто вас разрушал и вас рассеивал, уйдут из мест ваших.
>
> 18. *Levez les yeux, et regardez tout autour de vous; toute cette grande assemblée de monde vient se rendre à vous. /*
>
> Поднимите глаза и посмотрите вокруг вас; все это собрание людей направилось к вам.

---

[134] Десницкий А. С. Поэтика библейского параллелизма. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. с. 458.

Перевод Пор-Рояля — это перевод уже в строгом смысле слова, с определенной стратегией и направленностью на читателя. Известно, что Паскаль принимал участие в обсуждениях принципов этого перевода и высказывал собственные суждения о его принципах, отголоски которых звучат в «Мыслях»:

> **L 557 / S 465** *Les langues sont des chiffres, où non les lettres sont changées, mais les mots en mots, de sorte qu'une langue inconnue est déchiffrable/*
>
> Языки — это шифры, где не буквы заменяются буквами, но слова — словами. Так что незнакомый язык можно расшифровать[135].
>
> **L 252 / S 284** *Deux erreurs: 1. prendre tout littéralement; 2. prendre tout spirituellement/*
>
> Две ошибки. 1. Воспринимать только букву. 2. Воспринимать только дух[136].
>
> **L 265 / S 296** <...> *Chiffre a double sens: un clair et où il est dit que le sens est caché/*
>
> <...> Шифр имеет двойной смысл: ясный и тот, где сказано, что смысл сокрыт.

Их объединяет традиция толкования смысла Писания Святого Августина — два уровня — буквальный и символический. При сравнении ощущается разность намерений переводчиков: для Паскаля — перевод не самоцель, скорее — инструмент для поиска наиболее адекватного стиля для написания задуманного произведения. Паскаль — художник слова, переводит «со стиля на стиль», и как поэт добавляет к этому «с чувства на чувство»[137]. Художественность его текста возникает на грани буквализма, сочетающе-

---

[135] Гинзбург с. 557.

[136] Гинзбург с. 146.

[137] Гаспаров М. Л. Еврипид Иннокентия Анненского // Еврипид. Трагедии. В 2 т. Т. I. Перевод И. Анненского. Изд. подготовили М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо. М.: Ладомир. Наука, 1999. с. 592.

гося с чувством. Ясность и лирическая интонация паскалевского фрагмента, по замечанию аббата Штайманна, знатока творчества Паскаля, соотносимы с пассажами из «Гофолии» Жана Расина, где корнелевская риторика уже потеснена демонстрацией живого чувства.

По мнению аббата Штейманна, если бы Паскаль знал древнееврейский, и если бы ему было отпущено время, он стал бы национальным переводчиком Писания, и выполнил бы работу по созданию классического варианта французской Библии, как это исполнил для Германии Лютер. «Паскаль совершил бы для французской Библии то, что Жерар де Нерваль для «Фауста», и Бодлер для произведений Эдгара По»[138]. Однако краткое время жизни не позволило ему выполнить эти задачи и обусловило прерванный характер текста «Мыслей», где риторическое слово и свободное слово сосуществуют и пересекаются.

ПАСКАЛЬ И МУЗЫКА

Как упоминалось выше, краеведческие хроники города Клермона писали о музыкальных интересах отца будущего писателя, о сфере, в которой у него были «такие прекрасные познания в композиции, что он считался одним из самых искусных в среде тех, кто занимался этим искусством»[139]. Вкус Этьена Паскаля к музыкальным упражнениям суть общая примета интеллектуальных занятий той эпохи[140]. Музыка находилась на пересечении наук. В отличие

---

[138] Steinmann J. Pascal. Paris: Cerf. 1954. p. 337-338.

[139] Mesnard J. Documents généraux. Eloge anonyme d'Etienne Pascal utilisé par Pierre Durand en 1662 // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1964. p. 512.

[140] Mesnard J. Pascal et la musique // Mesnard J. La culture du XVII siècle. Enquêtes et synthèse. PUF, 1992. p. 318-326.

от современного состояния музыки, состояния зафиксированного в своей системе (например, в системе инструментов, участвующих в оркестре), музыка XVII столетия находилась в поиске самой себя, как и свободное слово, условно называемое «романным».

Во времена Этьена Паскаля и детства Блеза Паскаля искусство музыки создается или перевоссоздается в становящейся системе культуры Нового времени[141]. Музыка «интересует математика, ибо это наука об интервалах, о делениях гаммы; она использует понятия отношения и пропорции. В то же время вмешивается и физик, ибо сфера его интересов — изучение акустических явлений. Физиолог и психолог поочередно интересуются различием звуков приятных и неприятных и влиянием музыки на поведение человека, а также возможным лечебным воздействием этого искусства»[142].

Следуя традиции пифагорейцев и Платона, музыка рассматривалась философски и, конечно, теологически как возможность объяснений гармонии систем звезд и человечества, не говоря уже об искусстве создания музыкальных инструментов, подражавших звукам горним и дольним.

В Средневековье античная идея гармонии сфер соотносилась с хвалой небесной Господа, с *musica angelica*. В эпоху Ренессанса Иоганн Кеплер (1571–1630), продолжая традицию, создает абстрактную систему гармонии сфер. В пятой книге своего труда «Harmonices mundi» (1619) им рассмотрено движение планет и его звуковое выражение, создающее гармонию из 4-х голосов, словно симфонию миров. «Сравнение разных скоростей движения планет в апогее и в перигее в прохождении эллиптической траектории вокруг солнца, сообщает каждой планете численное соотношение, которое

---

[141] Смотри также: Michels, Ulrich. Guide illustré de la musique / Baroque. Volume II. Réalisation graphique de G. Vogel. Traduit de l'allemand par D. Collins et J. Gribenski. Fayard, 1990. p. 301-366; Vendrix Ph. Musique // Blay M., Halleux R. La science classique XVI-XVIII siècle. Dictionnaire critique. Flammarion, 1998. p. 632-640.

[142] Mesnard J. Pascal et la musique. p. 319.

соотносится с музыкальным интервалом. Гармония миров, по мысли Кеплера, выражает красоту творения и хвалу Господу»[143].

Представления о градации и классификации музыки Нового времени восходят к Боэцию (ок. 480—524 гг.). «О музыке Боэтий оставил сочинение, дошедшее до нас не в полном виде (De Institutione Musica)», повествует И. Н. Голенищев-Кутузов. «Он пишет не только о воздействии музыки на человеческую душу, но и стремится обосновать законы ритма и гармонии при помощи математики, следуя Пифагору, Птолемею и Никомаху. Он обращался, вероятно, также к трактату о музыке Аврелия Августина. На этих математических основах изучение музыки входило в течение многих веков в университетское преподавание (в Оксфорде до XVIII в.). В свете новейших исследований метрики и ритмики математический метод Боэтия представляет несомненный интерес. По-видимому, Боэтий перевел также геометрию Эвклида. Из этого произведения сохранились только выдержки в одном компилятивном средневековом сочинении. В 983 г. Герберт Реймсский, один из значительнейших ученых Средневековья, нашел в Мантуе рукопись, содержавшую математические и астрономические труды Боэтия»[144]. Стремление обосновать законы материального и духовного бытия при помощи математических расчетов и музыкального ритма было присуще и Паскалю. Музыкальные увлечения Паскаля не единственно глава из его биографии. Это тот внутренний нерв, который содержится во всех его сочинениях — от научных до собственно литературных.

Так и у Боэция «Musica humana» переходит в вокальную музыку, «musica instrumentalis» — в музыку инструментальную[145].

---

[143] Michels Ul. p. 303.

[144] Голенищев-Кутузов И. Н. Боэтий // Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. Издание подготовлено И. В. Голенищевой-Кутузовой. Ответственный редактор М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1972. с. 106.

[145] Michels Ul. p. 303.

В эпоху Возрождения и барокко особый интерес вызывает практическая музыка. К тому же, «musica speculativa» (т. е. теоретическая музыка) обретает важность в связи с исследованиями в астрономии и в области акустики. Эстетическое и чувственное восприятие и понимание музыки переведут ее вскоре из научного поля в систему искусств[146].

XVII–XVIII вв. воспримут и разовьют символизм звучаний Возрождения. Теорию чисел в композиции, теорию выражения страстей посредством тональности и инструментов.

Ученые первой половины XVII века отдали щедрую дань занятиям музыкой. Среди них Галилей (1564–1642), его отец был музыкантом. Декарт (1596–1650), чей первый труд «Compendium musicae», написанный в 1618 году и изданный после его смерти в 1650 году, был посвящен вопросам музыки. У Декарта в «Трактате о страстях души» («*Les passions de l'âme*») (1649) описаны шесть основных страстей человека: 1. Восхищение; 2. Любовь; 3. Ненависть; 4. Желание; 5. Радость; 6. Печаль, имеющие тонкие переходы и оттенки, сравнимые со стилистически отточенными тональностями передачи страстей в музыке[147].

Но, пожалуй, главным остается имя Марена Мерсенна (1588–1648), математика, физика, теоретика музыки, философа, теолога и монаха-минорита, основателя собственной Академии. Как уже говорилось, Этьен Паскаль и его сын Блез были ее блистательными членами.

Автор «*Quaestiones celeberrimae in Genesim*» (1623), «*Traité de l'harmonie universelle*» (1627), «*Questions harmoniques*» и «*Préludes de l'harmonie universelle*» (1634), «*Harmonicorum libri*» (1636), переведенное на французский язык под заглавием «*Harmonie universelle, contenant la théorie et la pratique de la musique, où il est traité de la nature des*

---

[146] Смотри: Тимашева О. В. Литература Возрождения и музыка (философско-эстетические и жанровые параллели) // Тимашева О. В. От Рабле до Уэльбека. СПб.: Алетейя, 2012. с. 5-18.

[147] Декарт Р. О страстях души // Декарт Р. Сочинения. СПб.: Наука, 2006. Перевод с лат. А. К. Сынопалова. с. 562-635.

sons et des mouvements, des consonances, des dissonances, des genres, des modes, de la composition, de la voix, des chants et de toutes sortes d'instruments harmoniques» (1637) («Всеобщая гармония, содержащая теорию и практику музыки, в которой рассмотрена природа звуков и движений, консонансов, диссонансов, жанров и видов композиции, голоса, пения и всех типов гармонических инструментов») глубоко верил в возможность благотворного воздействия на души людей посредством музыки, обосновывая это философски, научно и теологически[148].

Музыка была частым предметом разговоров и научных обсуждений в Академии Мерсенна. О том, что Этьен Паскаль был искусен в вопросах музыки, свидетельствует посвящение ученому из Клермона VI книги «Рассуждения о струнных инструментах» («*Traité des instruments à cordes*») части из «*Harmonie universelle*» отца Мерсенна. Эта часть озаглавлена «Органы» («*Des orgues*»). Посвящение относят к 1 ноября 1635 года. Оно заставляет предположить, что Этьен Паскаль упражнялся в игре на музыкальных инструментах.

Этьен Паскаль и его сын были близко знакомы и с музыкантами в силу связей с литературными и светскими кругами своего времени. Живя в Руане в 1639 году, Паскали были дружны с салонным поэтом и драматургом, представителем «прециозной школы», возродившим позже жанр придворного балета Исааком де Бенсерадом (1612—1691), а также с выдающимся органистом, педагогом и композитором, каноником собора Нотр-Дам в Руане и постоянным респондентом Мерсенна Жаном Титлузом (Jean Titelouze, 1563 или 1564—1633). Дружба с Ле Пайёром (Le Pailleur, ?—1654) ученым и поэтом, известным прекрасным пением, свидетельствует о причастности Паскалей к культуре, объединяющей музыку и поэзию. В Париже меж их друзей был и Мишель Ламбер (Michel Lambert) (1610—1696), композитор, певец, танцор и игрок на теорбе эпохи барокко, один из самых известных мастеров вокальной музыки свое-

[148] Mesnard J. p. 319-320.

го времени. В 1641 году он женился на певице Габриель дю Пюи, чей отец держал музыкальное кафе «Прекрасная ария» («Bel-Air») около Люксембургского сада, где порой выступал и Ле Пайёр. Автором стихов, которые Ламбер часто перекладывал на музыку, был Исаак де Бенсерад. Известно, что позже де Бенсерад сотрудничал и с зятем Ламбера — великолепным Люлли (1632–1687).

Сочинял ли Этьен Паскаль музыку? Об этом свидетельств не осталось. Но ясно, что в семье Паскалей жил интерес к занятиям музыкой и поэзией. Среди множества стихов младшей сестры Блеза Жаклины сохранилось достаточное количество песен и арий. Одна из них озаглавлена «Песня на мотив сарабанды» («Chanson sur l'air d'une sarabande») (1637), другая, переложенная на музыку Ламбером, начинается со слов «Мрачные пустыни» («Sombres deserts») (1645). Кроме этого, сохранилась рукопись, происходящая из коллекции Таллемана де Рео, под заглавием «Слова» («Paroles») (1661), т. е. «стихи для переложения на музыку». Кроме сочинений де Бенсерада, д'Алибрея, Жаклины Паскаль, есть тексты двух маленьких стихотворений «Слова для арии» («Paroles pour un air»), относимых к «господину Пасхалию». Их авторство относят к сыну, Блезу, а не к отцу Этьену. Молодой человек соревновался с сестрой Жаклиной, столь преуспевшей в поэтическом и в музыкальном творчестве. Описывая обстановку салонов XVII века, Б. Н. Тарасов по сути дела дает характеристику стихам, приписываемых Паскалю. В них нет глубины. Галантно-салонному понимаю любви здесь присуще не живое чувство, а лишь «очарование элегантного ума». Любовь в них — часть светского воспитания, образования, ума и нравов, которыми блистательно владели посетители салонов, где Венсан де Вуатюр слыл непререкаемым авторитетом[149]. И в ариях Паскаля или его сестры Жаклины бедность рифмы не позволяет говорить о шедеврах. Тем не менее, они дают представление не только о салонах светского общества, но и о вкусах Блеза и Жаклины:

---

[149] Тарасов Б. Н. Мыслящий тростник / Светское общество. М.: Языки славянских культур. 2009. с. 75-85.

I
Ария

«Я к Вам пришел, прелестная Сильви,
Теперь не как любовник сладострастный,
Но жертва, чьи уже уходят дни…
Поверженный, покорный и несчастный.
Простите слезы в жалобах его,
Которые он в грусти исторгает.
Он не осмелился бы молвить ничего,
Когда б не знал, что в страсти умирает.

Не стал бы он молить Вас и дышать,
Когда б не видел в Вас очарованья,
Когда бы мог надеяться и ждать,
Снискать ответ на робкие признанья.
Простите слезы в жалобах его,
Которые он в грусти исторгает.
Он не осмелился бы молвить ничего,
Когда б не знал, что в страсти умирает».

I
Paroles pour un air

«Réduit au dernier jour d'une mourante vie,
Pour la dernière fois je viens, belle Sylvie,
Exposer à vos coups un amant malheureux.
Ne vous offensez pas de voir couler ses larmes:
Il n'osa soupirer en adorant vos charmes;
Mais souffrez qu'il soupire en expirant pour eux.

Il vient par son trépas injuste ou légitime,
Non plus comme un amant, mais comme une victime,
Eteindre dans son sang ses désirs amoureux.
Ne vous offensez pas de voir couler ses larmes:
Il n'osa soupirer en adorant vos charmes;
Mais souffrez qu'il soupire en expirant pour eux».

II
Ария

«Зачем о прошлых чувствах горевать
Когда Филис, мою невинность зная,
Велела сердцу молча умирать
Я слушаюсь, хоть в горести страдаю.

Страстей огонь мне вновь не разжигать.
Филис ни чувств, ни жалости не зная,
Велела сердцу молча умирать.
Я слушаюсь, хоть в горести страдаю»[150].

II
Paroles pour un air

«Que me sert de penser à mes malheurs passés?
Philis veut que je meure, et voit mon innocence.
Mourons, mon coeur, sans résistance,
Philis l'ordonne, c'est assez.

C'est ainsi que mes feux seront récompensés.
Mais cette plainte est vaine, et Philis s'en offense.
Mourons, mon coeur, sans résistance,
Philis l'ordonne, c'est assez».

---

[150] Автор признательна профессору З. И. Кирнозе за стихотворное переложение с французского языка. Pascal Bl. Oeuvres complètes. Texte établie, présenté et annoté par Jean Mesnard. T. II. Deuxième partie. Oeuvres diverses de Blaise Pascal. Vers attribués à Blaise Pascal. p. 310-312. Смотри также: Pascal Bl. Vers // Pascal Bl. Oeuvres complètes. T. II. Edition présentée, établie et annotée par Michel Le Guern. Gallimard. 2000. p. 1085-1086.

Стихи и музыка столь характерны для салонных вкусов XVII века, что интерес слушателей был неизменным. Первая ария была переложена на музыку знаменитым композитором Себастьеном Ле Камю (1610–1677)[151].

Тема музыкальной культуры семьи Паскалей относится не только к биографической канве. Она — камертон, настраивающий на восприятие поэтики произведений Паскаля.

Слух к звучанию мира дал знать о себе Блезу уже в детстве. Из жизнеописания ученого известно, что «однажды за столом кто-то случайно ударил ножом по фаянсовой тарелке; он заметил, что при этом раздается громкий звук, который стихает, если прикрыть тарелку рукой. Он хотел непременно узнать тому причину, и этот опыт привел его ко множеству других экспериментов со звуком. Он обнаружил при этом так много, что в возрасте одиннадцати лет написал о том трактат, который был найден весьма убедительным»[152].

Первый научный труд Паскаля, также как и Декарта, посвящен музыке. Рассуждение не сохранилось, однако его мотивы слышны в других произведениях ученого.

Так, в знаменитом «Предисловии к трактату о пустоте» есть следующие строки: «Потому-то геометрия, арифметика, музыка, физика, медицина, архитектура и прочие науки, которые руководствуются экспериментом и рассуждением, принуждены в стремлении к совершенству наращивать объем знаний. От своих предшественников древние получили эти науки в самом первоначальном очерке; мы же оставляем их тем, кто придет после нас, куда более совер-

---

[151] Pascal Bl. Oeuvres complètes. Texte établie, présenté et annoté par Jean Mesnard. T. II. Deuxième partie. Oeuvres diverses de Blaise Pascal. Vers attribués à Blaise Pascal. p. 310-311.

[152] Перье Ж. Жизнь господина Паскаля, написанная госпожой Перье, его сестрой, супругой господина Перье, советника палаты сборов в Клермоне // Паскаль Бл. Мысли. Пер. с франц. Ю. А. Гинзбург. М.: Издательство имени Сабашниковых. 1996. с. 39.

шенными, нежели они нам достались»[153]. Здесь звучит тема прогресса наук. Музыка помещена Паскалем в ряд фундаментальных наук (ибо «руководствуются экспериментом и рассуждением») и включена в острый спор древних и новых, в котором выбор стороны спора определяет стратегию развития мысли. Паскаль пока еще безусловный сторонник Мерсенна, разделявшего взгляды древних, а к 1634 году присоединившегося к новым. Темы, связанные с музыкой в произведениях Паскаля имеют системный характер.

В качестве примера приведем удивительный по остромыслию и музыкальности фрагмент из пятого «Письма к провинциалу» — разрешение диалога иезуита и его ироничного слушателя о большом количестве новейших неизвестных авторов, заменяющих теперь святых отцов. Фрагмент в оригинале звучит следующим образом:

> «C'est-à-dire, mon père, qu'à votre arrivée on a vu disparaître saint Augustin, saint Chrysostome, saint Ambroise, saint Jérôme, et les autres, pour ce qui est de la morale. Mais au moins que je sache les noms de ceux qui leur ont succédé; qui sont-ils, ces nouveaux auteurs? Ce sont des gens bien habiles et bien célèbres, me dit-il. C'est Villalobos, Coninck, Llamas, Achokier, Dealkozer, Dellacrux, Veracruz, Ugolin, Tambourin, Fernandez, Martinez, Suarez, Henriquez, Vasquez, Lopez, Gomez, Sanchez, de Vechis, de Grassis, de Grassalis, de Pitigianis, de Graphæis, Squilanti, Bizozeri, Barcola, de Bobadilla, Simancha, Perez de Lara, Aldretta, Lorca, de Scarcia, Quaranta, Scophra, Pedrezza, Cabrezza, Bisbe, Dias, de Clavasio, Villagut, Adam à Manden, Iribarne, Binsfeld, Volfangi *à* Vorberg, Vosthery, Strevesdorf.

---

[153] Паскаль Бл. Фрагмент «Трактата о пустоте». Пер. с франц. О. И. Хомы // Паскаль Бл. Трактаты. Полемические сочинения. Письма. Перевод с франц. О. Хомы и С. Долгова. Изд.: Port-Royal. 1997. **с.** 23; Pascal Bl. Préface sur le «Traité du vide » // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Préface d'Henri Gouhier de l'Institut. Présentation et notes de Louis Lafuma. Edition du Seuil. Paris, 1963. p. 230-231.

Ô mon Père! Lui dis-je tout effrayé, tous ces gens-là étaient-ils chrétiens? Comment chrétiens! Me répondit-il. Ne vous disais-je pas que ce sont les seuls par lesquels nous gouvernons aujourd'hui la chrétienté?»[154].

Русский перевод передает смысл и отчасти сохраняет «треск и посвист» согласных звуков, как и протяжность гласного «а»:

«— Все это завелось, значит, вместе с вашим Обществом? — спросил я.

— Да, приблизительно, — ответил он.

— То есть, отец мой, при вашем появлении исчезли св. Августин, св. Иоанн Златоуст, св. Амвросий, св. Иероним и другие во всем, что касается нравственности. Но я желал бы знать, по крайней мере, имена тех, которые им наследовали: кто они, эти новые авторы?»

— Это все люди очень мудрые и очень знаменитые, — сказал он. — Это Вильялобос, Конинк, Ламас, Ашокьер, Деалькозер, Деллакрус, Верракрус, Уголин, Тамбурен, Фернандес, Мартинес, Суарес, Энрикес, Васкес, Лопес, Гомес, Санчес, де Веккис, де Грассис, де Грассалис, де Питиджанис, де Граффеис, Скиланти, Бицоцери, Баркола, де Бобадилья, Симанча, Перес, де Лара, Алдретта, Лорка, де Скарча, Кваранта, Скофра, Педрацца, Кабрецца, Бисбэ, Диас, де Клавазио, Виллагут, Адам а Манден, *Прибарце*, Бинсфельд, Волфганги а Ворберг, Востери, Стревесдорф.

— Ох, отец мой, — сказал я, совсем перепуганный, — были ли христианами все эти люди?

— Как христианами! — ответил он. — Не говорил ли я вам,

---

[154] Pascal Bl. Les Provinciales // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. Textes édités par Gérard Ferryerolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour «Les Provinciales». Paris : Classique Garnier, 2004. p. 345-346.

что они единственные авторитеты, по указаниям которых мы руководим ныне христианским миром?»[155].

Цепочка «варварских имен» построена по аналогии с перечислением имен в трудах Общества Иисуса, в частности, иезуита Дианы и Эскобара. В теологических трудах перечисления тоже создают невольный, но чуждый комический эффект. Однако Паскалю нужны перечисления для создания комического эффекта. Этот прием, скорее всего заимствовав им у Рабле, которого Паскаль вероятно читал. По воспоминаниям современников «господин Паскаль любил… забавные книги, наподобие романов Скаррона» [156].

Первые три имени создают ощущение какофонии: *Villalobos*, *Coninck*, *Llamas*. За ним следует три группы рифмованных перечислений:

1. на «er»: Achoniki*er*, Dealkoz*er*;

2. на «us»: Dellacr*ux*, Veracr*uz*;

3. углубляющий ритм «in»: Ugol*in*, Tambour*in*. Они симметрично продолжены мелодичностью: 1. на «ez»: Fernand*ez*, Martin*ez*, Suar*ez*, Henriqu*ez*, Vasqu*ez*, Lop*ez*, Gom*ez*, Sanch*ez*; 2. на «is»: de Venchis, de Grassis, de Grassalis, de Pitigianis, de Graphaeis; 3. на «i»: Squilant*i*, Bizozer*i*, переходящее в широкое и полное «a»: B*a*rcol*a*, de Bob*a*dill*a*, Sim*a*nch*a*, Perez de L*a*r*a*, *A*ldrett*a*, Lorc*a*, de Sc*a*rci*a*, Qu*a*r*a*nt*a*, Scophr*a*, Pedrezz*a*, C*a*brezz*a*.

---

[155] Паскаль Бл. Письма к провинциалу. Пер. с франц. под ред. А. И. Попова. К.: Port-Royal, 1997. с. 118-119; Pascal Bl. Les Provinciales // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. Textes édités par Gérard Ferryerolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour «Les Provinciales». Paris : Classique Garnier, 2004. p. 345-346.

[156] Pascal Bl. Les Provinciales // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour «Les Provinciales». Paris : Classique Garnier, 2004. p. 345. 3 note: «M. Pascal… aimait les livres plaisants, comme Scarron, son roman».

Вдруг мелодия заканчивается и наступает «шутовская кода» с модуляционными отклонениями от основных тем звуков: Bisbe, Dias, de Clavasio, Villagut, Adam à Manden, Iribarne, Binsfeld, Volfangi à Vorberg, Vosthery, Strevesdorf [157].

Таким образом, к бурлеску Рабле, автор XVII века добавляет «научную оркестровку», «crescendo, выраженное в ритме и в звуках», особенно в «гласном звуке “а”», и, наконец, «шутовскую coda»[158], превращающую красивую гармонию звуков в шум. Это уже вполне литературный прием, позволяющий говорить о художественном мастерстве Паскаля.

Цепочки повторений основаны на принципах музыкальности. Паскаль часто использует их в «Мыслях». Например, в **L 148/S 181** фрагменте:

> *Tous se plaignent, princes, sujets, nobles, roturiers, vieux, jeunes, forts, faibles, savants, ignorants, sains, malades, de tous les pays, de tous les temps, de tous âges et de toutes conditions*[159] /
>
> Все стенают — государи, подданные, вельможи, простолюдины, старики, юноши, сильные, слабые, ученые, невежды, здоровые, больные, во всех краях, во все времена, всех возрастов, всех сословий[160].

Перечисление движет рассуждение и создает поэтический смысл. Он выражается ритмическими оппозициями — *vieux/jeunes*, *forts/faibles*, *savants/ignorants*; анафорическим зачином *Tous se*

---

[157] Смотри: Drissi Y. La poésie lyrique dans l'oeuvre de Blaise Pascal: Une arme rhétorique. Clermont-Ferrand, 2008. p. 8. Из монотематических рассуждений о лирической поэзии в творчестве Паскаля, автору книги известно только это исследование. Оно было написано в рамках выпусных квалификационных работ в Университете Клермон-Феррана под руководстовм профессора Декота.

[158] Краткий музыкальный словарь. Музгиз, 1955. с. 151-152.

[159] Sellier p. 916.

[160] Гинзбург с. 119.

plaignent, повторяющимся в конце *de tous les pays, de tous les temps, de tous âges et de toutes conditions*.

Или вновь цепочка из того же фрагмента о Высшем благе:

> *Et depuis qu'il l'a quitté, c'est une chose étrange qu'il n'y a rien dans la nature qui n'ait été capable de lui en tenir la place: astres, ciel, terre, éléments, plantes, choux, poireaux, animaux, insectes, veaux, serpents, fièvre, peste, guerre, famine, vices, adultère, inceste*[161]/
>
> И странная вещь — с тех пор, как человек его утратил, не нашлось ничего в природе, что могло бы его возместить, — светила, небо, земля, стихии, растения, капуста, порей, животные, насекомые, телята, змеи, лихорадка, чума, война, голод, пороки, прелюбодеяние, кровосмешение[162].

Перечисление выстроено как прогрессия от неживого и неодушевленного — *astres, ciel, terre*, к живому и одушевленному — *plantes, choux, poireaux, animaux, insectes, veaux, serpents*, и наконец, к человеку, к проявлениям его природы — *fièvre, peste, guerre, famine, vices, adultère, inceste*. Это движение смысла ритмизуется «звуковым эхом» внутренней рифмы из разных страт мира — *terre/guerre, poireaux/veaux, insectes/inceste*[163]. Перечисления, повторы и внутренняя рифма как признаки музыкальности поэтики Паскаля достаточно частое явления в «Мыслях», переводящие прозаические описания в поэзию.

Так, в **L 44/S 78** фрагменте Imagination/Воображение:

> *Cette superbe puissance ennemie de la raison, qui se plaît à la contrôler et à la dominer, pour montrer combien elle peut en toute choses, a établi dans l'homme une seconde nature. Elle a ses heureux, ses malheureux, ses sains, ses malades, ses riches, ses pau-*

---

[161] Sellier p. 916-917.

[162] Мысли с. 119.

[163] Drissi Y. La poésie lyrique dans l'oeuvre de Blaise Pascal: Une arme rhétorique. Clermont-Ferrand, 2008. p. 8.

vres. Elle fait croire, douter, nier la raison. Elle suspend les sens, elle les fait sentir. Elle a ses fous et ses sages, et rien ne nous dépite davantage que de voir qu'elle remplit ses hôtes d'une satisfaction bien autrement pleine et entière que la raison[164]/

Эта надменная сила, враждебная разуму, которая тешится своей властью над ним, чтобы показать, как она могущественна, создала вторую человеческую природу. У нее свои счастливцы и неудачники, свои здоровяки, хворые, богачи, нищие. Она заставляет верить, сомневаться, отвергать разум. Она приглушает чувства и обостряет их. У нее свои безумцы и свои мудрецы. И более всего нам обидно видеть, что она дает приютившим ее удовлетворение куда более полное и совершенное, чем разум[165].

К ним добавляются аллитерация, как «орнаментальный прием выделения и скрепления важнейших слов»[166] фрагментов, а также отклики ассонансов, например, строфы из завершенного рассуждения о «Несоразмерности человека»:

L 199/S 230

Donc toutes choses étant causée et causantes, aidées et aidantes, médiatement et immédiatement, et toutes s'entretenant par le lien naturel et insensible qui lie les plus éloignées et les plus différentes, je tiens impossible de connaître les parties sans connaître le tout, non plus que de connaître le tout sans connaître particulièrement les parties[167]/

И поскольку все вещи одновременно и причина, и следствие, и нуждаются в помощи, и подают ее, являются и прямо, и

---

[164] Sellier p. 855.

[165] Гинзбург с. 87.

[166] Гаспаров М. Л. Аллитерация//Литературная энциклопедия терминов и понятий. Глав. ред. и составитель А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2003. с. 27.

[167] Sellier p. 948.

опосредованно, и все соединены естественными невидимыми узами, которые связывают между собой самые далекие друг от друга и самые разные из них, — я полагаю невозможным знать части, не зная целого, равно как и знать целое, не зная частей по отдельности[168].

Параллелизм, основанный на геометрии повтора, *je tiens impossible de connaître les parties sans connaître le tout, non plus que de connaître le tout sans connaître particulièrement les parties* завершает строфу и подчеркивает движение мысли автора.

Процитированные примеры сочетания прозы и поэзии, переходов прозы в поэзию взяты из пространных тематически разработанных и стилистически завершенных фрагментов «Мыслей», что позволяет охарактеризовать их как приемы, свойственные поэтике Паскаля, заимствованные из музыки.

В «Мыслях» встречаются также разные размеры строф.

1. александрийский стих: L 373/S 405 *Il faut n'aimer que Dieu et ne haïr que soi*[169]/ Нужно любить только Бога и ненавидеть только себя[170];

2. краткие строфы, заключающие одно предложение:

L 201/S 233 *Le silence éternel de ces espaces infinis m'effraie*[171]/ Молчание вечных пространств бесконечных пугает меня;

L 757/ S 626 *L'écoulement.*

C'est une chose horrible de sentir s'écouler tout ce qu'on possède[172]/

Утекание.

Ужасно чувствовать, как утекает все, чем мы владеем[173].

---

[168] Гинзбург с. 135-136.

[169] Sellier p. 1023.

[170] Гинзбург с. 176.

[171] Sellier p. 951.

[172] Sellier p. 1162.

[173] Гинзбург с. 283.

L 353/ S 385 *Non pas un abaissement qui nous rende incapables du bien, ni une sainteté exemple de mal*[174]/Ни уничижение, делающее нас неспособными к добру, ни святость, очищенная от зла[175];

L 42/S 76 *Combiens de royaumes nous ignorent!*[176] /И сколько царств не ведают о нас!

L 43/S 77 *Peu de chose nous console parce que peu de chose nous afflige*[177]/Мало, что утешает нас, так как мало что огорчает нас[178].

L 1 /S 37 *Les psaumes chantés par toute la terre*[179]/Псалмы распеваемые по всей земле.

L 24/S 58 *Condition de l'homme.*

Inconstance, ennui, inquiétude[180]/В природе человека непостоянство, скука и тревога.

L 53/S 86 *Bassesse de l'homme jusqu'à se soumettre aux bêtes, jusques à les adorer*[181]/Низость человека до подчинения животным, до обожания их.

Они свидетельствуют о незавершенном характере произведения и о тексте в становлении, каковыми являются «Мысли». Отточенность выражения смысла и поэтическая напряженность этих строф заставляет думать о жанре максимы в духе моралистов XVII века.

Паскаль настолько выказывает знание звуков, сочетание ритмов и приемов прозы и поэзии, что можно рассуждать о пасклевском стихе, в котором интеллектуальному регистру вторит литургический вкупе с молитвенным опытом французского гения.

---

[174] Sellier p. 1017.

[175] Гинзбург с. 172.

[176] Sellier c. 854.

[177] Sellier p. 854.

[178] Гинзбург с. 86.

[179] Sellier p. 37.

[180] Sellier p. 849.

[181] Sellier p. 865.

Литургия и Писание, как говорилось выше, занимали наиважнейшее место в жизни Паскаля. «Он питал жаркую любовь ко всей церковной службе», — свидетельствует Жильберта Перье, — «то есть к молитвам из требника, и старался их читать сколько мог; но особенно к службе, составленной из Псалма 118[182], в котором находил дивные вещи, что радовался всякий раз, когда его произносил; а когда он беседовал с друзьями о красоте этого Псалма, то приходил в восторг, и вместе с ним возносились душой все, с кем он говорил»[183].

Так, в сочиненной им «Молитве, чтобы Бог дал употребить болезни во благо», разделенного на пятнадцать параграфов, в IV параграфе, как и в остальных параграфах текста, слышны характерные поэтические повторы обращения к Богу:

> *Mais je reconnais, mon Dieu, que mon coeur est tellement endurci et plein des idées, des soins, des inquiétudes et des attachements du monde, que la maladie non plus que la santé, ni les discours, ni les livres, ni vos Ecritures sacrées, ni votre Evangile, ni vos mystères les plus saints, ni les aumônes, ni les jeunes, ni les mortifications, ni les miracles, ni l'usage des sacrements, ni le sacrifice de votre corps, ni tous mes efforts, ni ceux de tout le monde ensemble, ne peuvent rien du tout pour commencer ma conversion, si vous n'accompagnez toutes ces choses d'une assistance tout extraordinaire de votre grâce*[184]/
>
> Но я сознаю, Господи, что сердце мое столь огрубело и так полно всяких мирских помышлений, забот, тревог и привязан-

---

[182] О влиянии звучания Псалма 118 на мысль и дух Паскаля смотри статью Ph. Sellier. Pascal et le Psaume 118 // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. Pascal. T. I. Paris: Editions Champion. 1999. p. 109-115.

[183] Перье Ж. Жизнь господина Паскаля, написанная госпожой Перье, его сестрой, супругой господина Перье, советника палаты сборов в Клермоне // Паскаль Бл. Мысли. Пер. с франц. Ю. А. Гинзбург. М.: Издательство имени Сабашниковых. 1996. с. 63-64.

[184] Pascal Bl. Prière pour le bon usage des maladies // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome IV. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. "Desclée de Brouwer", 1992. p. 1000-1001.

ностей, что ни болезнь, ни здоровье, ни речи, ни книги, ни Твое Священное Писание, ни Твое Евангелие, ни самые святые Твои таинства, ни милостыня, ни пост, ни умерщвление плоти, ни причащение Святых Даров, ни жертва Тела Твоего, ни все мои старания, ни старания всех людей на свете не смогут ничего сделать для моего обращения, если Ты не придашь всему этому сверхъестественной помощи Своей благодати[185].

Цепь перечислений построена как парафраза самого красивого текста, написанного «языком человеческим» — фрагмента из Первого Послания к Коринфянам (Глава XIII, 1–3) апостола Павла. Парафраза библейского слова привносит поэтическую напряженность, которая позволяет воспринять параграф как отдельную развернутую строфу, как переход прозы в поэзию. Для религиозных произведений Паскаля, построенных как авторская парафраза библейского слова — «Мемориала» (1654), «Рассуждений о благодати» (1657–1658), «Краткого жизнеописания Иисуса», мистического текста «Таинство Иисуса» из «Мыслей», характерно подобное сочетание прозы и поэзии.

Незавершенное состояние текста «Мыслей» позволяет взглянуть на некоторые фрагменты особым образом и прочесть тексты, расположенные на разрезанных листах, каждая строка которых графически оформлена заглавной буквой, как стихи. В качестве архетипа подобных текстов, приводят пример **L 130/S 163** фрагмента[186]:

S'il se vante, je l'abaisse
S'il s'abaisse, je le vante
Et le contredis toujours
Jusques à ce qu'il comprenne
Qu'il est un monstre incompréhensible[187]/

---

[185] Гинзбург с. 392.

[186] Drissi Y. La poésie lyrique dans l'oeuvre de Blaise Pascal: Une arme rhétorique. Clermont-Ferrand, 2008. p. 16.

[187] Sellier p. 898.

Превозносящий будет мной унижен
Униженный превознесён.
До той поры покуда не поймет
Чудовищную двойственность природы.

Вот несколько примеров стихотворного оформления текста.

L 177/S 208
Contradiction est une mauvaise marque de vérité.
Plusieurs choses certaines sont contredites.
Plusieurs fausses passent sans contradiction.
Ni la contradiction n'est marque de fausseté ni de l'incontradiction n'est pas marque de vérité [188]/

Противоречье в истине бытует не всегда.
Без спора может жить в веках неясность.
И ложность с истинностью могут иногда
В противоречие вступать…

Или градация строчек-цитат, выстроенных в убывании значимости (антиклимаксе: *tue, arrivait, souffrît, donne*/убивает, явилось, страдал, дает) и заверашющиеся авторским обобщением их смысла, как представлено во фрагменте **L 268/S 299**:

Figures.
«La lettre tue».
«Tout arrivait en figure».
«Il fallait que le Christ souffrît.
Un Dieu humilié. Voilà le chiffre
que saint Paul nous donne[189]/

Иносказания.
«Буква убивает».
«Все в образах являлось».
«И было нужно, чтоб страдал
Христос».
Вот знак, что нам дает апостол
Павел.

[188] Sellier p. 932.
[189] Sellier p. 975-976.

Простое перечисление библейских имен во фрагменте **L 856/S 436** выстроенное прямоугольным треугольником, становится поэмой[190]:

Contestations.	Распри.
Abel, Caïn.	Авель, Каин.
Moïse, magiciens.	Моисей, волхвы.
Elie, faux prophètes.	Илия, лжепророки.
Jérémie, Ananias.	Иеремия, Анания.
Michée, faux prophètes.	Михей, лжепророки.
Jésus-Christ, pharisiens.	Иисус Христос, фарисеи.
Saint Paul, Barjésu.	Святой Павел, Вариисус.
Apôtres, exorcistes.	Апостолы, заклинатели.
Les chrétiens et les infidèles.	Христиане и неверные.
Les catholiques et les hérétiques.	Католики и еретики.
Elie, Enoch, Antéchrist.	Илия, Енох, Антихрист.
Toujours le vrai prévaut en miracle.	Вся истина предчувствуется в чуде.
Les deux croix[191]/	Два креста[192].

Антитезы библейских образов, в каждом из которых сосредоточен сюжет, создают двойной ритм. Он скреплен созвучиями: ассонансом неточной рифмой, характерной для средневековой романской поэзии.

1. на «e/é»: *Abel-Elie-Jérémie-Michée-Jésus-Barjésus-les chrétiens-les hérétiques-Enoch-Antéchrist-prévaut*;

2. на «aï»: *Caïn-Moïse-Ananias*; внутренними рифмами: *magiciens/pharisiens; Christ/exorcistes/Antéchrist; faux/prévaut; catholiques/hérétiques*.

---

[190] Drissi Y. La poésie lyrique dans l'oeuvre de Blaise Pascal: Une arme rhétorique. Clermont-Ferrand, 2008. p. 18.

[191] Sellier p. 1057-1058.

[192] Гинзбург с. 856.

Антитезы образов делятся на две части — относящуюся к Священному Писанию *Moïse*, *magiciens* и на профанную *Les catholiques et les hérétiques*. Антитезы соединяются в синтезе финальной строфы: *Toujours le vrai prévaut en miracle. Les deux croix*.

В «Мыслях» одна из гармонизирующих тем — единство мира, услышанного человеческим ухом: L 1/S 37 *Les psaumes chantés par toute la terre*/ Псалмы распеваемые по всей земле.

«Мысли» наполнены упоминаниями о различных звуках мира, приятных и неприятных для уха читателя: шорохи, шумы, пушечный выстрел, скрип флюгера или лебедки, жужжание мухи:

L 48 / S 81

L'esprit de ce souverain juge du monde n'est pas si indépendent qu'il ne soit sujet à être troublé par le premier *tintamerre* qui se fait autour de lui. Il ne faut pas *le bruit d'un canon* pour empêcher ses pensées. Il ne faut pas que *le bruit d'une girouette ou d'une poulie*. Ne vous étonnez point, s'il ne raisonne pas bien à présent, *une mouche bourdonne à ses oreilles*. C'en est assez pour le render incapable de bon conseil. Si vous voulez qu'il puisse trouver la vérité, chassez cet animal qui tient sa raison en échec et trouble cette puissante intelligence qui gouverne les villes et les royaumes. Le plaisant dieu que voilà! *O ridicolosissimo eroe!*

L 48 / S 81

Дух этого царственного судии мира не настолько свободен, чтобы не зависеть от малейшего шороха рядом. Чтобы спутать его мысли, не надо пушечного выстрела. Достаточно скрипа флюгера или лебедки. Не удивляйтесь, если он сейчас плохо рассуждает: муха жужжит у него над ухом. Этого довольно, чтобы он стал не способен дать добрый совет. Если вы хотите, чтобы он смог отыскать истину, прогоните это создание, которое сковывает его рассудок и смущает могучий разум, правящий городами и государствами. Хорошо же это божество. *O ridicolosissime heroe!*[193]

[193] Гинзбург. с. 90-91.
Sellier p. 862-863.

Ироничный очерк о нарциссизме и неустойчивости природы человека построен на цитате из Монтеня: «*j'ai l'esprit tendre et facile à prendre l'essor; quand il est empêché [occupé] à part soi, le moindre bourdonnement de mouche l'assassine*»[194].

«*O ridicolosissimo heroe!*» / «О наисмешнейший герой!» — неожиданное включение обращения к Скарамушу, взятого, по комментарию Селье, из посвящения к некоему шутовскому научному опусу. Итальянский весельчак «выведен в ней как глава «ученых», ибо их призвание — по образцу всех остальных — лишь комическая роль на великом театре мира»[195].

Чавканье во время еды:

L 196 / S 228 *Ma fantaisie me fait haïr un coasseur et un qui souffle en mangeant. La fantaisie a grand poids. Que profiterons-nous de là?*

Que nous suivrons ce poids à cause qu'il est naturel? Non, mais que nous y résisterons[196].

L 196 / S 228 Мое воображение заставляет меня ненавидеть жабу и того, кто чавкает во время еды. Воображение — большая сила. Что же из этого следует? Что мы подчинимся этой силе, поскольку она естественна? Нет, что мы будем ей сопротивляться[197].

---

[194] Pascal Bl. Pensées. Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour "Les Provinçiales". La Pochothèque. P., 2004. p. 862-863; 863.

[195] Pascal Bl. Pensées. Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour "Les Provinçiales". La Pochothèque. P., 2004. p. 863: 3. «Ô très ridicule héros! Apostrophe à Scaramouche dans la dédicace d'une thèse bouffonne (1657). Le farceur italien y est invoqué comme patron des "savants", puisque leur profession — à l'imstar de toutes les autres — n'est qu'un rôle comique sur le grand théâthre du monde».

[196] Sellier p. 940.

[197] Гинзбург с. 131.

Игра на лютне:

L 96/S 130 *Raison des effets*

La faiblesse de l'homme est la cause de tant de beautés qu'on établit, comme de savoir bien jouer du luth [Ne point jouer du luth] n'est un mal qu'à cause de notre faiblesse[198];

L 96/S 130 Причина вещей

Страсти человеческие порождают множество красот; умение хорошо играть на лютне — зло только по причине наших страстей[199].

Характеристики музыкального звучания:

L 137/S 169 <...> *à penser à adjuster ses pas à la cadence d'un air ou à placer adroitement une barre* <...>[200]

L 137/S 169 <…> как согласовать свои шаги с ритмом мелодии или как половчее кинуть мячик <…>[201].

L 199/S 230 <…> *Les premiers principes ont trop d'évidence pour nous; trop de plaisir incommode, trop de consonances déplaisent dans la musique, et trop de bienfaits irritant* <…>[202].

L 199/S 230 <…> Чувства наши не воспринимают никаких крайностей, слишком громкий звук нас оглушает, слишком яркий свет слепит, слишком дальнее и слишком близкое расстояние мешают видеть <…>[203].

---

[198] Sellier p. 885.

[199] Гинзбург с. 101.

[200] Lafuma p. 518.

[201] Гинзбург 116.

[202] Lafuma p. 527.

[203] Гинзбург с. 134.

Знаменитое сравнение с органом доводит до метафорического предела рассуждение о природе человека:

L 55/ S 88 *Inconstance. On croit toucher des orgues ordinaires en touchant l'homme. Ce sont des orgues à la vérité, mais bizarres, changeantes, variables. (*Ceux qui ne savent toucher que les ordinaires*) ne seraient pas d'accord sur celles-là.*

L 55/S 88 Непостоянство.

К человеку прикасаешься словно к орга́ну. Человек и есть орган, только странный, изменчивый, непостоянный. (*Те, кто умеют играть только на обыкновенных органах*) с этим не справятся. Нужно знать, где у них клавиши[204].

И вновь примета XVII века — унаследованное от поэтики Монтеня и уже Шекспира соотнесение человеческого тела с музыкальным инструментом. Пропорции духовного напряжения музыкальности слова Паскаля тонко уловил Поль Клодель — универсальный гений культуры уже XX столетия. В «Размышлениях и суждениях о французском стихе» («*Réflexions et propositions sur le vers français*») (1925) Клодель разбирает мелодику знаменитых фрагментов Паскаля:

«*Que de royaumes — nous ignorent!*» («Сколько царств о нас и не ведает!») Окончание изысканное и одновременно очень простое, частица темная и частица светлая, самая высокая нота тембра изящно служит разрешению самой низкой ноты. Степенность "*au*" и раскат "*o*" усилены согласными, что следуют за ними».

И далее пример «модуляции»:

«Le silence éternel de ces espaces infinis — m'effraie»/«Молчание вечных пространств бесконечных пугает меня». Двусложник четкий

---

[204] Sellier p. 865.

Гинзбург с. 92.

и открытый <…> уравновешивает собой великую, легкую и просторную фразу из четырех анапестов. Отметьте как опору глухое столкновение двух носовых "*an*" и"*in*". И своего рода звездный разрез между "*espaces*" и "*infinis*"» .

Продолжая рассуждать о поэтическом, Клодель замечает:

«Предположим, что Паскаль бы написал: «*L'homme n'est qu'un roseau, mais c'est un roseau pensant*» («Человек всего лишь тростник, но это мыслящий тростник»), голос не находит никакой опоры и ум остается в мучительном ожидании, но он написал: «*L'homme n'est qu'un roseau, LE PLUS FAIBLE DE LA NATURE, mais c'est un roseau pensant*» («Человек — всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая») — и фраза звучит с великолепной полнотой»[205].

Заключая поэтологические разборы, Клодель пишет: «Великих французских поэтов, великих создателей зовут не Малерб или Депрео или же Вольтер, ни даже Расин, Андре Шенье, Бодлер или Малларме. Их зовут Рабле, Паскаль, Боссюэ, Сен-Симон, Шатобриан, Оноре де Бальзак, Мишле. Я сравниваю французскую прозу со знаменитой волной Хокусаи, которая, после беспредельных и мощных колебаний обрушилась, наконец, на берег столбом из пены и маленьких птичек»[206].

Комментарии Клоделя показывают, что поэтика неоконченного текста «Мыслей», сочетающая полнорифмы и нерифмованный белый стих вкупе с графическим оформлением, может быть названа оазисом и мощным полем для развития верлибра во французской литературе.

---

[205] Claudel Pl. Réflexions et propositions sur le vers français // Claudel Pl. Oeuvres en prose. Préface par Gaëtan Picon. Textes établis et annotés par Jacques Petit et Charles Galpérine. BP : Gallimard, 1965. p. 36-39.

[206] Claudel Pl. Réflexions et propositions sur le vers français // Claudel Pl. Oeuvres en prose. Préface par Gaëtan Picon. Textes établis et annotés par Jacques Petit et Charles Galpérine. BP : Gallimard, 1965. p. 43-44.

«Обобщающий слух» (Б. В. Асафьев) в «Мыслях» становится инструментом для изучения «способа, каким дух соединяется с телом»[207], т. е. природы человека, его ощущений, чувств, способностей и разума[208]. Музыка, «временно́е становление смыслов, выраженных интонационно» здесь является качеством духовности и признаком классики, то есть образцовости[209].

Завершая рассуждать о роли музыки в поэтике Паскаля, можно утверждать, что музыка стала моментом формирования стиля и художественного мира Паскаля. Упоминания о музыке столь же значимы для поэтики Паскаля, как и мысль о том, что математика, музыка, теология, философия образуют тот первый круг, без которого невозможно представить себе живого Паскаля.

ПИСЬМА ПАСКАЛЯ.
СТАНОВЛЕНИЕ АВТОРСКОГО ГОЛОСА

В переписке любого писателя авторский голос слышен непосредственным, чистым, свободным. Из 48 атрибутированных текс-

---

[207] «Modus que corporibus adherent spiritus copre hendi ad homine non potest, et hoc tamen homo est» — «способ, каким дух соединяется с телом, не может быть понятен человеку; а между тем это и есть человек». Святой Августин. О Граде Божием, 21,10 / Паскаль Бл. Мысли. Пер. с франц. по изданию Лафюма Ю. А. Гинзбург. М.: Изд. имени Сабашниковых. 1996. с. 136. [208] Смотри: Н. Ф. Швейбельман. Проблема познания и самопознания в книге Аврелия Августина “Исповедь” // Мировая литература в контексте культуры. Сб. материалов VII международной научной конференции “Иностранные языки и литературы в контексте культуры”, посвященной 115-летию со дня рождения Владимира Васильевича Вейдле (23 апреля 2010г.), и Всеросссийской студенческой научной конференции (27 апреля 2010 г.). Пермь, 2010.

[209] Асафьев Б. В. Слух Глинки / Глава первая. Интонационная культура Глинки: самовоспитание слуха, его рост и питание // Асафьев Б. В. Избранные труды. Т. I. Избранные работы о М. И. Глинке. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. с. 289-324.

тов Паскаля до нас дошло 7 личных писем, адресованных к родственникам, 1 — к мадам де Сабле, 9 — к Шарлотте де Роаннез, в которых Паскаль предстает в роли духовного наставника молодой аристократки. Из научных сохранилось 8 писем, которые включают, в том числе, послания к Ферма, к Гюйгенсу, к де Слюзу. К ним относятся и два письма-посвящения, сопровождающие характеристику счетной машины, и одна инструкция по ее использованию. Таким образом, расширительно эпистолярное наследие Паскаля насчитывает 28 писем.

Для писателя XVII века, века эпистолярного, это очень мало. Сравнивая эпистолярный корпус Паскаля, например, с архивом Лейбница, который насчитывает более 20 тысяч посланий, становится ясным, что наследие Паскаля не так велико. Каждое из сохранившихся писем является драгоценным документом для описания «единого текста».

Так, в письме к августейшей королеве Христине, панегирике, в котором автор показывает себя знатоком светскости, впервые излагается теория о порядке мира — начало теории о трех порядках: плоть, ум и милосердие, столь важной для архитектоники «Мыслей».

Пронзительные девять писем к мадемуазель де Роаннез и самое известное письмо-рассуждение о сокровенном Боге — «Письмо к Шарлотте де Роаннез о боге сокровенном» (1656), показывают автора как потенциального священника с собственной системой руководства, сложившейся не из назидания, а из диалога с той, которой он руководит, не назидание, а диалог, в котором услышанность предполагается как в подлинно художественной литературе.

В данном случае письма Паскаля — это больше, чем письма. Помимо биографического материала, они содержат в себе художественные заданности других жанров: утешения, философского рассуждения, притчи (назидательной и аллегорической), поучения, максимы, философского диалога.

Лирическое «я», столь редкое для Паскаля-писателя, более всего проявляет себя в личных письмах, в «Мемориале» и в «Молитве о даре болезней во благо». Все эти случаи свидетельствуют о включении в паскалевский текст собственного авторского голоса. Общеизвестно, что текст становится художественным текстом, когда в нем присутствуют замысел автора, вносящий в текст субъективное начало, диктующее, в том числе, и изменение жанра. Из сохранившихся писем есть образцы, которые повторяются от издания к изданию. К ним относится письмо к господину и госпоже Перье в Клермон по случаю смерти господина Паскаля-отца, скончавшегося в Париже 24 сентября 1651 года.

Кончина отца стала для сына моментом самосознания, а в творчестве — обретением авторского голоса. Потеря отца рождает в Блезе автора. Об этом свидетельствует сохранившееся «Письмо господину и госпоже Перье в Клермон по случаю смерти господина Паскаля-отца, скончавшегося в Париже 24 сентября 1651» («*Lettre de Monsieur Pascal à Monsieur Périer, son beau-frère. Au sujet de la mort de M. Pascal, son père*»)[210].

Из семи писем, адресованных к родственникам, это — самое знаменитое и часто издаваемое[211]. Оригинал письма и сделанные с

---

[210] Pascal Bl. Lettre de Monsieur Pascal à Monsieur Périer, son beau-frère. Au sujet de la mort de M. Pascal, son père. Oeuvres complètes. Tome II. Texte établi, présenté et annoté par J . Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1970. p. 851-863. Цитаты на русском языке приводятся по: Паскаль Бл. Письмо господину и госпоже Перье в Клермон по случаю смерти господина Паскаля-отца, скончавшегося в Париже 24 сентября 1651. Пер. с франц. Ю. А. Гинзбург // Паскаль Бл. Мысли. Пер. с франц. Ю. А. Гинзбург. Вступительная статья и комментарии Ю. А. Гинзбург. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1996. с. 409-417.

[211] Pascal Bl. Lettre de Monsieur Pascal à Monsieur Périer, son beau-frère. Au sujet de la mort de M. Pascal, son père. Oeuvres complètes. Tome II. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1970. p. 845-847; p. 845.

него копии находились в «фонде Перье», откуда и разошлись по многим изданиям произведений Паскаля. Оно первое увидело свет уже в XVII столетии. Развернутые пассажи из него, тематически перекликавшиеся с набросками к «Апологии христианской религии», были включены в XXX раздел («Мысли о смерти») первого пор-роялевского издания «Мыслей» (1670, 1678)[212]. Фрагменты личного послания получили тематическую определенность, вынесенную в заглавие: «на тему смерти его отца» / «*sur le sujet de la mort de Monsieur son père*». Письмо-утешение, переходящее в проповедь, становится более, чем личным. Включение «Письма...» в контекст «Мыслей» зафиксировало литературно-философский интерес современников и издателей к нему и волей-неволей создало перспективу понимания его как художественного текста с выраженным авторским сознанием.

Сохранившиеся свидетельства отношения сына к отцу связаны с печальным событием в семье — с кончиной Этьена Паскаля 24 сентября 1651 года. Текст эпитафии, написанный детьми, «удрученных болью», выдает большую меру участия в ее составлении Блеза Паскаля. Эпитафия выражает скорбь о том, чье «сердце было посвящено Богу, своему королю, своей семье и своим друзьям»[213].

Сюжет «Письма» рождается из трагического семейного события. Жильберта не смогла приехать на отпевание отца. Жаклина написала Жильберте и ее супругу Флорену письмо, в котором излагала обстоятельства последних недель жизни Этьена Паскаля.

---

[212] Смотри: Pascal Bl. Pensées de M. Pascal sur la religion et sur quelques autres sujets. XXX. Pensées sur la mort, qui ont été extraites d'une lettre écrite par M. Pascal sur le sujet de la mort de Monsieur son père // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Edition présentée, établie et annotée par Michel Le Guern. Gallimard. Bibliothèque de la Pléiade. T. II. 2000. p. 1029-1036.

[213] Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome II. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1970. Epitaphe d'Etienne Pascal (vers fin 1651). p. 843-844.

Это письмо не сохранилось, но оно упоминается в письме Блеза к Перье:

> «Не помню, на чем кончилось первое письмо. Наша сестра отослала его, не заботясь, окончено ли оно. Мне кажется, оно содержало лишь кое-что вкратце из наставлений Божиих о жизни и болезни, которые я хотел бы повторить вам, — настолько я запечатлел их в своем сердце и столько в них истинного утешения, — если бы вы сами не смогли их понять из предыдущего письма и если сестра наша не собирается рассказать вам о них поточнее при первой возможности»[214].

В целом — это размышление о смерти отца, о смерти вообще, которое заканчивается как проповедь: Amen[215]. Жильберта оставила замечательный комментарий-пересказ этого «Письма» в написанной ею «Жизни господина Паскаля…»:

> «За несколько лет до того он написал письмо по случаю смерти моего отца, из которого видно его мнение о том, что христианин должен смотреть на земную жизнь как на жертвоприношение, а разные приключающиеся с нами события должны нас задевать лишь в той мере, в какой они прерывают или довершают это жертвоприношение. Вот почему предсмертное состояние, в каком он был обречен пребывать в последние годы его жизни, стало средством исполнить то жертвоприношение, которое должно было совершиться через его смерть. Он принимал это мучительное состояние с радостью. И мы видели всякий день, как он благословлял за него Бога со всей силой благодарности. Когда он говорил с нами о смерти, которую полагал ближе, чем она впоследствии оказалась, то всегда говорил и об Иису-

---

[214] Паскаль Бл. Письмо. с. 410.

[215] Bord A. La mort d'Etienne // Bord A. La vie de Blaise Pascal. Une ascension spirituelle suivie d'un essai "Plotin, Montaigne, Pascal". Paris, 2000. p. 59-64, p. 60-61.

се Христе, что смерть без Иисуса Христа ужасна, а в Иисусе Христе сладостна, свята, радостна для верующего; что поистине, если б мы были невинны, страх смерти был бы разумен, потому что это противно природному порядку, чтобы каралась невинность; что было бы справедливо ее ненавидеть, если б она могла разлучить святую душу со святым телом...»[216].

Из перспективы описания жизни Паскаля одна из основных тем письма — жертвоприношение, превращается в иллюстрацию разных смыслов. В письме Паскаля есть мотивы, относящиеся к разным сферам психологии и литературного мастерства. Агиография сплетается с высокой философской риторикой о смысле жизни и смерти, с философией стоиков и даже с политическими мотивами эпохи XVII века, богатого противостояниями партий и мировоззрений.

Рассуждения о смерти и изображение борьбы души и тела, тема, известная литературе со времен Платона, на французской почве отсылает к французскому «Стиху о смерти» монаха Э. де Фруадемона (1160—1229), к анонимному французскому произведению того же времени — «Спору души и тела» («*Débat du corps et de l'âme*»), к «Опытам» (например, к Книге I, гл. 20: «О том, что философствовать — это значит учиться умирать») Монтеня, к антитетичности и метафоричности «Стансов и сонетов о смерти» Ж. де Спонда (1557—1595), к богатой литературе эпохи гражданских войн и либертинажа, вдохновленных размышлениями античных стоиков, в частности, Сенеки. «Утешение

---

[216] Перье Ж. Жизни господина Паскаля, написанная госпожой Перье, его сестрой, супругой господина Перье, советника палаты сборов в Клермоне. Пер. с франц. Ю. А. Гинзбург // Паскаль Бл. Мысли. Пер. с франц. Ю. А. Гинзбург. М.: Издательство имени Собашниковых, 1996. с. 54-55. Périer G. La vie de Monsieur Pascal écrite par Madame Périer, sa soeur, femme de Monsieur Périer, Conseiller de la Cour des Aides de Clermont. 2-ème version // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1964. p. 624-625.

к Марции» («*Ad Marciam de Consolatione*»), в котором Сенека раскрывает темы слабости человека, краткости жизни, благости смерти и судьбы душ после смерти. Они прочитывались писателями XVII века в христианской перспективе.

Нельзя не упомянуть великолепную «Проповедь о смерти», произнесенную Боссюэ в Великий пост в Лувре в 1662 году. Выстроенная на светских, профанных как называл их Боссюэ, аргументах, призванных вовлечь в диалог и пробудить инстинкт веры у равнодушных к ней людей. Проповедь завершалась синтезом христианской точки зрения. Подобная аргументация сходна с диалектикой паскалевских «Мыслей», хотя трудно определить, был ли Боссюэ их читателем[217].

Вписывая «Письмо» Паскаля в литературный контекст века, возможно уяснить, что жанр «утешения» являлся обязательным элементом культуры общества и принимал разные формы[218]:

1. Поэтическую: например, «Утешение господину Дю Перье по поводу смерти его дочери» (1598) Малерба (1555—1628)[219]; «Сонет г-ну ла Мотт ла Вайе на смерть его сына» (1664) Мольера; или стансы «Утешение на смерть гугенотки» (1645) Жаклины Паскаль[220];

---

[217] Bossuet. Sermont sur la Mort, prêché au Louvre, pour la IV semaine du Carême, le 22 mars 1662 // Bossuet. Oeuvres. Textes établis et annotés par l'abbé Velat et Yvonne Champailler. Bibliothèque de la Pléiade. 2001. p. 1073-1085. Notes et variantes p. 1532-1540 ; Lagarde A., Michard L. «XVII siècle. Les grands auteurs français du programme / Bossuet. Paris, 1970. p. 252-282 ; Ferreyrolles G., Guion B, Quantin J.-L. avec la collaboration d'Emmanuel Bury. Bossuet / Chapitre XI. Les sermons. PUPS, 2008. p. 217-229.

[218] Bord A. La mort d'Etienne // Bord A. La vie de Blaise Pascal. Une ascension spirituelle suivie d'un essai "Plotin, Montaigne, Pascal". Paris, 2000. p. 60-61.

[219] Виппер Ю. Б. Французская литература первой трети XVII века // История всемирной литературы. Том IV. Ответственный редактор Ю. Б. Виппер. М.: Наука, 1987. с. 102-112, с. 104-106.

[220] Pascal J. Consolation sur la mort d'une huguénote. Stances // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome II. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1970. p. 302-305.

2. Прозаическую: например, «Письмо к судье на смерть его отца» или «Письмо доктору Сорбонну на смерть его матери» Сен-Сирана[221].

Развитие эпистолярной культуры, требовательность авторов и читателей, общественный вкус, создали образцы жанра. Письмо Паскаля можно отнести к таковым. Слово «утешение» / «*consolation*» звучит в тексте 12 раз. Паскаль указывает на жанр «рассуждения весьма утешительного» / «*un discours bien consolatif*»[222]. Жанр письма оказывается для поэтики Паскаля основополагающим. Опираясь на «память жанра», упоминая Сенеку и Сократа, автор отказывается от античной аргументации. Для Паскаля Сенека и Сократ не убеждают в трагических обстоятельствах.

«Они пребывали в том же заблуждении, которое ослепляло всех людей изначала: они все считали смерть естественной для человека; и все их рассуждения, основанные на этой ложной посылке, столь ничтожны, что могут лишь показать своей пустотой, как слаб человек вообще, коль скоро глубочайшие произведения величайших из людей так мелки и легковесны»[223]; «не будем сокрушаться, как язычники, не имеющие надежды», «будем же думать о смерти не как язычники», «нам не следует также оставаться безутешными, подобно язычникам, не имеющих никаких благодатных чувств»[224].

---

[221] Saint-Syran. Lettre à un grand magistrat sur la mort de son père; Lettre à un docteur de Sorbonne sur la mort de sa mère // Saint-Syran. Lettres chrétiennes et spirituelles. Цит. по: Le Guern, M. Notes et variantes // Pascal Bl. Oeuvres complètes. En deux volumes. Gallimard. Bibliothèque de la Pléiade, 2000. T. II. p. 1108.

[222] Pascal Bl. Lettre de Monsieur Pascal à Monsieur Périer, son beau-frère. Au sujet de la mort de M. Pascal, son père. Oeuvres complètes. Tome II. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1970. p. 852 : «je vous commencerai ce que j'ai à dire par un discours bien consolatif à ceux qui ont assez de liberté d'esprit pour le concevoir au fort de la douleur».

[223] Паскаль Бл. Письмо. с. 410-411.

[224] Паскаль Бл. Письмо. с. 413, 416.

Паскаль складывает рассуждение de profundis круга чтения произведений Сен-Сирана, Янсения, Святого Августина. Он редко обращался к профанным произведениям. Возможно, что он не был знаком с текстами античных авторов. Цитаты из Цицерона или Сенеки заимствовались из произведений Августина, Янсениуса и Монтеня[225]. В отличие от других авторов века он представляет радикальный пример писателя, который «выметает античные риторики и смеется, при случае, над самим Августином», отдавая предпочтение единственной модели стиля — Библии[226].

«Письмо» насыщенно эмоциональностью, полно напряженного психологизма. Это движение — повод для самосознания. Паскаль не анализирует самой эмоции, самого душевного состояния, но присматривается к ним, ища утешения, как сторонний наблюдатель. Такой взгляд со стороны являет соединение лирического слова и слова остраненного, романного.

> «<…> если бы я потерял его шесть лет назад, я бы погиб; и хотя сейчас я как будто испытываю в нем потребность не столь настоятельную, я знаю, что он был бы мне необходим еще десять лет и нужен всю жизнь»,
>
> «<…> я не могу отказать вам в тех утешениях, которые еще остаются в моих мыслях и которые я молю Бога мне даровать и многажды повторить уже полученные нами от Его благодати и вновь даруемые друзьями по этому случаю», «настолько я запечатлел их в своем сердце и столько в них истинного утешения».

Письмо-комментарий к душевному состоянию превосходит долженствование приличий и риторику общих мест. Паскаль ищет утешения для себя и жаждет передать его своим близким. Утешение строится не на общих местах жанра, оно уже предполагает «теологическую и мис-

---

[225] Sellier Ph. Pascal et saint Augustin. Albin Michel, 1995. p. 181-182.

[226] Sellier Ph. Pascal et saint Augustin. Albin Michel, 1995. p. V.

тическую доктрину смерти, содержание которой выходит за пределы события, ставшего причиной его выражения». Частное становится проявлением общего. Паскаль излагает в письме «первый синтез, глубокий и богатый, своей религиозной мысли»[227], которая, выходя за пределы риторики, создает подлинно художественный текст. В нем Паскаль задается «проклятыми вопросами» о мире, о человеке и об истории. Это сочинение — «во что я верю», *Credo* Паскаля (автора биографического) и одновременно изложение идей и принципов целостной картины мира научным методом на основе различных фактов.

Композицию письма можно условно разделить на аксиоматические такты доказательства:

> 1) «Мы должны искать утешение в наших бедах не в себе самих, не в людях, ни в чем бы то ни было тварном; но в Боге. Это потому так, что все тварные создания не суть первопричина случайностей, которые мы зовем несчастьями, но провидение Божие им единственная и подлинная причина, судья и властелин; а потому несомненно, что нужно прибегать прямо к источнику и восходить к началу, чтобы получить истинное облегчение. Если мы последуем этому совету и будем рассматривать такие происшествия не как стечение случайных обстоятельств, не как роковую неизбежность природы, не как игру стихий и составляющих человека частиц (ибо Господь не отдал избранных Своих на милость прихоти и случая), но как необходимое, неотвратимое, справедливое, святое, полезное для блага Церкви и прославления имени и величия Божия следствие того, что было решено Провидением Его от века и должно быть исполнено по совершении времен в такой-то год,

---

[227] Mesnard J. Commentaire // Pascal Bl. Lettre de Monsieur Pascal à Monsieur Périer, son beau-frère. Au sujet de la mort de M. Pascal, son père. Oeuvres complètes. Tome II. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1970. p. 848.

> в такой-то день, в такой-то час, в таком-то месте, таким-то образом; если будем думать, что все случившееся было извечно предусмотрено и предопределено в Боге; если, подвигнутые благодатью, мы будем рассматривать это событие не в нем самом и вне Бога, но вне его самого и внутри воли Божией, в справедливости его приговора, в лоне Его Провидения, которое есть его истинная причина, без которого оно бы не произошло, единственно благодаря которому оно произошло, и таким образом, каким оно произошло, — то мы с благоговением поклонимся священным Его решениям, благословим поступь Его Провидения; и соединяя нашу волю с волей Самого Бога, мы желаем вместе с Ним, в Нем и для Него того, чего Он от века желал в нас и для нас»[228].

Развернутая апофатическая прелюдия, в которой автор условливается об основных положениях и определениях, о «дано», открывает доказательство. В «дано» входят «человек» / «*l'homme*», «смерть» / «*la mort*», «Бог» / «*Dieu*», «Провидение» / «*la Providence*», «благодать» / «*grâce*», «жизнь» / «*la vie*», «жертва» / «*le sacrifice*». Паскалю нужно показать и доказать, что:

> «Мы не потеряли отца в миг его смерти. Мы его потеряли, можно сказать, тогда, когда он вошел в Церковь через крещение. С тех пор он принадлежит Богу. Его жизнь была посвящена Богу: поступки его совершались в мире лишь для Бога. В смерти он совершенно расстался с грехами; и в этот миг он был принят Господом и его жертвоприношение получило свое завершение и увенчание. Итак, он сделал то, в чем дал обет: он закончил дело, которое Бог поручил ему сделать; он ис-

[228] Паскаль Бл. Письмо. с. 410. // Pascal Bl. Lettre de Monsieur Pascal à Monsieur Périer, son beau-frère. Au sujet de la mort de M. Pascal, son père. Oeuvres complètes. Tome II. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1970. p. 852-853.

полнил то единственное, ради чего был создан. Воля Божия совершилась в нем, а его воля растворилась в Боге»[229].

Это глубокая мысль Паскаля по-своему отзывается в XX веке в философии экзистенциализма, в мысли А. Камю о том, что человек получает смертный приговор в день своего рождения, не имея права на обжалование, но лишь на отсрочку.

У христианина Паскаля центральным является положение «о жизни как о жертвоприношении; и о том, что происшествия жизни должны запечатлеваться в душах христиан лишь в той мере, в какой они прерывают или совершают это жертвоприношение».

Основные идеи раскрываются противоположением, антитетическими парами. Например, человеческому знанию, всегда чреватому заблуждением, противопоставлена вера, источник света:

> «Не будем больше думать, что человек перестал жить, как подсказывает нам природа; но что он начал жить, как уверяет нас истина. Не будем думать, что душа его погибла и впала в небытие, но что она оживилась и соединилась с высшей жизнью; и так, внимая истинам, избавимся от заблуждений, глубоко в нас укоренившихся, и от ужаса, столь естественного для чело века»[230]; в сердце человека происходит постоянная борьба между любовью к себе и любовью к Богу: «Истина, открывающая тайну, состоит в том, что Бог, сотворив человека, дал ему две любви: одну к Богу, другую к себе самому; но с тем повелением, чтобы любовь к Богу была бесконечна, то есть без иного предмета, кроме Самого Бога, а любовь к самому себе конечна и соотнесена с Богом. Человек в таком состоянии не только любил себя безгрешно, но не мог не любить себя безгрешно. С тех пор свершился грех, и человек утратил первую свою любовь; а любовь к самому себе,

---

[229] Паскаль Бл. Письмо. с. 413.

[230] Паскаль Бл. Письмо. с. 413. Pascal Bl. Lettre. p. 856: «considérons donc la vie comme un sacrifice; et que les accidents de la vie ne fassent d'impression dans l'esprit des chrétiens qu'à proportion qu'ils interrompent ou qu'ils accomplissent ce sacrifice».

оставшись одна в этой великой душе, способной на бесконечную любовь, разлилась и заполнила пустоту, которую оставила после себя любовь к Богу; и так он стал любить одного себя, и любить все прочее для себя, то есть любить себя бесконечно. Вот начало себялюбия. Оно было естественно для Адама и в невинности его праведно; но оно стало неумеренным и преступным вследствие греха. Вот источник этой любви и причина ее ущербности и ее чрезмерности. И так же обстоит дело с жаждой власти, с ленью и прочим. Доказать это нетрудно»;

Страх человека перед смертью и жертвенность есть замысел Бога:

«Страх смерти естественен, но для состояния невинности: смерть и вправду ужасна, но когда она обрывает совершенно чистую жизнь. Следовало ее ненавидеть, когда она разлучает святую душу со святым телом: но ее следует любить, когда она разлучает святую душу с нечистым телом. Следовало от нее бежать, когда она нарушала мир между душой и телом; но не когда она кладет конец непримиримому спору между ними. Наконец, когда она сражала невинное тело, когда она лишала тело свободы чтить Бога, когда она разлучала с душой послушное и содействующее ее воле тело, когда она обрывала все доброе, на что человек способен, — тогда следовало ее ненавидеть; но когда она обрывает нечистую жизнь, когда она лишает тело свободы грешить, когда она освобождает душу от могучего и отвергающего все доводы к спасению бунтовщика, — тогда совершенно не следует сохранять те же чувства. Не будем же расставаться с любовью к жизни, которую внушает нам природа, потому что мы получили ее от Бога; но пусть это будет любовь к той жизни, к какой Бог нам ее и дал, а не к противоположному предмету. И принимаю любовь, которую Адам питал к своей невинной жизни и которую сам Иисус Христос питал к Своей и которая проявилась в Его отвращении к собственной смерти, научимся ненавидеть жизнь, противоположную той, какую любил Иисус

Христос, и страшиться только той смерти, какой страшился Иисус Христос, которая случается с телом, угодным Богу; но не бояться иной смерти, которая, карая тело виновное и очищая тело порочное, должна внушать нам совершенно противоположные чувства, если есть в нас хоть немного веры, надежды и любви. Это одно из великих правил христианства — что все, что случилось с Иисусом Христом, должно произойти и в душе и в теле каждого христианина; как Иисус Христос страдал во время смертной жизни, умер для этой смертной жизни, воскрес в новой жизни, вознесся на небеса и воссел одесную Отца, так тело и душа должны страдать, умереть, воскреснуть, вознестись на небеса и воссесть одесную. Все это совершается в душе во время земной жизни, но не в теле».

Антитетичность положений, почерпнутая из поэтики Библии, направлена на нахождение истины и на выражение самосознания автора, помогает достичь синтеза и цели письма — утешения.

С точки зрения духовной две темы выражены в письме с особой силой — тема Провидения и тема примера Иисуса Христа. В его свете каждое событие суть эманация и человек должен понимать свое существование как речь/язык, на котором с ним говорит Бог.

При глубине и высоте мыслей эти упоминания помогают сохранить конкретный и личный характер письма, свидетельствуя о внутренней жизни Паскаля, что добавляет в письмо повествовательности.

Общая тональность письма складывается из чтения Сен-Сирана, Янсения, а за пределами Пор-Рояля — Святого Августина. В свете этих авторов Паскаль толкует священные тексты, которыми он «мастерски играет и с которых он калькирует свой стиль»[231].

---

[231] Mesnard J. Commentaire // Blaise Pascal. Lettre de Monsieur Pascal à Monsieur Périer, son beau-frère. Au sujet de la mort de M. Pascal, son père. Oeuvres complètes. Tome II. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1970. p. 849

Влияние литературы Пор-Рояля сказывается и в обширной, как ни в каком другом произведении Паскаля, разработке темы жертвы. Возможным источником трактовки темы могут служить «Христианские и духовные письма» Сен-Сирана, изданные в 1645 году. В них вошли «письма-утешения», в которых великий наставник показывает смерть как жертву, как «образ жертвы Христа»[232].

Однако в письме Паскаля самовыражение очень глубоко и непосредственно. Стиль «Письма» — сродни «говорению сердцем» протопопа Аввакума. Лирическое «я» автора по ходу текста «переплавляется» в «образ автора-оратора»[233].

Паскаль, говоря о себе и родных, решает самые «проклятые вопросы» об устройстве мира, о смерти, о жертвоприношении и о Слове. В прозе Паскаля этот первый исповедально-биографический момент соединен с риторическим проповедническим голосом[234]. В дальнейшем, проповедническая тональность с уже дидактической силой будет звучать в письмах к мадмуазель де Роаннез[235]. Но именно письмо о смерти отца — первая ласточка авторского голоса Паскаля-писателя, «здесь познание направлено на индивидуальное», при этом «оболочка души лишена самоценности и отдана на милость и милование другого», когда «несказанное ядро души может быть отражено только в зеркале абсолютного сочувствия», «диалогичности понимания», на языке

---

[232] Mesnard J. Opus cit. p. 850.

[233] Виноградов В. В. Поэтика и риторика // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Избранные труды. М.: Наука, 1980. с. 98-175; с. 103.

[234] Бахтин М. М. Риторика в меру своей лживости // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. с. 63-70; с. 67.

[235] Pascal Bl. Lettres à Mademoiselle Rouannez. Oeuvres complètes. Tome III. Texte établi, présenté et annoté par J . Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1992. p. 996-1047.

М. М. Бахтина[236]. Так «Письмо» открывает диалогичность, снимающую трагедию смерти. Одновременно оно снимает в значительной мере и риторическую составляющую прозы Паскаля.

Кроме писем, к исповедально-литературным (литературно-теологическим) текстам, полных личного опыта, в которых звучит лирическое «я», можно отнести текст текстов Паскаля «Мемориал»[237] и великолепную по композиции и стилю «Молитву, чтобы Бог дал употребить болезни во благо»[238]. Разные по своему жанровому признаку, они соединены личностью автора и свидетельствуют о нарастании авторского самосознания.

«Письмо» на смерть отца в выстроенном ряду, по сути, первый «самоотчет-исповедь», когда личное, биографическое, становится авторским. Этот текст открывает основные темы, образы и приемы, которые будут развернуты в «Письмах к провинциалу» и в «Мыслях». В перспективе паскалевского текста оно служит моделью для рассуждения о поэтике писателя.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ПАСКАЛЯ

МАСКА. ПОРТРЕТ. ОБРАЗ

Французский XVII век экспериментирует и пытается изображать словом. Составление литературных портретов — одно из салонных развлечений века[239].

---

[236] Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х—начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. с. 7-10.

[237] Blaise Pascal. Le Mémorial. Oeuvres complètes. Tome III. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1991. p. 19-56, p. 50-51.

[238] Blaise Pascal. Prière pour le bon usage des maladies. Oeuvres complètes. Tome IV. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1992. p. 964-1012 ; p. 998-1012.

[239] Неклюдова М.С. Характер и портрет в литературной оптике классической эпохи. Лекция в ЕУСПб. 7-9 ноября 2013. www.youtube.com/watch?v=WvЗVZO_6bhs

Например, знаменитый «Портрет герцога Ларошфуко, им самим написанный»: «Я среднего роста, гибок и правильно сложен, кожа у меня смуглая, но довольно гладкая, лоб открытый, в меру высокий, глаза черные, небольшие, глубоко посаженные, брови тоже черные, густые, но хорошо очерченные. Затрудняюсь сказать, какой формы у меня нос: на мой взгляд, он не вздернутый и не орлиный, не приплюснутый и не острый, скорее великоват, нежели мал, и слегка нависает над верхней губой. У меня большой рот, не слишком толстые и не слишком тонкие губы, почти всегда красные, а зубы белые и ровные. Мне как-то сказали, что подбородок у меня тяжеловат: я нарочно посмотрелся сейчас в зеркало, хотел проверить, так ли это, но решить не смог. Лицо не то квадратное, не то овальное, — какое именно, определить не берусь. Волосы черные, от природы вьются, притом изрядно длинные и густые, так что голова у меня, можно сказать, красивая»[240]. Дублируются разные жанры живописи, и в первую очередь, жанр портрета.

Французский живописный портрет открыт влияниям и разнообразен, в соответствии с иерархическим укладом общества: портрет парадный, портрет героический, портреты великих людей; и, наконец, портрет частный. Выдающиеся художники, работающие в этот период во Франции представляют европейский контекст. Идейный контекст французского портрета, по замечанию И. А. Доронченкова, отличается влиянием неостоицизма и идее «констанции» содержания личности, которая не изменяется в зависимости от внешних обстоятельств, психологических реакций и изменений выражения лица»[241], а также эстетики Пор-Рояля. Самый убедительный пример — творчество Ф. де Шампеня.

---

[240] Ларошфуко де. Портрет герцога Ларошфуко, им самим написанный. Пер. с франц. Э. Л. Линецкой // Ларошфуко де. Мемуары. Максимы. Издание подготовили А. С. Бобович, Э. Л. Линецкая, М. В. Разумовская, Н. Я. Рыковой. Л.: Наука, 1971. с. 146.

[241] Здесь и далее: Доронченков И.А. Французский портрет XVII века: функции, изобразительная риторика, европейский контекст. Лекция в ЕУСПб. 7–9 ноября 2013 года: www.youtube.com/watch?v=OWISuuQb_wQ

Главное направление портрета XVII века — барочный портрет, основанный на эмблематическом мышлении зрителя, в основе которого принцип декорума — равновесие между должным и сущим.

При этом портрет изображает только природные недостатки, а не приобретенные, и повторяет формы устоявшиеся в испанской традиции парадного портрета: повторяемость позы, слабая вариативность, тициановская схема, сдержанность красок — влияние нидерландцев, так называемого интернационального портрета высокого стиля.

Новшества во французский портрет вносит Ф. де Шампень. С одной стороны маньеризм, который сочетается с аллегорическим инструментарием барокко, с другой стороны, французский портрет первой половины XVII века, Ф. де Шампень создает сдержанный, строгий риторический образ. Однако в знаменитом вотивном изображении дочери художника — картина Ex Voto (1662) — лаконичность и архаизация изображения «полностью истребляют риторику изображения».

Переход эстетики Пор-Рояля в жанр портрета кисти Ф. де Шампеня[242] особенно виден в «Портрете мужчины» (1650), построенного на натуралистически утонченном изображении посредством приема иллюзии тромплей *(trompe l'oeil)*. Здесь есть и барочные оппозиции живое-неживое (мужчина выглядывает из оконной рамы), при этом неживое написано как живое — каменное обрамление — метафора духовность прочности и вечности.[243]

В 1646 году из мастерской Ф. де Шампеня выходит портрет Сен-Сирана (1581–1643), духовника монастыря Пор-Рояля. Масштаб личности этого человека обычно сравнивают с размахом личности кардинала Ришелье. Портрет Сен-Сирана написан через два года после смерти. Почему? История создания этого портрета, архаичного по форме и по стилю — прецедент размышлений ученых Пор-Рояля о легитимности портрета. Пор-Рояль в принципе относился с недоверием к пластическим искусствам. Так, В «Мыслях» есть реплики,

[242] Смотри илл. на стр. 329, 330.

[243] Доронченков И.А. Opus.cit.

отвечающие на полемику внутри Пор-Рояля вокруг онтологии жанра портрета: L 260/S 291 *Un portrait porte absence et présence, plaisir et déplaisir. La réalité exclut absence et déplaisir* / Портрет несет [в себе] отсутствие и присутствие, удовольствие и неудовольствие. Действительность исключает отсутствие и неудовольствие.

Паскаль по аналогии указывает, что визуальное/живописное находится на грани перехода в язык, в слово через имя собственное портрета: L 578/S 481 *L'éloquence est une peinture de la pensée. Et ainsi ceux qui, après avoir peint, ajoutent encore, font un tableau au lieu d'un portrait*/Красноречие суть живопись мысли. И если те, кто, написав портрет [живописав] добавляет ещё, создают картину вместо портрета.

Паскаль-геометр видит, живописует и режиссирует смысл. Его слово a priori связано с изобразительностью. В «Письмах к провинциалу» есть пример, иллюстрирующий совпадение языкового и визуального знака.

Так, в «Одиннадцатом Письме к провинциалу», рассуждая о проникновении неуместных выражений относительно священных предметов, Паскаль обличает иезуитов примерами из их авторов:

> [...] «Неужели вы скажете, что та светская и кокетливая манера говорить о благочестии, которой пользуется ваш о. Лемуан в своей «Легкой набожности», способна внушить скорее уважение, чем презрение к его представлению о христианской добродетели? От всей его книги «Мораль в картинках» и в прозе и в стихах веет дух тщеславия и светских безумий. Неужели достойна священника ода VII книги, озаглавленная: «Похвала стыдливости», где доказывается, что все прекрасные вещи красны и способны краснеть? Это было написано, чтобы утешить одну даму, которую он называет Дельфиной, в том, что она часто краснела. Вот он и говорит в каждом стансе, что некоторые из наиболее ценимых вещей красны, как то: розы, гранаты, рот, язык, и в эти любезности, позорные для монаха, он дерзко осмеливается вмешивать блаженных духов,

которые предстоят пред Богом и о которых христиане должны говорить лишь с благоговением.

Эти преславные херувимы,
Составленные из головы и крыльев,
Которых Бог воспламеняет своим духом
И озаряет своими очами,
Эти прекрасные летающие лики
Всегда красны, всегда пылают
То от огня Бога, то от собственного.
И в своих взаимных пламенах
Они от жару машут своими
Крылами, как бы веером.
Но у тебя, Дельфина, румянец сияет
Еще с большей выгодой,
Когда честь на твоем лице
Одета в пурпур, как царь»

Что вы об этом скажите, отцы мои? Неужели такое предпочтение румянца Дельфины пылу этих духов, который есть не что иное, как любовь к Богу, и это сравнение веера с их таинственными крыльями кажутся вам вполне христианскими в устах, освящающих поклоняемое Тело Иисуса Христа? Я знаю, что он сказал это только для того, чтобы изобразить из себя галантного кавалера и посмеяться, но ведь это-то и называется смеяться над священными предметами»[244].

Таким образом, соотношение визуального и словесного — сложная идеологическая структура. В этом контексте светский портрет — ложное лицо, так как он фиксирует его в неподвижном, вневременном состоянии. Любой портрет трактуется как «маска смерти, так как он не может запечатлеть продолжающуюся, не завер-

[244] Паскаль Бл. Письма к провинциалу. Перевод с французского под редакцией А. И. Попова. Общая редакция О. И. Хомы. Киев: Port-Royal, 1997. с. 232-234.

шающуюся внутреннюю работу души человека над собственным образом»[245].

Подобная трактовка портретности может объяснить изображения людей из круга Пор-Рояля, чьи портреты написаны с посмертных масок, например, потрет Сен-Сирана или Паскаля.

Историю живописного изображения аббата Сен-Сирана, изложенную в «Мемуарах о жизни господина Сен-Сирана» («*Mémoires touchant la vie de M. de Saint-Cyran*») Клодом Лансло, можно назвать общим местом пор-роялевской «технологии» создания портрета. Оно заключает в себе «действительные условия художественной возможности и религиозную обоснованность»[246]. Портрет оказывается результатом двух действий. Прежде всего, создание посмертной маски. Подобная дорогостоящая, трудоемкая практика, была вызвана тем обстоятельством, что прижизненного портрета исполнено не было. Вот сохранившиеся описания Лансло:

«Несмотря на то, что господин де Сен-Сиран скончался в воскресенье, погребен он был только во вторник. Праздничный день стал причиной того, что я не смог найти ни одного из мастеровитых художников, чтобы зарисовать его <…> я запечатлел его в гипсе, и по этим слепкам, следуя мнению друзей [Сен-Сирана — К. К.], были созданы его живописные изображения, которые мы имеем…»[247].

Следующий шаг к созданию ореола святости Сен-Сирана — расчленение тела для распространения реликвий и для явления чуда в тех местах, где они будут размещены. Части тела становятся уже «мето-

---

[245] Marin L. Figurabilité du visuel: la Véronique ou la question du portrait à Port-Royal// Marin L. Pascal et Port-Royal. PUF, 1997. p. 278-279.

[246] Marin L. Masque, portrait, image: sur quelques textes du XVII siècle français // Marin L. Pascal et Port-Royal. PUF, 1997. p. 301.

[247] Lancelot Cl. Mémoires touchant à la vie de M. de Saint-Cyran. Cologne, 1738. T. I. p. 254-255. Цит. по: Marin L. Masque, portrait, image: sur quelques textes du XVII siècle français. p. 301.

нимическими» знаками святости праведника[248]. Изобразительная природа посмертной маски столь же амбивалентна, как и природа лика «Эдесса — Вероника». С одной стороны, маска — другое лицо и сокрытие лица. С другой стороны, «смерть суть маска в пределе, потому что ничего не скрывает, не прячет, не маскирует». Обнаженный образ настоящего внутреннего и одновременного уже иного потустороненного изображения лица человека таится в посмертной маске. Завершенный портрет, написанный с посмертной маски, становится моментом «воскрешения до срока» [249].

Посмертная маска суть основа для истинного портрета Сен-Сирана. Он написан в особой эстетике портретности Пор-Рояля, искавшей конвенциональный ответ о возможности сочетания визуального и языкового знака в иконографии Иисуса Христа. Амбивалентность традиции портрета — как прославление (Спас Нерукотворный) и как уничижение (Плат Вероники) Иисуса, подразумевает, что портрет человека есть спектр его собственного «я», стремящегося к отсутствию «я» в себе самом[250]. В пределе — это изображение человека и его души на пути к святости.

История создания портрета аббата Сен-Сирана повторится в истории создания изображений Паскаля.

Смерть Паскаля в 1662 году не только завершила биографию, но высветила его образ. Особую смысловую интонацию в разговор об авторе биографическом привносит история изображений Паскаля.

В ней много неясного. Она не совпадает, например, с благополучной историей иконографии Декарта[251]. Знаменитый прижизненный

---

[248] Marin L. Opus. Cit. p. 301. Смотри также: Duvergier de Hauranne J.-A. Abbé de Saint-Cyran // Le Dictionnaire de Port-Royal. p. 381-384.

[249] Marin L. Figurabilité... p. 279.

[250] Смотри илл. на стр. 331, 332.

[251] Смотри: Виппер Б.Р. Становление реализма в голландской живописи XVII века. М., 1957; Ротенберг Е.И. Западноевропейское искусство XVII века. М. Искусство 1971 г.; Лазарев В.Н. Старые европейские мастера. М., 1974;. Даниэль С. Картина классической эпохи. Проблема композиции в западноевропейской живописи XVII в. Л.,1986.

портрет (1649) кисти Франса Хальса задал традицию изображения Декарта в образе ученого, который мог свободно мыслить, который жил в стране, где наука почиталась не менее религии, ученый, который был ценен своим рациональным мышлением и знанием.

Отсюда и композиционная схема: трехчетвертной разворот, немного заниженная линия горизонта, так что Декарт воспринимается снизу вверх, светом выхваченное лицо, при затенённой остальной фигуре, снятая шляпа, которая позволяет показать утонченные пальцы аристократа разума и духа. Этот мотив подхватывает и его выражение лица, смотрящего и не смотрящего на человека одновременно. Образ цельный, замкнутый в самом себе, образ строгий и жесткий — вот он тип ученого Нового времени[252].

Известно, что Паскаль и Декарт встречались дважды. В 1647 году, когда Декарт, во время приезда во Францию, пожелал видеть Паскаля. Произошли встречи 23 сентября и 24 сентября. Речь шла о природе пространства. Результат — трактат Паскаля 1647 года «Новые опыты, касающиеся пустоты».

Декарт и Паскаль современники, оба суть основатели классической науки Нового времени. Однако аутентичные изображения Паскаля доносят до нас образ, в котором почти отсутствует рациональное начало, что столь ярко проявляется в образе Декарта. Одним из объяснений данному образному решению могут послужить слова Декарта из «Рассуждения о методе»:

> «Я благоговел перед нашим богословием и не менее всякого другого чаял достичь царства небесного, но, узнав достоверно, что людям невежественным путь туда открыт не в меньшей мере, чем людям ученым, и что истины, познаваемые путем откровения, выше нашего разумения, я не осмелился сделать их предметом моих слабых суждений и полагал, что

[252] Работа Ф. Хальса положила начало тиражированию такого типа, т. е. такой иконографии, для которой немало сделал впоследствии Рембрандт.

для успешного их исследования нужно иметь некое сверхъестественное содействие неба и быть более, чем человеком»[253].

«Сверхъестественное содействие неба», о котором рассуждает Декарт, уловимо в истории изображений Паскаля.

Сохранились три аутентичных изображения Паскаля: 1) посмертная маска; 2) портрет кисти Франсуа II Кенеля. 3) знаменитый рисунок сангиной, выполненный Жаном Дома[254]. Основой традиции изображения Паскаля стала его посмертная маска. Ни один из портретов Паскаля не был написан раньше этой маски.

Великолепная маска, известная всем поклонникам Паскаля, была открыта лишь во второй половине XIX века.

Позднее обретение произведения утратило имя скульптора, сделавшего ее, имена владельцев и хранителей. Известно, что она передавалась как реликвия в кругу приверженцев духа Пор-Рояля и попала в семью Огюстена Газье, коллекционера и выдающегося знатока XVII века. Вокруг истории обретения маски много неясного. В частности, любопытно, что Перье, столь трепетно относившиеся к наследию Паскаля, не внесли маску в общий архив, не проявили должного, с современной точки зрения, внимания к этому произведению. Тем более, вопросительно, что если с лица Паскаля была сделана посмертная маска, то, бесспорно, по желанию Перье для сохранения воспоминания о любимом человеке. Дело в том, как поясняет академик Менар, что «маска не была целью, но средством» и была необходима не для сохранения изображения Паскаля, а для того, чтобы стать моделью для художника[255].

---

[253] Декарт Р. Рассуждение о методе. Пер. с лат. В. В. Соколова // Декарт Р. Сочинения. СПб.: Наука. 2006. с. 96. Descartes R. Discours de la méthode. Présentation, notes, dossier, bibliographie et chronologie par L. Renault. P., 2000. p. 37.

[254] Mesnard J. L'iconographie pascalienne // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J . Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1964. p. 399- 419. p. 400.

[255] Mesnard J. Opus. Cit. p. 403. Смотри илл. на стр. 333.

Перье заказали портрет Франсуа II Кенелю, художнику малоизвестному, но выходцу из благочестивого рода знаменитых живописцев Кенелей. То, что родственники заказали портрет человеку набожному, удалившемуся в конце своей жизни в семинарию ораторианцев, уже свидетельствует об определенном взгляде на образ Паскаля. Действительно, портрет кисти Франсуа II Кенеля, был написан с посмертной маски. Не смотря на бесспорность атрибуции, точность изображения деформирована. «Погребальное убранство и условия, в которых делался муляж, внесли характерные изменения в изображение: ввалившиеся щеки, измененный объем подбородка, выступающие костные части, [сильно] заостренный нос»[256]. Работая над портретом, Кенель сгладил деформации, придал лицу живость и выражение, о чем говорит цвет глаз и волос, знания о которых были почерпнуты из свидетельств родных и из возможных личных воспоминаний художника. Все это делает портрет его кисти подлинным изображением Паскаля.

Это единственный портрет, который происходит из «семейной традиции». С этой точки зрения он представляет большую ценность. Но главная его ценность состоит в том, что художник создал образ «более, чем человека». В классической для XVII столетия схеме трехчетвертного изображения с привычным приемом свето-теневого контраста создается образ просветленного человека, весьма живого, сотканного из плоти и крови, но не материального по природе своей. Сравнивая с эмоционально-сложным изображением Декарта, видно, что в портрете Паскаля почти отсутствует эмоциональная наполненность, но явна наполненность духовная. Это связано с тем, что портрет Декарта натурный, а портрет Паскаля выполнен с посмертной маски, то есть заведомо иконичен. Однако это и свиде-

---

[256] Moussalli U. Le vrai visage de Blaise Pascal. Цит. по: Mesnard J. L'iconographie pascalienne // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. « Desclée de Brouwer », 1964. p. 399-419. p. 404. Смотри илл. на стр. 334.

тельство разного взгляда современников на двух ученых: от Декарта ждут ответов на насущные вопросы, от Паскаля — на вечные «проклятые вопросы» бытия.

Идею подхватывает и усиливает рисунок сангиной, выполненный Жаном Дома (1625–1696). Земляк Паскаля, ставший выдающимся юристом и ученым, был его ближайшим другом[257]. Портрет Дома был опубликован впервые в 1681 году, то есть через девятнадцать лет после смерти Паскаля. Среди биографов встает вопрос о том, рисовался ли портрет с натуры или является копией другого неизвестного изображения. Сама техника рисунка сангиной позволяет говорить, что время создания портрета — вторая половина XVII века, когда сангина вошла в моду. Вероятнее всего, Дома выполнил рисунок с картины Кенеля, где Паскаль изображен, казалось бы, молодым. Но кажущаяся молодость происходит по причине любительской руки. Все физиогномические особенности для автора, близко знавшего Паскаля, мало важны. Он лишен живоподобия. Самым важным для Дома были глаза. В них отражена просветленность, сила духа, кротость и молитвенный огонь, запечатленный в тексте «Мемориала». На идею образа повлияли не только дружеские чувства, но и произведения Паскаля, в частности, уже напечатанные в 1670 году «Мысли». В рисунке Дома образ Паскаля становится иконичным. Поэтому неслучайно чаще всего издания произведений словесности Паскаля предваряют именно этим образом. В дальнейшем последовали воспроизведения портрета Паскаля разными художниками и граверами. Перспектива изображения в иконографии Паскаля имеет отклик в перспективе авторского

---

[257] О биографии Ж. Дома смотри прекрасные заметки родственника Паскаля отца Герье: Guerrier P. Mémoire pour servir à l'histoire de la vie de M. Domat, avocat du Roi au Président de Clermont // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1964. p. 1158-1164. Смотри илл. на стр. 335.

слова/взгляда и в архитектонике главного произведения Паскаля «Мысли», а именно в переходе от видимого к невидимому, так же как и в характеристиках времени и пространства, рассыпанных в «Мыслях».

Любопытство публики, что желает знать лица знаменитых людей, должно было сыграть свою роль. Не обошлось без анекдотов, легенд и фальсификаций. С ростом славы Паскаля с конца XVII века, распространившиеся копии с портрета кисти Кенеля для большей убедительности и для симметрии личностей изображенного и изобразившего приписывали значительным художникам, например, сочувствующему Пор-Роялю великому Филиппу де Шампеню. Вопреки обстоятельствам и времени, все же сохранились «элементы достаточной иконографии» искусного писателя[258]. Важно упомянуть об истории мраморных досок с эпитафиями из церкви Сент-Этьен-дю-Мон, где находятся останки Паскаля и Расина. В период французской революции 1789 года власти хотели перенести прах обоих великих граждан в Пантеон, поэтому сняли доски и отправили их в музей для подготовки к переносу останков. Но вернули на место из музея, где они хранились до середины XIX века[259].

Как видно, в истории живописного образа Паскаля есть житийные мотивы. Портрет, написанный с посмертной маски в соединении с обычной для XVII века истории об изображении, а также имя

---

[258] Смотри: Moussalli U. L'iconographie de Blaise Pascal. 1957.; Album «Pascal», iconographie réunie et commentée par Bernard Dorival. Bibliothèque de la Pléiade. Paris, 1978; О совпадении визуального и словесного в поэтике писателей XVII века смотри, например, Planche M.-C. De l'iconographie racinienne, dessiner et peindre les passions. 2011.

[259] Mesnard J. L'iconographie pascalienne // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Tome I. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1964. p. 399- 419.

«Блез» («Blaise»/«Власий»), бытовавшее в анналах семьи в соотнесении с поэтикой имени святого Власия, могут также свидетельствовать об агиографическом моменте, а иконография, этот момент «воскрешения до срока», может послужить для понимания канвы жизни Блеза Паскаля[260].

---

[260] Тема житийной взаимосвязи маски, портрета и образа была важна для литературы круга Пор-Рояля. Смотри: Marin L. Masque, portrait, image: sur quelques textes du XVII siècle français // Marin L. Pascal et Port-Royal. Recueil établi par Alain Cantillon avec la collaboration de D. Arasse, G. Careri, D. Cohn, P. -A. Fabre, F. Marin. PUF, 1997. p. 284-304.

ГЛАВА 3

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА В «ПИСЬМАХ К ПРОВИНЦИАЛУ»

Написанные по случаю теологического и литературного спора, «Письма к провинциалу» крепко связаны с контекстом идей XVII столетия. История литературы ставит их в один ряд с шедеврами полемических жанров эпохи Возрождения и Нового времени: с книгой «О царедворце» Бальтасара Кастильоне, с антилютеровским трактатом «Диатриба, или Рассуждение о свободе воли» Эразма Роттердамского и с памфлетами Джона Мильтона. Литература подобного рода отсылает к интеллектуальным спорам, к богатейшей традиции «disputatio», к диалогу в формально-содержательном смысле, который вкладывал в это понятие М. М. Бахтин[261]. В связи с этим термин «диалогическая поэтика» здесь имеет не формальный смысл.

«Письма, написанные Луи де Монтальтом к провинциалу, одному из друзей, и к Преподобным отцам иезуитам на тему морали и тему политики этих Отцов»/«Провинциалии», «Малые письма» (*Les Provinciales ou les lettres escrites par Louis de Montalte à un provincial de ses amis, et aux RR. [révérends] PP. [pères] jésuites: sur le sujet de la morale, et de la politique de ces Pères / Petites Lettres* (1656–1657) занимают особое место в творчестве Паскаля.

---

[261] Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: 1986. с. 320-325.

Для определения значения «Писем к Провинциалу» необходимо обратиться к трем вопросам: к понятию «янсенизм», к истории монастыря Пор-Рояль, к характеристике «Писем» в единстве их тематики, жанра и стиля.

ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ СПОР ВЕКА: ИЕЗУИТЫ И «ЯНСЕНИСТЫ»

Орден иезуитов был основан в 1534 году, когда Игнатий Лойола и шестеро его товарищей дали торжественный обет вести миссионерскую деятельность в защиту христианства против мусульман. Встреча с папой в Риме шесть лет спустя в 1540 году завершилась буллой, после которой появилась «дружина Иисуса», члены которой кроме трех обычных монашеских обетов — бедности, целомудрия и послушания — дали обет во всем повиноваться папе.

Засекреченное среди других монашеских орденов, Общество иезуитов отличалось жесткой организацией и жесткой дисциплиной. Неограниченные права в сфере проповеди и исповеди сделали «дружину Иисуса» непобедимой среди других монашеских орденов, а освобождение от налогов и денежных повинностей только в одном перечислении заняло 144 столбца[262].

Утверждение, что иезуиты не принадлежат ни к черному, ни к белому духовенству, сделало их независимыми ни от светских, ни от церковных властей. Кроме финансовых благ, иезуиты получили мощную политическую поддержку со стороны папского Рима. Особенно опасной в деятельности иезуитов была их хитрая политика возможной сделки между благодатью и порочной природой человека, что не устраивало людей, стремящихся к чистоте, а не к религиозному компромиссу. В числе сопротивляющихся нововведениям иезуитов

---

[262] Тарасов Б. Н. Борьба с иезуитами // Тарасов Б. Н. Мыслящий тростник. М., 2009. с. 145-147.

оказались сторонники епископа Янсения, которые пытались защитить его книгу «Августин». Реакция иезуитов оказалась быстрой и решительной. Поддержанные папской буллой, они опубликовали анонимный альманах «Разгром и смятение янсенистов», в котором «Янсений на дьявольских крыльях улетал в объятия Кальвина»[263].

Разговор о «янсенизме» заходит всякий раз, когда начинают размышлять о европейской истории и литературе XVII–XVIII столетий. Сразу вспоминаются готовые определения. Но по ходу рассуждения формулы, отшлифованные тремя столетиями, оказываются недостаточными, возникает сомнение в их адекватности и глубине. Остаются вопросы: как называли себя сами сторонники идей Янсения? Какую позицию они заняли по мере развертывания полемики и возникшего противостояния с властью? Являлся ли монастырь Пор-Рояль цитаделью «янсенизма», или это мнение его противников? Какое место в теологических поединках века занимал Паскаль-писатель?

В начале XX века, по остроумному и проницательному замечанию Огюстена Газье, автора фундаментального исследования «История янсенистского движения от истоков до наших дней» («*Histoire générale du mouvement janséniste depuis ses origines jusqu'à nos jours*»), французский ребенок, изучивший катехизис, на вопрос: «Что такое янсенизм?» уверенно отвечал, что «это современная ересь, одна из самых коварных ересей, провозглашенная в середине XVII века фламандским епископом Янсеном, Jansenius на латыни. Возможно, если он хорошо подкован в истории Церкви добавлял, что этот Янсен хотел разрушить католическую веру и навязать ей самый настоящий деизм. Ему помогали два французских священника. Одного из сообщников звали Дю Вержье де Оран, аббат Сен-Сиран, другого — Антуан Арно, который был доктором Сорбонны»[264].

---

[263] Там же с. 153.

[264] Gazier A. Histoire générale du mouvement janséniste depuis des origines jusqu'à nos jours. Paris. Librairie Ancienne Honoré Champion. Tome I. 1923. p. 1-2.

Вхождение во французский язык слов: «*jansénisme*», («янсенизм») (1650); «*janséniste*» («янсенист», «янсенистский») (1656, Pascal); последующих его вариаций «*jansénien, ienne*» («янсенистский») (1752, Trévoux); «*jansénistique*» («янсенистичный, -но»); «*janséniquement*» («янсенистски») (1872, Gautier); «*janséniser*» («янсенистовать»), «*jansénisant, ante*» («янсенистующий»), «*jansénisation*» («янсенизация») (к 1920, Bremond),[265] связано с вполне уже определенным исследователями истории идей, периодом в истории Церкви и литературоведами в европейской культуре — с 1640 по 1713 гг. [266].

Две границы имеют объяснение: 1640 год — дата выхода в свет труда епископа Ипрского Корнелия Янсена (Jansénius, 1585—1638)[267] «Августин, или Учение святого Августина о здравии, недуге и врачевании человеческой природы, против пелагиан и массилийцев» («AUGUSTINUS *Cornelii Jansenii Episcopi, Seu doctrina Sancti Augustini de humana natura sanitare, agritudine, medicina, adversus Pelagianos & Massilienses tribus Tomis comprehensa*»)[268].

Труд был издан на латинском языке первый раз в Лувене, второе издание — в Париже в 1642 году, третье — в Руане в 1652

---

[265] Dictionnaire historique de la langue française. Sous la direction de Alain Rey. Tome II. F-Pr. Le Robert. 2006. p. 1902-1903.

[266] Данные хронологические границы предложены Филиппом Селье в программной статье «Что такое янсенизм (1640-1713)?». Sellier Ph. Qu'est-ce que le jansénisme (1640-1713)? // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature II. Le siècle de saint Augustin, La Rochefoucauld, Mme de Lafayette, Sacy, Racine. Paris. Honoré Champion Editeur. 2000. p. 43-76.

[267] Смотри: Schmitz du Moulin H. Jansénius, Cornelis Janssen, dit Cornélius // Dictionnaire de Port-Royal. p. 539-542.

[268] Смотри: Dominique de Colonia. Dictionnaire des livres jansénistes ou qui favorisent le jansénisme. Bruxelles, 1761. Slatkine Reprint. Genève, 1968. p. 42-45; Русский перевод названия приводится по статье Ю. А. Гинзбург «Мысли о главном» // Паскаль Бл. Мысли. Пер. с франц. Ю. А. Гинзбург. М.: Издательство имени Сабашниковых. 1996. с. 13.

году. Труд Янсения состоял из большого тома форматом in-folio объемом более 1100 страниц, напечатанных в две колонки общим числом 2700, со сложным аппаратом комментариев и был предназначен для высокопрофессиональных теологов. «Августин» не был переведен на французский язык. Невозможность быстрого прочтения труда явилась одновременно препятствием к ясному толкованию, основанием спора и трудностью его разрешения [269].

Есть еще один момент теологического спора, развернувшегося в Сорбонне и переросшего в гражданское противостояние: дело в том, что Корнелий Янсен написал трактат «Mars Gallicus» (1635), в котором выступил против политики кардинала Ришелье, направленной на сближение католической Франции с протестантскими государствами в ходе Тридцатилетней войны (1618—1648), в частности, против завоевания Нидерландов. В глубине своей спор вокруг Янсения был выступлением против злоупотреблений в Церкви, политического папства, клерикализма и в какой-то мере против духовного абсолютизма.

Вторая дата — 8 сентября 1713, уступая давлению Людовика XIV, папа Климент XI, издал буллу или конституцию, *Unigenitus Dei Filius*, осудившую 101 положение, изъятые из книги «Моральные размышления» (1699) отца Кеснеля, сторонник великого Арно. Этот текст явился окончательным осуждением августиновского учения о благодати, а также утвердил главенство Рима над национальными Церквями[270]. Это вызывало волнения и разногласия внутри французской Церкви на протяжении всего XVIII века, породившие в свою очередь так называемый политический «янсенизм».

---

[269] Cognet L. “Les Provinciales” et l’histoire” // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D’après l’édition de Louis Cognet pour “Les Provinciales”. La Pochothèque. Paris, 2004. p. 170.

[270] Journal de la France et des français. Chronologie politique, culturelle et religieuse de Clovis à 2000. Gallimard, 2001. p. 894.

Во Франции XVII века в ходе латинской теологической полемики, пропитанной политическим привкусом, родилось поименование всех, кто одобрительно отнесся к труду Янсения «Августин», «янсениствующие», «янсенистские»/«*janséniens*» или «янсенисты»/«*jansénistes*».

Эти слова были брошены противниками (иезуитами, доминиканцами, фейянами) в сторону французских ревнителей благочестия, многие из которых сочувствовали или имели духовное отношение к монастырю Пор-Рояль.

Закрепление существительного и прилагательного «янсенист» и «янсенистский», выраженных во французском языке одним словом «*janséniste*», словарные описания связывают с «Письмами к провинциалу» (1656) Паскаля [271].

Во фрагменте из письма М-м де Севинье к М-м де Гриньян от 9 июля 1680 года, в день Святой Троицы, выражен иной взгляд на положение вещей: «У иезуитов есть фантом, называемый ими Янсениус, на которого они обрушивают тысячи оскорблений; похоже, что они не понимают, куда это восходит».

По мнению автора письма «это восходит к Святому Августину и к Святому Павлу. <…> Именно Святой Августин научил меня всему этому [присутствию Святого Духа в душе]. Я нахожу его очень янсенистом, и Святого Павла тоже». Получается, что можно было говорить о «ереси без еретиков», и шутить, называя «янсенистом» «католика, который не любит иезуитов»[272].

---

[271] Dictionnaire culturel en langue française. Sous la direction de Alain Rey, direction éditorale Danièle Morvan. Dictionnaires Le Robert. Paris, 2005. En 4 volumes. T. II. p. 2149. Паскаль Бл. Письма к провинциалу. Пер. с франц. под ред. А. И. Попова. Составление А. А. Жаровского. Общая редакция, комментарии, перевод вступительной статьи и дополнений О. И. Хомы. Киев: Port-Royal, 1997. «Письмо семнадцатое». с. 350.

[272] Sellier Ph. Opus.cit. p. 44-45.

«Янсенизм»/«янсенисты» требует терминологической «гигиены», ибо, по строгому замечанию Селье, корректно было бы использовать определение «Пор-Рояль» или «группа Пор-Рояля», прежде всего, в силу его нейтральности и положительной интонации, и потому, что оно также подразумевает всех тех, кто был близок к монастырю в период с 1609 по 1709 гг., то есть о приверженцах духовности Пор-Рояля задолго до издания «Августина» Янсениуса в 1640 году. Большинство сочувствующих монастырю не обязательно были сторонниками концепции действенной благодати Августина и не обязательно входили в число «избранных».

«Янсенизм», относимый строго к Пор-Роялю, то есть сумма положений о теологии божественной благодати, отразивший, начиная с 1640 года, долгий кризис, вызванный «лютеровским шоком», завершается со смертью великого Арно в 1694 году, и, окончательно, физическим уничтожением монастыря в 1709—1711 гг. по приказу короля Людовика XIV.

Что касается общецерковных теологических сражений, то ударом молнии, иссекшей совершенно иное понимание «янсенизма», стала уже упомянутая булла «Unigenitus» от 1713 года. Отныне речь шла о провозглашении «янсенизма», связанного с экклесиологией и с нарождающимися политическими концепциями»[273].

Показательно, что в XVII веке слово «янсенист» в качестве собственной характеристики не звучало из уст сторонников Пор-Рояля. «Янсенизм» можно назвать торопливо сфабрикованным мифом, необходимым для утверждения доктринального каркаса абсолютной монархии, замешанной на цезарепапизме[274].

---

[273] Sellier Ph. Qu'est-ce que le jansénisme (1640-1713)? // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. Le siècle de Saint-Augustin, La Rochefoucault, Mme de Lafayette, Sacy, Racine. T. II. Champion, 2000. p. 43-76.

[274] Кутузов В. П. Никоно-алексеевская «реформа» - осуществление давнего плана Ватикана // Кутузов В. П. Церковная «реформа» XVII века. М., 2003. с. 56-72.

Большинство людей, обвинённых в «янсенизме» — кавычки здесь уже вполне понятны — называли себя отнюдь не «янсенистами», а просто «учениками Святого Августина», вдохновленными первыми веками христианства, примером отшельников и питавших свою веру радикализмом Евангелия.

Итак, «янсенизм»/«янсенист» — категория, не имевшая и не имеющая достаточно доктринальной основы, трудноуловимое понятие со спекулятивным и политическим привкусом.

Тем не менее, словари французского языка XVII века (1680, Richelet) настаивают на соотнесении значения слова «янсенизм», прежде всего, с доктринальными спорами столетия о предопределении и о благодати и со сторонниками этого взгляда. В качестве синонимов описания указываются слова «*augustinisme*» («августинизм»), «*augustinien*» («августинский»). Подобная синонимия заставляет усомниться в существовании доктринальной обособленности «янсенизма» как такового.

Появление оттенков смысла живо уловимо в словах из повседневного обихода XVII-XVIII вв.:

1. Церковного — «Янсенистское распятие Христа. Христос на кресте, руки которого расположены почти вертикально» *(«Christ crucifix janséniste. Christ en croix representé les bras presque à la verticale»)*[275]; или Христос «с руками, распростертыми вертикально, что символизирует малое число избранных» *(«au bras redressés verticalement pour symboliser le petit nombre des élus»)*[276].

Однако стоит отметить, что распятия с вертикальными (или стремящимися к вертикальному расположению руками) начи-

---

[275] Dictionnaire de la langue française. Tom V. Grim-Lil. Le Grand Robert. Paris, 1985. p. 787-788.

[276] Emile Littré. Dictionnaire de la langue française. Abrégé par A. Beaujean. Ed. Universitaire. 1958. p. 645.

нают появляться в период поздней готики. Возможно, что это связано с проникновением в искусство натуралистических исканий — желание изображать все как можно более правдиво, приближено к натуре. Согласно правде жизни, распятое на кресте тело обвиснет, и руки, естественно, вытянутся вверх. Натурализм готики, который ограничен средневековой эстетикой, будет развиваться в эпоху Возрождения и в ее рамках под воздействием античных идеалов переплавится в реалистические поиски, которые будут свойственны со своими ньюансами последующим эпохам — вплоть до импрессионизма. Подобное изображение Распятия глубже выражает напряжение религиозного чувства и искренность веры.

«Янсенистское» распятие — наглядный пример синтеза общехристианского напряжения искусства XVII века, барокко, и строго французского благочестия, названного «янсенизмом» и/или «янсенистским». Получается, что прилагательное «*janséniste*»/ «янсенистский» является оценочным откликом на строгость и бескомпромиссность сторонников благочестия с центром в монастыре Пор-Рояль. Так «янсенист» стало синонимом слова «*austère*» («суровый», «строгий»).

2. Технического, из культуры создания книги: в классическую эпоху переплет будет «янсенистским» («*une reliure 'janséniste'*»), если выполнен в строгом, без украшений, стиле[277]. Принято считать, что первое издание «Мыслей» Паскаля 1669 года вышло именно в таком переплете[278].

---

[277] Dictionnaire de la langue française . Tom V. Grim-Lil. Le Grand Robert. Paris, 1985. p. 787-788.

[278] Dictionnaire culturel en langue française. Sous la direction de Alain Rey, direction éditorale Danièle Morvan. Dictionnaires Le Robert. Paris, 2005. En 4 volumes. T. II. p. 2149.

И так в других сферах жизни: от характеристики семьи «янсенистская семейная среда» («*un milieu familial janséniste*») до «янсенистского образования» («*une éducation janséniste*») и моды: юбка станет «янсенистской» («*une jupe 'janséniste'*»), если она менее просторна, широка или свободна в покрое, чем та, которую принято носить в XVII веке; или же перчатка без пальцев — митенка будет «янсенистской» («*mitaine 'janséniste'*») [279].

Вырисовывается карикатура на благочестивых, складывается своего рода мифология «янсенизма».

Расширение смысла существительного «jansénisme» и прилагательного «janséniste» движется в сторону переносного значения, что стабилизировано в классическом словаре Фюретьера от 1690 года: «янсенист» — «человек, который выказывает предельный ригоризм в суждениях и взглядах»[280], в направлении выражения морального смысла «строгости и непреклонности», подразумевающего уже «пуританизм», увеличивая при этом терминологическую наполненность слова.

К концу XVII века появляются формулы «*parti janséniste*» / «янсенистская партия и «*l'esprit janséniste*» / «янсенистский дух»[281]. Рефлексия «янсенизма» как политического течения,

---

[279] Grand Larousse de la langue française en sept volumes. T. IV «Ind-Ny». Librairie Larousse, 1975. Sous la direction de L. Guilbert R. Lagane, G. Niobey... p. 2840. Смотри: Nouveau dictionnaire pratique Quillet. Tome II. Det-K. Librairie Aristide Quillet. Paris, 1974. p. 1456-1457. Прорывается и куртуазно-ироничная тональность, как, например, в выражении «janséniste de l'amour» («янсенист (в) любви») (Saint-Evremond, до 1703 года). Смотри: Grand Larousse de la langue française en sept volumes. T. IV «Ind-Ny». Librairie Larousse, 1975. Sous la direction de L. Guilbert R. Lagane, G. Niobey. p. 2840.

[280] Dictionnaire culturel en langue française. Sous la direction de Alain Rey, direction éditorale Danièle Morvan. Dictionnaires Le Robert. Paris, 2005. En 4 volumes. T. II. p. 2149.

[281] Dictionnaire culturel en langue française. Sous la direction de Alain Rey, direction éditorale Danièle Morvan. Dictionnaires Le Robert. Paris, 2005. En 4 volumes. T. II. p. 2149.

многих «янсенистов» как сторонников Фронды, ставивших под сомнение природу власти короля и устои монархии, происходит уже в конце XVIII и начале XIX вв. Однако история Формуляра, полемики вокруг булл папского Рима, история церковного мира внутри Франции, опровергают утверждение. Важно подчеркнуть, что в словарных описаниях политический концепт «янсенизм» противопоставлен понятию «иезуит»[282]. Постепенно политический «янсенизм» сплелся с галликанизмом, отстаивая национальные интересы Франции перед лицом Рима и Европы. Противостояние благочестия и монархии закончилось в пользу последней. Сторонники «янсенизма» вынуждены были покинуть страну после начала репрессий со стороны государства. Так «янсенизм» распространился в Италию и в Голландию, став основой для диссидентской (с точки зрения официального Рима) церкви Утрехта (1724), существующей до сих пор и слившейся со старокатоликами.

Однако раскольнический пафос не был свойственен сторонникам французского благочестия. Ими руководили скорее поиск живой веры и справедливости. Как политическая оппозиция «янсенизм» начинает терять острое напряжение с 1764 года после запрета ордена иезуитов во Франции.

Освоение «янсенистского духа» в XIX и XX веками, когда доктринальные споры осели в запасниках истории Церкви и углубилось расхождение Церкви и государства, происходит в социальном и эстетическом ракурсах. При этом духовное и моральное влияния традиции благочестия остаются чувствительными во Франции до конца первого десятилетия XX века. Возможно, пре-

---

[282] Dictionnaire historique de la langue française. Sous la direction de Alain Rey. Tome II. F-Pr. Le Robert. 2006. p. 1903.

рывание традиции связано и с окончательным отделением Церкви от государства (1905 г.).

«Янсенизм» по-прежнему «строгая и аскетическая мораль» с синонимичным звучанием «пуританизм», а теологические понятия переведены в сферу эстетики и культуры: «янсенизм» суть страстный «ригоризм в эстетических вопросах искусства и литературы», а также способ выражения, даже стиль[283]: «<…> эти янсенисты живописи и поэзии, эти Дега, эти Малларме, что жили лишь для объединения и совершенствования, один — формы, другой — какой-то системы слов <…>» (Валери. «Дега, Танец, Рисунок»)[284].

«Янсенизм» становится традицией, неким общим местом, константой культуры. Показательна в этом отношении характеристика французского менталитета, данная Франсуа Мориаком в «Новых Блокнотах»: «< … > наш политический янсенизм, наша суровая нетерпимость, которая все разрушила…» («< … > *notre jansénisme politique, notre rigueur intolérante qui a tout détruit*»)[285]. Писатель намекает на трагические события французской буржуазной революции 1789 года и на роль политического «янсенизма» в разрушении «старого режима». Мориак, неизменный сторонник паскалевской традиции, видит ее продолжение и в XX веке.

Получается, что в общепринятой традиции: «янсенизм», «янсенист» выросли в XVII столетии из контекста теологических споров о благодати; вокруг них складывается мифология, паро-

---

[283] Dictionnaire culturel en langue française. Sous la direction de Alain Rey, direction éditorale Danièle Morvan. Dictionnaires Le Robert. Paris, 2005. En 4 volumes. T. II. p. 2149.

[284] Ibid.: p. 2149

[285] Dictionnaire de la langue française . Tom V. Grim-Lil. Le Grand Robert. Paris, 1985. p. 787-788.

дирующая благочестие и суровость в вопросах веры и светской жизни. То, что названо «янсенизмом» суть строгий августинизм, следующий духу Евангелия, создавший духовным напряжением сторонников Пор-Рояля определенный национальный потенциал Франции; соотнесены с кальвинизмом и с пуританизмом, что является некоторым упрощением, необходимым, возможно, для объяснения явления через аналогию, что порой еще больше запутывает и уводит в сторону от сути вопроса; наконец, «янсенисткий дух» был эстетизирован в литературе XIX–XX вв. через призму галликанистских взглядов.

Тем не менее, характеристики и оттенки значений слов несут отпечатки духа эпохи. Пренебрегать их бытованием было бы неверным.

Что же делать с этим словом и/или понятием, о котором столько сказано и написано? Какую точку зрения принять, чтобы не впасть в очередную уже литературоведческую «ересь»? Или вовсе не использовать этого слова, как предлагал великий Арно?

Выход из путаницы был намечен в предисловии Сент-Бёва к фундаментальному труду «Пор-Рояль» («*Port-Royal*») (1840). Автор, отграничивая теологию и литературу, теологию и историю духа, пишет, что Пор-Рояль и янсенизм суть не одно и то же.

> «<…> Янсенизм, происходящий от имени Янсения и его объемной книги «Августин», явление, прежде всего, теологическое; где на первом плане была школа, Сорбонна, коллеж, диссертации Лувена, обвинительные речи перед Советом Брабанта, конгрегации, проходившие в Риме, наконец, осложнение установленной дипломатии и схоластической брани <…>».
>
> Пор-Рояль, к счастью, суть иное, чем этот ученый спор, хотя они часто, слишком часто пересекаются, <…> оказываясь в дыму и в пламени… Тем не менее, несмотря ни на что, в Пор-Рояле были монастырь (клуатр), алтарь, келья и окно для подаяний, христианский уклад жизни и внутренняя непре-

клонность некоторых душ…<…> именно на этом мы стоим и от этого отталкиваемся…»[286].

При жизни Паскаля Пор-Рояль-в-Полях и его парижское подворье Пор-Рояль являлись оплотом французского национального благочестия, осью филологической науки и «наиважнейшим литературным центром Франции»[287]. Монастырь Пор-Рояль-в-Полях основан в XII веке в эпоху Филиппа II Августа. По легенде он обрел свое название «Port-Royal»/ («Королевские врата»), когда монастырская обитель открыла двери королю, заблудившемуся на охоте. Новую историю монастырь Пор-Рояль начинает с 1602 года. (До публикации труда Янсения и возникшего после нее спора еще 38 лет) с того момента, когда Анжелика Арно (*la Mère Angélique Arnauld*, (1591—1661)) становится настоятельницей Пор-Рояля и проводит реформу монастыря.

Сторонники Пор-Рояля, люди выдающиеся и прекрасно образованные, создали богатую эпистолярную, мемуарную, моралистическую, апологетическую и ораторскую прозу XVII столетия, обширной переводческой деятельностью способствовали формированию литературного французского языка. Газье «не без основания заметил, что тот, кто не знает литературы Пор-Рояля, не знает литературы XVII века»[288].

В религиозную борьбу Пор-Рояль оказался втянутым через споры вокруг «Августина» Янсениуса и позицию великого Арно (младшего брата настоятельницы). История монастыря прерыва-

---

[286] Sainte-Beuve. Port-Royal. Texte présenté et annoté par Maxime Leroy. En III volumes. Volume I. Bibliothèque de la Pléiade. 1953. p. 114-115.

[287] Коцюбинский С. Д. Прозаики классицизма // История французской литературы. С древнейших времен до революции 1789 года. Т. I. Под ред. проф. И. И. Анисимова, проф. С. С. Мокульского, проф. А. А. Смирнова. М. -Л.: Академия наук СССР. 1946. с. 440-442.

[288] Там же, с. 440.

ется 29 октября 1709 года, когда Людовик XIV своим приказом предписал беспощадную высылку 17 последних монахинь, оставшихся в Пор-Рояле-в-Полях, и их рассеивание в разных монастырях королевства[289].

Думается, что мнению Сент-Бёва созвучен обстоятельный и концептуальный анализ слова «янсенизм» Ж. Орсибаля в программной статье «*Qu'est-ce que le jansénisme?*» («Что такое «янсенизм»?»)[290].

Разбирая слово «jansénisme» с исторической и теологической точек зрения, ученый заключает, что тенденции освоения слова «янсенизм» носили особенно выраженный психологический характер. Затем они переплавились в социальные явления и именно это — особенно противостояние с иезуитами — объясняет, почему слово осталось в обиходе, тогда как разные идеи, первоначально связанные с ним, исчезли одна за другой.

«В философских терминах янсенизм явился лишь функциональным единством», — настаивает ученый, «и с точки зрения языка, который сообщил ему субстанциональное единство, является иллюзией, словно речь шла о сущности, которую время должно было раскрыть с разных сторон… Или, выражаясь другим стилем, янсенизм — нож Жано: меняют рукоятку, затем лезвие ножа, но он все равно остается ножом Жано»[291].

Хронология и конкретность — ключ к рассуждению. История идеи обрисована. Сюжет из сугубо литературоведческой интенции корректно рассуждать о поэтике Паскаля вырастает в систему ре-

---

[289] Смотри: Journal de la France et des français. Chronologie politique, culturelle et religieuse de Clovis à 2000. Gallimard, 2001. p. 891.

[290] Orcibal J. Qu'est-ce que le jansénisme? // Etudes d'histoire et de littérature religieuses XVI-XVIII siècles. Etudes réunies par Jacques Le Brun et Jean Lesaulnier. Klincksieck, 1997. p. 281-295.

[291] Opus cit. p. 294-295.

лигиозных, моральных и политических координат, становится, по Сент-Бёву, «затеей полурелигиозной, полупрофанной»[292], следовательно, литературной.

Итак, «янсенизм» относится к узкому кругу теологических вопросов, к собственно Янсению и кругу его учеников из Лувена. «Янсенизм» и духовность Пор-Рояля суть разные явления, перемежавшиеся в теологическом споре века. Здесь слово «янсенизм» звучит в кавычках, или тогда, когда нет иного, более подходящего и более точного слова, выступает контекстуальным, но не терминологическим, заместителем понятия «французская школа духовности».

«ЯНСЕНИЗМ» И ЛИТЕРАТУРА

Влияние споров о благодати имело политическое значение для всего христианского мира. Но не только политическое. Вопрос о «янсенизме» на французской почве имеет значение для литературы как таковой. Главное и порой единственное орудие сторонников Святого Августина — ораторское искусство и литературное творчество. Глубинные причины подобного влияния на литературный процесс, можно искать в корнях самого «янсенизма», «вышедшего, как все христианство XVII века, из религиозного возбуждения Ренессанса, и определяющегося, прежде всего, идеей традиции. Он отрекся от схоластики, по причине ее слишком рационального, слишком технического характера, из-за ее абстрактности и ее педантизма, то есть от всего того, что делает ее невосприимчивой к литературному выражению»[293].

---

[292] Sainte-Beuve. Port-Royal. Texte présenté et annoté par Maxime Leroy. En III volumes. Volume I. Bibliothèque de la Pléiade. 1953. p. 10.

[293] Mesnard J. Jansénisme et littérature // Mesnard J. La culture du XVII siècle. Enquêtes et synthèses. PUF. 1992. p. 258.

Ожидалось возвращение к истокам христианства и веры, не только к Библии, но, прежде всего, к Отцам Церкви, великим писателям, сочетающим религиозный и литературный дискурсы, религиозное и профанное слово. Особенно это относится к Святому Августину, «источнику первого ряда, предложившего размышления о риторике в трактате «De doctrina christiana». Его творчество дало модели разных жанров: письмо, проповедь, трактат, автобиография, поэтому чтение и размышление над святым Августином «скрывает в себе вызов к литературному творчеству»[294].

Августиновский пессимизм в рассуждениях о падшей природе человека рождал отход от мира, неучастие во власти и светской жизни. «Янсенизм», в противоположность протестантизму, «не отстаивал вовлеченность в светскую жизнь». «К чему может привести поворот к главному, к которому призывает янсенизм? При необходимости к мистике, то есть к особой встречи религиозного и литературного, особенно с поэтическим» чувством, как например, в текстах Паскаля «Мемориал» и «Тайна Иисуса», соединяющих отвращение от мира с выражением пламенной божественной любви».

Отказаться от действия в традиции учеников Святого Августина означало «призвать совесть обратиться к самой себя и письменно отчитаться о самоотношении»[295].

Еще одна, уже социально-идеологическая причина, заложена в литературности проявления «янсенизма». Укрепление абсолютной монархии при Ришелье, поражение Фронды отодвинуло и отвратило аристократию и парламентскую магистратуру, самые образованные сословия королевства, от участия во власти. Многие из представителей этих сословий обратились к Пор-Роялю. Французский «янсенизм» мог

---

[294] Opus cit. p. 258-259.

[295] Mesnard J. Jansénisme et littérature // Mesnard J. La culture du XVII siècle. Enquêtes et synthèses. PUF. 1992. p. 259.

развиться в среде высокой культуры и образованности, в той самой, где рождается литературная жизнь. Рождается она и для Блеза Паскаля.

Спор, разделивший общество на две антагонистические группы — сторонников теолого-моральных нововведений иезуитов и их противников — защитников галликанской традиции, как и раскол в русской православной Церкви XVII века, был вызван не догматическими разногласиями.

«В основе раскола», по мысли Б. А. Успенского, «лежит культурный конфликт, <…> культурные — в частности, семиотические и филологические — разногласия воспринимались, в сущности, как разногласия богословские»[296]. Сходным образом во Франции конца XVI и начала XVII столетия противостояние иезуитов и французских сторонников благочестия явило конфликт двух школ риторики, продолженных двумя эстетиками. Первая вдохновленная римской традицией и Цицероном, принципиально поддержана иезуитами. Она отличалась вкусом к широте, тяготением к иносказательности выражения, к риторике.

В «Письмах к провинциалу» Паскаль приводит цветистые примеры из памятника риторики иезуитов — панегирика «Imago primi saeculi societatis Iesu»[297] («Изображение первого столетия Общества Иисуса»), великолепно изданного в 1640 году к столетию Общества: «Это — общество людей или, вернее, ангелов, которое было предсказано преподобным Исайей в следующих словах: «Грядите, ангелы, быстрые и легкие»; «это орлиные умы; эта толпа фениксов… Они изменили лицо христианства»[298].

---

[296] Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. с. 313-360, с. 313.

[297] Смотри об этом издании: Pascal Bl. Les Provinciales // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers". Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour "Les Provincçiales". La Pochothèque. Paris, 2004. p. 328, notice 1.

[298] Паскаль Б. «Пятое письмо». с. 102.

Другая традиция защищалась галликанскими юристами и партией «политиков», склонными к суровости, увлеченными строгостью стиля и возделывавшими аттикизм» и обращение к сердцу, а не к воображению слушателя или читателя. При этом религиозный идеал был неотделим от идеала литературного. Это конфликт сколь религиозный, столь и литературный. «Янсенизм» представал как бы определителем французского отношения в области духовности, также как и в области вкуса, отношение, противоположного итальянским тенденциям, которые оказались «неусваиваемыми».

До того как в январе 1656 года Паскаль взялся за перо с целью защиты католического и собственно французского благочестия и государственности, спор уже длился более полувека. Из его контекста вышло самое значительное произведение сатирической литературы «периода гражданских войн» — «Мениппова сатира» («La Satire Ménippée», 1594). Этот «французский памфлет», состоящий из «собрания вымышленных комических речей, вложенных в уста реальных исторических лиц» и деятелей Лиги, «остротой народного юмора и словесной изобретательностью монологов» сравним с «языковым богатством романа Рабле»[299].

По содержанию, персонажам и общему пафосу «Письма к провинциалу» ближе всего стоят к традиции «Менипповой сатиры». Наличие иезуитов в качестве мишени и задачи повлиять на сомневающегося читателя, приемы бурлеска, каламбура, комические сцены и речи, смешение жанров и языков объединяет два произведения[300].

---

[299] Вишневский А. А. Литература периода гражданских войн (конец XVI в.) // История французской литературы. Том I. С древнейших времен до революции 1789 г. Редакторы тома И. И. Анисимов, С. С. Мокульский, А. А. Смирнов. М.,-Л.: Академия наук СССР, 1946. с. 304-334, с. 317-318.

[300] Смотри: Demonet M. -L. Un aspect du discours polémique avant les «Provinciales»: du bon sens des mots dans la «Satyre Ménippée» // Treize études sur Blaise Pascal. Clermont-Ferrand: PUBP, 2004. p. 103-120.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «ПИСЕМ К ПРОВИНЦИАЛУ»

В истории «паскалевского текста» «Письма к провинциалу» являют редкий пример произведения, относящегося к «прямой традиции». Она включает прижизненные издания — в основном, научные произведения и религиозно-полемические сочинения. Принято считать, что Паскаль, единожды создав текст, более не интересовался им, не вносил дополнений и исправлений. С точки зрения текстологической традиции оригинальными являются первые «Письма к провинциалу» (1656—1657)[301].

На Паскаля повлияло творчество представителей овернского рода Арно, столько много привнесшего в развитие Пор-Рояля[302]. Деятельность знаменитого парижского адвоката Антуана Арно-отца (1560—1619), который «страстно призывал к изгнанию иезуитов из Франции в связи с покушением на Генриха IV»[303], имела широкий отклик. Непримиримое отношение к иезуитам Арно-отец передал своим 20-ти детям (11 девочек и 9 мальчиков), среди которых священники, монахини и выдающиеся настоятельницы монас-

---

[301] Здесь и далее все цитаты приводятся по изданиям: Pascal Bl. Les Provinciales // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour "Les Provinciales". La Pochothèque. Paris, 2004; Паскаль Бл. Письма к провинциалу. Перевод О. И. Хомы. Киев: Port-Royal, 1997.

[302] Смотри: Pouzet, R. Généologie de la famille Arnauld// Dictionnaire de Port-Royal. Elaboré sous la direction de Jean Lesaulnier et Antony McKenna avec la collaboration de Frédéric Delforge, Jean Mesnard, Régine Pouzet et Philippe Sellier et de nombreux autres chercheurs. Paris: Honoré Champion Editeur, 2004. p. 1103.

[303] Хома О. И. Комментарии // Паскаль Бл. Письма к провинциалу. Пер. с франц. Составление А. А. Жаровского. Общая редакция, комментарии, перевод вступит. статьи и дополнений О. И. Хомы. —К.: Port-Royal, 1997. с. 528; смотри также: Lesaulnier J. Arnauld, Antoine, dit M. Arnauld l'avocat // Dictionnaire de Port-Royal. p. 85-86.

тыря Пор-Рояль. Личная ненависть иезуитов к семье Арно может объяснить их поступки в XVII веке. Характерна, полная гордости, фраза одной из Арно, ставшей монахиней Анжеликой Сен-Жан: «Когда наше имя хотят обесчестить во имя Бога, носить его, почти то же самое, что исповедовать имя Божье»[304].

Самый младший из детей, Антуан (1612–1694), став доктором Сорбонны, оказался непреклонным оппонентом иезуитов. За ораторский дар и за энциклопедические познания в теологии получил прозвище «великий Арно» («*grand Arnauld*»). Он был известен как автор критического трактата «Моральная теология иезуитов», публичных выступлений и писем в защиту Янсения и истинной веры. Общество иезуитов отвечало каскадом критических писем, пасквилей и памфлетов. Литературному выражению полемики сопутствовали «политические», как их назвал Паскаль в «Письмах», ответы Общества — преследования оппонентов. Изгнание великого Арно с кафедры теологического факультета Сорбонны — одна из иллюстраций политики Общества.

Так складывался политический и профессиональный диалог двух риторик, оставивший после себя многотомный корпус сочинений, написанных в основном на латинском языке. Он ушел в глубокие запасники истории идей, латентно отзываясь уже в секуляризованной полемике Нового времени. Исключение, до сих пор, составляют восемнадцать «Писем к Провинциалу», которые уместно сравнить с вершиной полемического айсберга.

Если Паскаль и не являлся «отшельником»[305], уход любимой сестры Жаклины в монахини сближает Блеза с монастырем

---

[304] Цитируется по: Pascal Bl. Les Provinciales. Troisième lettre. Notice 2. p. 308.

[305] В списке «Отшельников Пор-Рояля», представленном в фундаментальном «Словаре Пор-Рояля», имя Блеза Паскаля не значится: Delforge F., Mc Kenna, A. Solitaires de Port-Royal // Dictionnaire de Port-Royal. p. 1057.

настолько, что «господа из Пор-Рояля» просят его о литературной помощи в острейший момент полемики вокруг «Августина» в Сорбонне. Нападки на монастырь и атаки на великого Арно, чью ученость и благочестие Паскаль высоко ценил, вынудили его взяться за перо[306].

Замысел «Писем к провинциалу» рождается через 15 лет после начала спора вокруг книги Янсения в атмосфере полемики 1655 года. Спор разворачивается с новой силой вокруг реакции Сорбонны на известных «Пять положений». Дуэль вышла за пределы противостояния между духовником Людовика XIV иезуитом отцом Анна (1590–1670) и великим Арно[307].

В спор, не без настойчивости отца Анна, включился теологический Факультет Сорбонны. Над великим Арно и его сторонниками нависла угроза исключения из Университета. «Янсенисткое дело» перестало быть уделом только теологов. В орбиту споров была втянута широкая публика, дело обсуждали в салонах так же страстно, как и в Сорбонне, с той лишь разницей, что вопросы и толкования переходили из профессиональных, теологических штудий в плоскость нравственности и морали повседневной жизни королевства.

Одновременно с этим монастырь Пор-Рояль переживал острейший кризис. Позиция, занятая Сорбонной по отношению к «янсенистам» и, в частности, в отношении великого Арно, была в глазах общества определяющей правильность спора, неким гаран-

---

[306] Смотри: Bord A. Les Provinciales // Bord A. La vie de Blaise Pascal. Une ascension spirituelle suivie d'un essai Plotin, Montaigne, Pascal. Ed. : Beauchesne, 2000. p. 149-154.

[307] Излагается по: L. Cognet. «Les Provinciales» et l'histoire // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour «Les Provinciales». La Pochothèque. Le livre de Poche/Classiques Garnier. Paris, 2004. p. 157- 229.

том верности решения. Арно был вынужден скрываться, опасаясь ареста или высылки в провинцию. Он поселился в Пор-Рояле-в-Полях, откуда вел дела и переписку с Факультетом. Исключение с Факультета, учитывая случайный элемент в системе голосования, становилось неизбежным. Французским ревнителям благочестия оставалось одно: обратиться к гражданскому обществу, которому в XVII веке соответствовало общество «*honnêtes gens*» / «благовоспитанных людей»[308]. Мнение «*honnêtes gens*» если и не помешает исключению Арно и приостановлению травли, то именно честные люди смогут понять несправедливость нападок.

Теологические шедевры Арно, диалоги по форме, монологи по смыслу, написанные на латинском и на ученом французском языках, вызывали восхищение теологов, но были непонятны светскому читателю. Острое перо Арно оказалось бессильным. То же самое можно отнести и к корпусу трудам отцов-иезуитов, основных противников «янсенистов». Смысл их трудов был столь же недоступен для непосвященных. Тем не менее, в их рядах были одаренные писатели, доносившие смысл до рядового читателя — отец Пинтеро, или уже упомянутый отец Анна. Пор-Рояль, столь богатый на теологов самой высокой пробы, среди которых Арно, Николь, Барко, не имел острого полемиста с журналистским народным взглядом[309]. Тем необходимее стало привлечение к полемике Паскаля.

---

[308] Constantin. Pascal Blaise. « Les Provinciales» // Dictionnaire de théologie catholique, contenant l'exposé des doctrines de la théologie catholique. Leures preuves et leur histoire. Commencé sous la direction de A. Vacant, E. Magenot, continué sous celle de E. Amman. Tome onzième. Deuxième partie. Ordéric Vital — Paul (Saint). Paris VI. Libraire Letouzey et Ané, 1932. p. 2083-2085.

[309] Cognet L. "Les Provinciales" et l'histoire // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. Textes edites par Gerard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D'apres l'edition de Luois Cognet pour "Les Provinciales". La Pochothèque. Paris, 2004. p. 171-177.

ПАСКАЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Завоевание общественного мнения выпадает на долю Паскаля. К началу работы над «Письмами к провинциалу» Паскаль освоил разные жанры: научные трактаты, личная переписка, письма к учеными, блистательное письмо-посвящение Христине королеве шведской, сопроводившее подарок — сконструированную им счетную машины (1645). Опыт христианской риторики сложился в «Мемориале» (1654), в «Кратком изложении жизни Иисуса Христа», в «Сочинении о благодати» (1647—1648); философская риторика раскрыта в «Разговоре господина де Саси о Монтене и об Эпиктете» (1654), эрудиция и научное красноречие соединены в рассуждении «О геометрическом уме» (1655).

Это способствовало становлению авторского голоса Паскаля, хорошего стиля, в котором, однако, не было чего-то особенного и который, по характеристике Сент-Бёва, «был похож на манеру Декарта, крепкую и разумную, не без очарования, особенно подходящую к предмету». Фраза Декарта, в характеристике Сент-Бёва, «полная, ясная, но, все же, длинная и постоянно перебиваемая союзами, не избавилась от ига латинизма». Паскаль сразу с «Первого письма к провинциалу» «прерывает эти продолжительности» и, замечает Сент-Бёв, становится «для нас, для себя самого, Паскалем литературным, <...> по праву Паскалем-*писателем* (курсив — Сент-Бёва)»[310]. Отправленная в перспективу истории литературы, характеристика Сент-Бёва подчеркивает, что Паскаль «*становится для нас... писателем*». Именно дальнейшее развитие литературы делает Паскаля писателем.

---

[310] Sainte-Beuve. Pascal. Paris, 1962. p. 79.

Маргарита Перье, племянница Паскаля, оставила свидетельство об атмосфере появления «Письма к провинциалу»:

> *«Господин Арно написал сочинение, которое он прочел в присутствии всех господ [из Пор-Рояля], которые, в свою очередь, им не восхитились. Господин Арно, не будучи ревностным к похвалам ответил: я хорошо понимаю, что вы находите это сочинение плохим, и я думаю, что вы правы». Обратившись к Паскалю, он произнес: «Вот Вы, Вы молоды, Вам следовало бы сделать для этого что-нибудь». Господин Паскаль сочинил первое письмо, прочел его им. Господин Арно написал ему: «Это превосходно, это будет высоко оценено. Нужно это издать». Издали, и это имело тот успех, о котором уже известно. Они продолжили»*[311].

Паскаль написал первое письмо на едином дыхании и вовсе не собирался ввязываться в долгое предприятие .

«Письмо» было издано, распродано и встречено «удивительными рукоплесканиями»[312]. Характерно свидетельство Николя:

> *Письмо читали ученые и люди несведущие. Оно произвело во всех умах то действие, которого ожидали. Оно произвело еще одно впечатление, о котором и не думали. Оно дало понять, насколько манера письма Монтальта была верной для вовлечения света в этот диспут.* [Оно] *показало, что он вынудил каким-то образом, самых безучастных и самых безразличных заинтересоваться, он их взволновал, победил их увеселением и, не позволив им [пуститься] в напрасное развлечение, направил их к овладению истиной*[313].

---

[311] Cognet L. Opus cit. p. 180.

[312] Свидетельство Бобрена, друга Николя. Цит. по: Cognet L. Ibid. p. 182.

[313] Nicole P. Préface à la 4ème édition de la traduction latine, rédigée en 1660. Цит. по: Cognet, L. Ibid. p. 182.

Паскаль, при интеллектуальной поддержке Николя и Арно, сочинил восемнадцать «Писем». Известно, что готовилось девятнадцатое «Письмо» и, было объявлено о двадцатом. Серия писем, начавшаяся с января 1656 года, была продолжена по март 1657 года. Они печатались без официального разрешения, как следствие, без имени автора и издателя. По мере их успеха у публики, полиция регулярно проводила обыски и аресты среди издателей. Автор, молодой писатель, был вынужден скрываться, а «Письма к провинциалу» стали издавать подпольно[314]. Трудности издания создали разные варианты одних и тех же текстов.

«Письмами к провинциалу» зачитывались не только подданные французского королевства. В то же самое время вышел в свет английский перевод: «Les Provinciales, or the Mystery of Jesuitisme, discovered in certain letters written upon occasion of the present differences at Sorbonne between the jansenists and the molinists», изданный в Лондоне (London, Royston, 1657). Своей публикацией перевод обязан англиканскому теологу Генри Хаммонду и переводчику Джону Дэвису, что показывает интерес англиканских теологов к «Письмам», связанный с полемикой англиканской Церкви и Римского престола.

Необходимость сделать «Письма к провинциалу» достоянием читающего христианского мира рождает латинский перевод, выполненный блистательным знатоком латинского языка Николем в 1658 году. Литературный вкус и опыт переводчика подсказали Николю, что заурядная теологическая латынь была недостаточна для раскрытия смысла произведения. За образец он взял язык комедий

---

[314] Constantin. Pascal Blaise. «Les Provinciales" // Dictionnaire de théologie catholique, contenant l'exposé des doctrines de la théologie catholique. Leures preuves et leur histoire. Commencé sous la direction de A. Vacant, E. Magenot, continué sous celle de E. Amman. Tome onzième. Deuxième partie. Ordéric Vital — Paul (Saint). Paris VI. Libraire Letouzey et Ané, 1932. p. 2083

Теренция, намеренно перечитав его пьесы. До сих пор латинисты не скупятся на похвалы переводу Николя. Перевод был издан в 1658 году под заглавием:

«*Ludovici Montaltii litterae provincials de morali et politica jesuitarum disciplina, a Willelmo Wendrockio, Salisburgensi theologo, e gallica in latinam linguam translatae, et theologicis notis illustratae, quibus tum jesuitarum adversus Montaltium criminationes repelluntur, tum praecipua theologiae moralis capita a novorum casuistarum corruptelis vindicantur*».

Николь взял немецкий псевдоним — Вильгельм Вандрок (Guillaume Wendrock, *la robe retournée* — «платье наизнанку»)[315]. Латинский перевод делает «Письма» произведением, которым, по словам Таллемана де Рео, «восхищается вся Европа»[316]. Годом раньше «Письма к провинциалу» уже были внесены в Индекс запрещенных книг (6 сентября 1657 года). Заперт был снят Ватиканом вместе с отменой Индекса в 1966 году.

Он вызвал очередной виток полемики, которая разрешалась уже не в спорах, а в репрессивных действиях. Так, книга была осуждена и сожжена палачом 14 октября 1660 года в Париже. Однако это не остановило переизданий на французском и на латинском языках. После смерти Паскаля издания только выросли в числе. До 1700 года было выпущено по меньшей мере 30 изданий, в XVIII веке — 25 переизданий, в первой половине XIX — 40 изданий. Среди переизданий любопытно одно многоязычное от 1684 года: на каждой странице в четыре колонки были последовательно даны тексты на французском, на латинском, на испанском и на итальянском языках.

---

[315] Смотри: Николь П. Предисловие Вандрока // Паскаль Бл. Письма к провинциалу. Перевод О. И. Хомы. Киев: Port-Royal, 1997. с. 401-439.

[316] Tallemant des Réaux. Historiettes. P. : Gallimard, La Pléiade, 1962. Tome II. p. 58. Цит. по: Lesne-Jaffro, E. La réception des 'Provinciales' dans les 'Mémoires' du temps // Treize études sur Blaise Pascal. Clermont-Ferrand: PUBP, 2004. p. 122.

Чтение ««Писем к провинциалу» трудно для современного читателя. Не всегда понятным оно было и для современников Паскаля. Если детали спора и некоторые понятия представляли трудности, то литературная составляющая «Писем» понималась благодаря мастерству автора. Единство авторской точки зрения, составляющее подлинную ценность всякого серьезного сочинения, прочитывалась в присутствии «единого большого стиля»[317]. Современники, увлеченные стилем, забывают о теологическом содержании спора. Они угадывают стиль нового писателя, чье имя скрывалось под псевдонимом.

Сложившиеся из полемической перспективы, «Письма к провинциалу» составляют диалог, в котором каждое «Письмо» может быть названо репликой. Отклики читателей и читательниц, похвалы соратников и особенно мнения оппонентов составили первые примеры разбора стиля произведения. Как написано в «Ответе провинциала на два первых письма друга», «Письма» *«все читают, все понимают, все им верят. Их ценят не одни только теологи; они доставляют удовольствие и людям светским, и понятны даже женщинам»*[318] .

Эти речи понятны даже дамам, которые обмениваются письмами о «Письмах». Так, в письме одной из прециозных дам, возможно, мадам де Скюдери, выражены следующие суждения:

> «Вы не можете себе представить, как много обязана я Вам за то «Письмо», которое Вы мне послали: оно очень остроумно и очень хорошо написано. Оно рассказывает без повествования, оно разъясняет самые запутанные дела на свете; оно тонко насмехается, оно поучительно даже для тех, кто не знаком с делом основательно; оно доставляет вдвое удовольствия тем, кто пони-

---

[317] Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. с. 70.

[318] Паскаль Бл. Письма к провинциалу. Перевод с французского под редакцией А. И. Попова. Общая редакция О. И. Хомы. Киев: Port-Royal, 1997. «Ответ провинциала на два первых письма друга». с. 72.

мает его. При этом оно — превосходная апология и, если хотите, тонкое и невинное порицание. И, наконец, в этом письме, столько искусства, остроумия и здравого смысла, что мне очень хотелось бы знать, кто написал его»[319].

В читательском отклике звучат характеристики стиля эпохи: очень остроумно / *ingénieuse*, очень хорошо написано / *bien écrite*, разъясняет <…> дела / *éclaircit les affaires*, тонко насмехается / *raille finement*, поучает даже тех, кто не знаком с делом основательно / *instruit même ceux qui ne savent pas bien les choses* / доставляет двойное удовольствие тем, кто понимает его / *elle redouble le plaisir de ceux qui les entendent*;

определены жанровые признаки: превосходная апология / *une excellente apologie* и тонкое и невинное порицание / *une délicate et innocente censure*; дан ключ к пониманию поэтики «Писем» — остроумие становится повествованием — рассказывает без повествования [повествует без рассказа] / *narre sans narrer*! [320]

«Письма к провинциалу» оценили не только в кругах теологов и Пор-Рояля, в верхах городской буржуазии и аристократических салонах Парижа, но и в провинциях.

Мастер эпистолярного жанра XVII века мадам де Севинье[321] дважды вспоминает о «Письмах к провинциалу» в 1656 году и через тридцать три года в 1689 г. Временная перспектива упомина-

---

[319] Pascal Bl. Réponse du provincial aux deux premières lettres de son ami // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour "Les Provinciales". La Pochothèque. Paris, 2004. p. 295.

[320] Opus cit. p. 295. Notice 2.

[321] Смотри: Забабурова Н. В. Письма мадам де Севинье: новый эпистолярный дискурс // Мировая культура XVII-XVIII веков как метатекст: дискурсы, жанры, стили. Материалы международного научного симпозиума «Восьмые Лафонтеновские чтения». Серия "Symposium", выпуск 26. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. 2002. с. 80-83.

ний важна для разговора о поэтике. Первое упоминание относится к впечатлению после прочтения «XI Письма»:

«С превеликим удовольствием прочла “Одиннадцатое письмо” янсенистов» — делится впечатлением мадам де Севинье в письме к Жилю Менажу от 12 сентября. «Мне кажется оно очень красивым. <…> Благодарю Вас от всей души за заботу, которую Вы проявили, отправив его мне с другими приятными вещицами. Это удивительно развлекает во всем, особенно в деревне». Из письма следует, что «Письма к провинциалу» быстро распространялись в провинциях как развлекательное чтение.

И через тридцать лет «Письма» читают для развлечения, но находят в них уже эстетическое целое, литературное произведение:

> «Порой, чтобы отвлечься, мы читаем “Маленькие Письма”. Боже мой, какое очарование, и как читает их мой сын! <…>. Возможен ли стиль более совершенный, ирония более тонкая, более естественная, более деликатная, столь достойная дочь самих диалогов Платона, что так прекрасны? Но после — десять первых писем, какая серьезность, какая основательность, какая сила, какое красноречие, какая любовь к Богу и к истине! Какая манера её поддерживать и заставить её слышать в последних восьми письмах, чей тон совершенно отличен от предыдущих. Я убеждена, что Вы читали их поверхностно, подбирая тут и там забавные места, но все наоборот, когда читаешь их не спеша» [322].

Мадам де Севинье, прочитав «Письма к провинциалу» как единое произведение, собранное под одним переплетом, а не как разрозненные забавные репортажи, замечает особенность композиции и

---

[322] Sévigné de. Correspondance. Edition R. Duchêne, La Pléiade. Gallimard, 1972. Tome I. p. 40. Цитируется по: Lesne-Jaffro E. La réception des ‘Provinciales’ dans les ‘Mémoires’ du temps // Trièze études sur Blaise Pascal. Presses Universitaire Blaise Pascal. Clermont-Ferrand, 2004. p. 122-124.

жанра «Провинциалий»: иронии первых десяти «Писем» противопоставлена сила и страстность убеждений, превращающих «Письма» в «строгое произведение, в неопровержимое духовное послание».

Интересно, что в «янсенисткой» среде заметки о «Письмах к провинциалу» не столь обширны. Так, Пьер Тома Дю Фоссе, младший современник Паскаля, переводчик, писатель и мемуарист, в знаменитых «Воспоминаниях, предназначенных для написания истории Пор-Рояля» уделяет рассказу о «Письмах к провинциалу» три страницы, при этом четко отмечены составляющие стратегии Паскаля-писателя: «очаровательная краткость»/«*brièveté charmante*», «неподражаемая наивность»/«*naïveté inimitable*». Они, по мысли Дю Фоссе, превосходно подчиняются замыслу автора и создают «произведение, самое завершенное во всех отношениях», из тех, что когда-либо были написаны «на нашем языке» / «*en notre langue*», «будь то в серьезном стиле, будь то в стиле возвышенном»[323].

Краткий разбор Дю Фоссе намечает новаторский характер «Писем»: «произведение, самое завершенное во всех отношениях», из тех, что когда-либо были написаны «на нашем языке». «Письма» содержат разные стили — насмешливый, серьезный, возвышенный, что сближает их с сатирой, которая «может пользоваться любым жанром — эпическим, драматическим, лирическим». По сути, речь идет о сатирическом элементе, который в сочетании с пародией обновляет «устаревшие языковые и стилистические формы» и создает литературный язык (в данном случае — французский) Нового времени[324].

---

[323] Du Fossé. Mémoires pour servir à l'histoire de Port-Royal. Utrecht, 1739. Livre I, chapitre XVII. Цитируется по: Lesne-Jaffro E. La réception des 'Provinciales' dans les 'Mémoires' du temps // Trièze études sur Blaise Pascal. Presses Universitaire Blaise Pascal. Clermont-Ferrand, 2004. p. 125.

[324] Бахтин М. М. Сатира // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. «Работы 1940-х-начала 1960-х». М.: Русские словари, 1997. с. 11-12.

В ответных памфлетах, пасквилях и письмах из стана иезуитов «Письма» комментируются более детально, высказываются остроумные догадки: 1) о «духе буффонады» / «*esprit bouffon*»[325], 2) о «шутовском и насмешливом стиле, непристойном <…> для христианина» / «*un style railleur et bouffon, indigne, <…> mais même d'un chrétien*»[326]; 3) о «манере писать, полной изобретательных поворотов…, об искусстве смешного, которым он (автор) владеет с трудно вообразимым совершенством» / «*cette manière d'écrire, pleine de rencontres ingénieuses… l'art de ridicule, et qu'il s'en sert avec toute la perfection qu'on peut souhaiter*»; 4) о «духе Рабле и Дю Мулена» / «*l'esprit de Rablais et de Du Moulin*»[327].

Критика из уст оппонентов показывает основные литературные достоинства «Писем». Упоминание о Рабле представляется весьма точным и уместным. В пользу романного мышления свидетельствует автоцитата из «XV Письма» в ответ на язвительное замечание оппонентов, что автор писал романы, до того, как написал «Письма»[328], Паскаль опровергает — «хотя я не прочел ни одного романа и не знаю даже заглавия тех из них, которые написал ваш апологет» / «moi qui n'en ai jamais lu aucun, et qui ne sais pas seulement le nom de ceux qu'a faits votre apologiste»[329]. Тем не менее, справедливости

---

[325] Pascal Bl. Huitième lettre // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour "Les Provinciales". La Pochothèque. Paris, 2004. Сноска 1.

[326] Pascal Bl. Onzième lettre. p. 440-441. Сноска 3.

[327] Pascal Bl. Douzième lettre. p. 461. Сноска 3: Pierre Du Moulin (1568—1658) известный протестант-полемист. В 1631 году он опубликовал труд «Des traditions et de la perfection et suffisance de l'Ecriture sainte… avec un catalogue ou dénombrement des traditions romaines», в котором нападал на казуистов и в котором хотели видеть источник полемического труда Арно «La théologie morale des Jésuites», так же как и «Провинциалий».

[328] Pascal Bl. Quinzième lettre. p. 537.

[329] Паскаль Бл. Пятнадцатое письмо. с. 313.

ради надо отметить, что в разговорах в отеле Лианкур (где Паскаль бывал) даже в 1670 году вспоминалось, что «господин Паскаль любил забавные книги, наподобие романов Скаррона. Однако затем он оставил их чтение, и посвятил себя Богу»[330].

Оппоненты верно уловили дух «Писем» — «esprit de Rablais», «неофициальной стихии смеха», вооружившись которой «можно было подойти к народу, подозрительно относившегося ко всякой серьезности, привыкшему связывать откровенную и свободную правду со смехом».

Неслучайно М. М. Бахтин подчеркивает, что «персонажи Рабле становятся в XVII веке героями придворных праздников, маскарадов, балетов», образы Рабле «<…> с народной площади перекочевали в придворный маскарад, <…> и стиль» [331].

Можно предположить, что эта литература была знакома Паскалю, также как и народный пласт смеховой культуры Франции, в придворном и в площадном бытовании. Об этом свидетельствуют персонажи «провинциала» и «простака», или же оркестровка цепочки Рабле в «Пятом письме к провинциалу». Это «Письмо», наряду со «Вторым» и «Четвертым», уместно сравнивать с фрагментами из романа Рабле и с комедиями Мольера.

ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА «ПИСЕМ К ПРОВИНЦИАЛУ»

История заглавия «Писем к провинциалу» также показывает особенности поэтики произведения. Письмо, адресованное автором другу в деревню, получает своё заглавие из уст его издателя Пети: «*Lettre éscrite à un provincial par un de ses amis sur le sujet des*

---

[330] Pascal Bl. Quinzième lettre. p. 537. Сноска 7.

[331] Бахтин М. М. Рабле в истории смеха // Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. с. 112-114.

disputes présentes de la Sorbonne» (или в другом варианте заглавия «*Lettre écrite à un provincial par un de ses amis sur les luttes présentes en Sorbonne*») / «Письмо, написанное провинциалу одним из его друзей на предмет нынешних диспутов в Сорбонне». Под этим же заглавием печатаются и девять следующих «Писем». Разночтения в заглавии выявляют его поэтические константы.

Прежде всего, жанр — письмо / «*lettre*». Адресант — «один из его друзей» / «*un de ses amis*» и адресат — «провинциал» / «*un provincial*» задают повествовательно-коммуникативную перспективу и основные топосы первых десяти Писем: «столица» (*en Sorbonne*), которая имеет риторический, выстроенный, государственно-салонный язык // и «провинция» со своим особым выговором[332].

Значение слова «*provincial*» / «провинциал», «провиницальный» имело определенную коннотацию в XVII веке. Так, знаменитый грамматик, историк и религиозный писатель, иезуит отец Буур (1628–1702), повлиявший на творчество Буало, Лабрюйера и особенно Расина, который посылал ему на правку произведения, в «Продолжении новых заметок о французском языке» («*Suite des remarques nouvelles sur la langue française*»), указывает, что «слово “провинциал” несет в себе такое скверное звучание, от которого испытываешь сильную неловкость и смущение; не говоря уже о столь же скверном выговоре, о чем-то неправильном и мало учтивом в речи». Грамматик замечает далее, что есть что-то смехотворное в названии “провинциал” и что «заголовок неких сатирических «Писем» не отличается изяществом». При этом Буур сетует на то, что издатель не озаглавил это сочинение «Письмо к деревенскому жите-

---

[332] Смотри: Топоров В. Н. Петербург и “Петербургский текст русской литературы” (Введение в тему), «Петербургские тексты и петербургские мифы (Заметки из серии)» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Культура», 1995. с. 272-274.

лю (деревенщине)» и на то, что всё произведение названо не «деревенскими», а «провинциальными» письмами. «Одно слово похоже на другое», — продолжает знаток стиля, «при этом “деревенский” богаче “провинциального”, также как и “деревенские” смехотворнее “провинциальных”»[333]. Таким образом, для высокого стиля «провинциал» кажется словом грубым, словом дурного вкуса.

В выборе слова из разговорного, не литературного словаря века, уже намечено то, что М. М. Бахтин, рассуждая о менипповой сатире, называет «фамильяризацией и испытующим (изобретательным) сюжетом»[334].

В «провинциале» современники хотели угадывать Флорена Перье, двоюродного брата Паскаля, жившего в Клермоне, или же Гийома Ле Руа, аббата монастыря в От-Фонтене. Однако дальнейшая литературная история «Писем» показывает, что «провинциал» — это персонаж, остроумно придуманный писателем[335].

География точек зрения (из провинции, из столицы), обозначенная в заглавии, может вывести героя «на площадь, *в современность* [курсив — М. Б.] в её специфичности», «в одну плоскость с рассказчиком и его слушателями»[336].

---

[333] Bouhours D. Suite des remarques nouvelles sur la langue françoise. Paris, M DC XCII. p. 306-308. http://gallica. bnf. fr/ark:/12148/bpt6k50471m/f1. image

[334] Бахтин М. М. Мениппова сатира и её значение в истории романа // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 4 (1). «”Франсуа Рабле в истории реализма” (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930—1950-е гг.). Комментарии и приложения». Редактор тома И. Л. Попова. М.: Языки славянских культур, 2008. с. 734-735.

[335] Смотри: Pascal Bl. Première Lettre écrite à un provincial par un de ses amis, sur le sujet des disputes présentes de la Sorbonne // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. La Pochothèque. Garnier, 2004. Textes édités par G. Ferreyrolles et Ph. Sellier. D’après l’édition de Louis Cognet pour «Les Provinciales». p. 265. Note 1.

[336] Бахтин М. М. Там же, с. 734.

Таким образом, «провинциал», слово уже равное персонажу, чревато памятью жанра менипповой сатиры, а в сочетании с «на предмет нынешних диспутов в Сорбонне» — формой сократического диалога, в котором «провоцируют и испытывают словом, а не сюжетным положением»[337]. Неслучайно первые десять «Писем» принято считать более литературно-художественными из всех восемнадцати ««Писем к провинциалу»».

Следующие шесть «Писем» были озаглавлены самим Паскалем: «*Lettre écrite par l'auteur des "Lettres provinciales" aux Révérends Pères jésuites*» / «Письмо, сочиненное автором "Провинциальных писем" к преподобным отцам иезуитам».

Жанр устойчив — форма письма, в которой, однако, меняется коммуникативная перспектива. Автор «Провинциальных писем» / «*l'auteur des "Lettres provinciales"*» обращается «к преподобным отцам иезуитам» / «*aux Révérends Pères jésuites*». Самоназывание автора «*l'auteur des "Lettres provinciales"*» продиктовано задачами полемики и сменой точки зрения. Противостояние «янсенистов» и иезуитов получает точный адрес. Теперь его адресаты — теологи-иезуиты. При этом топосы и хронотопы предыдущих посланий вбираются в темы и в мотивы последующих.

Авторская коммуникативная направленность открыто обнаруживает себя в заглавиях двух последних Писем: «*Lettre au R. P. Annat, jésuite*» / «Письмо к преподобному отцу Анна, иезуиту». Жанр прежний — письмо. Адресат изменён. Это не воображаемый «провинциал», не «преподобные отцы иезуиты», ставшие по мере изданий «Писем» собирательным образом всех иезуитов. Адресат последних «Писем» — старший современник автора «Провинциалий», отец Анна, иезуит, высокий теолог, блестящий полемист и духовник короля Людовика XIV. Эти «Письма» — прямое обраще-

---

[337] Бахтин М. М. Там же, с. 735.

ние «я» / «*je*» к «Вы» / «*Vous*», «мой досточтимый отец» / «*mon révérend père*», к представителю Церкви, на чьих плечах лежит тайна исповеди государства. В письме-исповеди, письме-обличении, письме-памфлете, письме-призыве, если применить к нему положения, высказанные М. М. Бахтиным, можно усмотреть «диалогическую постановку рассказчика и в отношении героев и в отношении самого себя». В «отношении героев» — это диалог с «янсенистами», молинистами, доминиканцами, верующими, провинциалом, читателями. Диалогические отношения выстраиваются в «отношении самого себя» напряжённее. Это выяснение собственной гражданской и нравственной позиции.

Например:

> «*Je n'aurai pas grand'peine à m'en défendre, puisque je n'ai qu'à vous dire que je n'en suis pas, et à vous renvoyer à mes lettres où j'ai dit que je suis seul, et en propres termes, que je ne suis point de Port-Royal*» /
>
> «Мне не составит большого труда защитить себя, ибо мне должно сказать Вам, что я не один из них [не оттуда], и отослать Вас к моим письмам, где я сказал, что я один, собственно говоря, что я вовсе не из Пор-Рояля».

«Я один <…> я вовсе не из Пор-Рояля » — это установка, защищающая позицию автора произведения, а не общую идеологическую точку зрения[338].

Еще одни пример самоотчета-исповеди, переходящего в обличение оппонента:

> «*Les enfants vous croient là-dessus, et plusieurs autres aussi; car vous les entretenez de ces mêmes fables dans vos sermons, comme votre Père Crasset à Orléans, qui a été interdit. Et je vous avoue que je vous ai cru aussi autrefois*» /

[338] Pascal Bl. XVII Lettre. p. 570-571.

> «Дети верят вам в этом, и многие другие тоже; ибо в ваших проповедях вы тешите их всё теми же сказками, что и Отец Крассе из Орлеана, который был запрещен. И я признаюсь, что я тоже верил вам когда-то [в былые времена]».

Не столь частый для автора, «Паскаля», для «паскалевского текста» пример момента публичного лирического напряжения: «И я признаюсь вам, что я тоже верил вам когда-то [в былые времена]» / «*Et je vous avoue que je vous ai cru aussi autrefois*». Это признание направляет авторское «я» «к пределу внутреннего монолога»[339] и обосновывает независимую — выраженную через глагол croire (верить) / *ai cru* (верил) — позицию автора/«Паскаля».

До «Писем к провинциалу» Паскаль не критиковал иезуитов. Более того, известно, что он читал и относился с глубоким уважением к трудам Святого Игнатия, святого Франциска Ксаверия, Клаудио Аквавивы, Франческо Борджиа и Жана-Батиста Сент-Жура. Однако он беспощаден к тем, кто «фальсифицирует послание Ордена Иисуса»[340].

Описанные внехудожественные заданности, закрепленные в заглавиях каждого из «Писем», топосы: «столица» / «провинция»; персонажи: «провинциал», «иезуиты»; жанровые вариации: мениппова сатира, сократический диалог, моменты внутреннего монолога соединяются в окончательном, ставшем «каноническим», заглавии произведения: «Провинциалии, или Письма к провинциалу, сочиненные одним из его друзей Луи де Монтальтом, и к Преподобным отцам иезуитам на тему морали и тему политики

---

[339] Бахтин М. М. Мениппова сатира и её значение в истории романа // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 4 (1). «"Франсуа Рабле в истории реализма" (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930-1950-е гг.). Комментарии и приложения». Редактор тома И. Л. Попова. М.: Языки славянских культур, 2008. с. 743.

[340] Смотри: Bord, A. La vie de Blaise Pascal. Une ascension spirituelle suivie d'un essai Plotin, Montaigne, Pascal. P.: Beauchesne, 2000. p. 150-151.

этих Отцов» / *Les Provinciales ou les lettres escrites par Louis de Montalte à un provincial de ses amis, et aux RR. (révérends) PP. (pères) jésuites: sur le sujet de la morale, et de la politique de ces Pères / Petites Lettres*[341].

Нарицательный характер заглавия «Провинциалий», утвердившейся в истории литературы, можно сравнить с нарицательностью названия речей Демосфена — филиппики или, столетия спустя, с «Книгой снобов» Теккерея. «Письма» Паскаля расширяют значение слова «provincial», добавляют к значению новые краски гражданской благочестивой позиции/оппозиции столице, то есть официальному.

Нарицательность заглавия свидетельствует о «сатирическом отношении к действительности, реализующемся в разнородных жанрах»[342]. Так, вторая часть заглавия «Письма к провинциалу, сочиненные, одним из его друзей Луи де Монтальтом, и к Преподобным отцам иезуитам на тему морали и тему политики этих Отцов» раскрывает жанрово-тематический комплекс произведения. Череда перечислений не только каталогизирует адресатов, но и буффонно смешивает ряды — «провинциал» и «преподобные отцы иезуиты». Перебивка подчеркивает смеховую серьезность предмета «Писем» — морали и политики. Уже в заглавии звучат мотивы менипповой сатиры, где присутствует «Церковь,

---

[341] Pascal Bl. Première Lettre écrite p. 265. Note 1;

Constantin. Pascal Blaise. «Les Provinciales» // Dictionnaire de théologie catholique, contenant l'exposé des doctrines de la théologie catholique. Leures preuves et leur histoire. Commencé sous la direction de A. Vacant, E. Magenot, continué sous celle de E. Amman. Tome onzième. Deuxième partie. Ordéric Vital — Paul (Saint). Paris VI. Libraire Letouzey et Ané, 1932. p. 2085.

[342] Бахтин М. М. Сатира // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. с. 12.

смешанная с ареной цирка», а «церковно-проповедническая» риторика смешана с «цирково-балаганной» стихией[343].

Таким образом, анализ заглавия «Писем к провинциалу» дал возможность войти в текст, указать на топосы («провинция»/«столица») и на жанровые особенности, с ними связанные (меннипова сатира, сократический диалог, собственно письмо, внутренний монолог, самоотчет-исповедь), объяснить присутствие разговорной стихии диалога «на площади». Полемическая динамика «Писем» влияет на композицию, в частности, на множественность точек зрения.

В первых десяти «Письмах», разные точки зрения выражены идеологическими персонажами (простак, он же автор, иезуит, «янсенист», доминиканец, провинциал). Смена адресата в последующих восьми «Письмах» (отцы-иезуиты, отец Анна) меняет и точку зрения автора, который защищает уже позицию своего произведения, а не только общую идеологическую точку зрения. Написанное из теологической перспективы, произведение становится образцом и светской литературы.

ИМЯ И ПСЕВДОНИМЫ.
ПУТЬ К АВТОРСКОМУ СЛОВУ

Имя Блеза Паскаля известно всему миру. Псевдонимы Паскаля вошли в историю французской литературы. Еще один элемент сообщает «Письмам» литературный характер — имя автора, вынесенное в заглавие — *Louis de Montalte* / Луи де Монтальт. Подпись под «Письмами к провинциалу» появляется не сразу, только в «Третьем Письме», в конце которого выведен длинный ряд букв:

---

[343] Бахтин М. М. Мениппова сатира и её значение в истории романа» // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 4 (1). Франсуа Рабле в истории реализма (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930—1950-е гг.). Комментарии и приложения. Редактор тома И. Л. Попова. М.: Языки славянских культур, 2008. с. 746.

E. A. A. B. P. A. F. D. E. P. Загадочные буквы исчезают в издании «Провинциалий» на латинском языке в переводе Николя в 1659 году. Традиционно их расшифровывают согласно толкованию, оставленному в рукописных мемуарах пор-роялевца Бобрена, отредактированных между 1700 и 1720 гг.: E. A. A. B. P. A. F. D. E. P.: *Et Ancien Ami Blaise Pascal Auvergnat Fils d'Étienne Pascal*[344]/ *и давнишний друг Блез Паскаль, Овернец, сын Этьена Паскаля*. Художественная зашифровка неназываемого имени может объяснить появление псевдонима в поэтике Паскаля. В буквах заключен шифр к авторскому слову. Биографическое «я» /«*je*», «*moi*» переводится в литературный код, где собственное имя, по мысли Марена, французского философа, знатока истории семиотических систем, одновременно и «модель знака как чистого представления и модель "я"»[345].

На собственно паскалевскую проблему присутствия «я» в слове, (когда риторика должна быть равна исповеданию веры — позиция учеников Святого Августина, литературный идеал не отделим от религиозного) и отношения к слову указали Арно и Николь в пассаже из «Логики Пор-Рояля»:

> «Покойный господин Паскаль, сведущий в истинной риторике как никто другой, утверждал, что добропорядочный человек должен избегать называть свое имя и даже пользоваться [словами «я» и «меня»], и он не раз говорил, [что христианское благочестие изживает человеческое «я» и что благопристойность прячет и отменяет его]. Нельзя сказать, что это правило следует соблюдать неукоснительным образом <...>, но полезно всегда иметь его в виду, чтобы не

---

[344] Pascal Bl. Troisième Lettre. p. 308-309. note 3.

[345] Marin L. "Pascal": du texte au livre // Marin L. Pascal et Port-Royal. Recueil établi par Alain Cantillon avec la collaboration de D. Arrasse, G. Careri, D. Cohn, P.-A. Fabre, F. Marin. PUF. 1997. p. 21.

усвоить дурную привычку иных людей, говорящих только о себе и всюду заявляющих себя, когда их мнения никто не спрашивает»[346].

Знание истинной (читай, христианской) риторики «*véritable rhétorique*» обосновало правило «*portait cette règle*» изживания собственного имени для освобождения «я» и от «я».

Рассуждая о поэтике Евангелия, С. С. Аверинцев замечает, что «остро личностный характер раннехристианской психологии постоянно тяготеет к своей диалектической противоположности — к анонимности, к отказу от самоутверждения (в частности, авторского)» [347].

В проекции на литературное творчество — это принципиальная диалогичность, когда диалог с собой и с другим ведется в присутствии Третьего, и влияет на характер самого слова. Оно высвобождается от «лживости риторики» и ищет стихийности. При этом система аргументации становится еще богаче и крепче. Изъятие «я» из доказательства делает доказательство неопровержимым, почти научно обоснованным. Истиной, как и в науке, становится то, что нельзя опровергнуть. Из этой интенции, доказательство у Паскаля выстраивается через диалог с тем, кому он доказывает, то есть, диалог построен на «я — Ты» отношениях.

Думается, что эта закономерность христианского творчества справедлива для характера произведений «господ из Пор-Рояля» и Паскаля, тяготеющих, с одной стороны, к отказу от самоутвержде-

---

[346] Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения. / Софизмы самолюбия, личного интереса и страсти. Отв. редактор и автор предисловия А. Л. Субботин. Перевод с франц. В. П. Гайдамака. И.: Наука. М., 1997. с. 216.

[347] Аверинцев С. С. Истоки и развитие раннехристианской литературы//История всемирной литературы. Т. 1. Ред. коллегия тома И. С. Брагинский, Н. И. Балашов, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер. М.: Наука, 1983. Глава IX. с. 508.

ния в авторстве, с другой стороны, — к литературной полемике и, в частности, к игре с псевдонимами.

Отношения автора и произведения суть отношения имени собственного и письма. Анонимность нередкое явление для литературы круга Пор-Рояля. «Янсенистская» книга «достаточно часто анонимна, без имени собственного»[348]. Например, упомянутая «Грамматика» была издана анонимно[349].

Авторы играют собственным именем, сочиняя псевдонимы, необходимые из политических соображений, но также продиктованные риторическим заданием и диалогом с собственным «я». Это парадоксальное сочетание ставит вопрос о находимости голоса автора в текст.

Возникают вопросы: когда Паскаль осознал себя писателем, когда взял псевдоним «*де Монтальт*»? Безусловно, что во время работы над «Письмами». Почему именно это явно анаграмматическое сочетание *Louis de Montalte*?

Из известных XVII веку исторических деятелей, имя *de Montalte* отсылает к францисканцу Феличе Перрети ди Монтальто (итал. Felice Peretti di Montalto, 1521—1590), ставшего знаменитым папой Сикстом V. Он взял псевдоним di Montalto, во французском варианте de Montalte, по названию замка, соседствовавшего с его родной деревней[350]. Безусловно, что круг сторонников Пор-Рояля и Паскаль знали об этом в принципе и особенно потому, что Папа Сикст V прославился как посттридентский государственный деятель, а в истории «янсенистских» споров ему принадлежит роль справедливого миротворца, наложившего вето

---

[348] Marin L. Opus. Cit. p. 22.

[349] Субботин А. Л. Логика Пор-Рояля» и ее место в истории логики // Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения. Отв. редактор и автор предисловия А. Л. Субботин. Перевод с франц. В. П. Гайдамака. И.: Наука. М., 1997. с. 311.

[350] Constantin. Opus. Cit. p. 285.

на всякие диспуты по вопросам благодати, защитив, тем самым, Лувенский университет и сторонников учения Святого Августина от нападок иезуитов[351].

Вторая возможная литературная этимология связана с ассоциативным рядом имени «Michel de Montaigne». К периоду написания «Писем к провинциалу» относится пристальное изучение Паскалем великих «Опытов»[352]. Соотнесенность автора «Писем» и автора «Опытов» посредством псевдонима *Mont*alte/*Mont*aigne, возникнет в дальнейшем уже на уровне авторской саморефлексии о стиле в L 745/S 618 фрагменте «Мыслей».

Глубинно *Louis de Montalte* связан с онтологическим «я» Паскаля. В псевдоним входят разные мифопоэтические элементы:

1. *Mont* апеллирует к фамилии бабушки Паскаля — *de Mons* — с фр. относящийся к горе;

2. соотносится с географией месторазвития личности : *mont* — гора, входит в состав названия родного города писателя Cler*mont*;

3. в анаграмматическое поле приращения смысла имени Louis de Mont*alte* включено латинское звучание знаменитой горы Пюи-де-Дом / *Le Puy-de-Dôme — ab Alto Monte*[353] — с лат. «от высокой горы, вершины», рядом с которой расположен Клермон;

4. *mont* перекликается с «парижским текстом» художественного мира Паскаля, в частности, с топосом церкви *Saint-Etienne du Mont* / Святого Стефана на горе. Важно вспомнить, что *Etienne* имя его отца, то есть составная часть и его имени собственного *Blaise-*

---

[351] Сикст V // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 томах.

[352] Sainte-Beuve. Pascal. Paris, 1962. p. 78.

[353] Abbé Margival. «Salomon de Tultie, anagramme de Louis de Montalte (ab Alto Monte, le Puy-de-Dôme) non sous lequel parurent les «Provinçiales». Pascal peut, sans grande vanité, faire remarquer que ce genre d'écrire n'a rien de commun avec la méthode scolastique». Цит. по: Bédier J. Pascal et Salomon de Tultie // Mélanges offerts à Gustave Lanson. Paris, p. 178-182, p. 180. note 1.

Etienne. Паскаль был прихожанином этой церкви. Здесь же он был погребен.

Поэтический фокус анаграммы соединяет в мифологему важнейшие пространственные характеристики, культурное и духовное «паскалевского текста». В псевдониме *Louis de Montalte* соединяются точки — провинция (Овернь, Клермон) и «парижский текст» (*Saint-Etienne du Mont*) — геометрии художественного мира. Писатель «Паскаль» создает стиль на напряжении между провинцией и «парижским текстом». Псевдоним складывается из сочетания топосов провинции — *mont*, *Le Puy-de-Dôme*, *Mons*, *Clermont* и «парижского текста», завершающего круг его становления. Элементами/кодом псевдонима *Louis de Montalte* Паскаль *анаграмматически* играет и, переставляя сегменты знака, определяет себя как автора.

В поэтике Паскаля нарождающаяся анаграмма соединяет риторическую форму («чисто механический эксцерпт из нее») с новым содержанием, которое нужно вложить в нее. По мысли В. Н. Топорова, анаграмма обращается к содержанию как «его сумма, итог, резюме». Но анаграмма выражает это содержание не словарно, «а как бы случайно выбранными точками текста». Иначе говоря «вверх (квинтэссенция) смысла соотносится с низом формы». Но все значение анаграммы состоит в том, что она «пробивает эту пустоту» между содержанием и формой, и позволяет осмыслить произведение[354].

Риторическое правило изживания собственного «я» ведет к выговариванию «я» сначала в интонациях изысканной анонимности, а затем к собиранию псевдонима и к последующему самоопределению свободного слова. Имя собственное автора «Pascal» не равно имени автора идеологического. Их разность подчеркнута псевдонимом, что создает систему отношений внутри «паскалевского текста».

---

[354] Топоров В. Н. Из исследований в области анаграммы // Структура текста — 81. Тезисы симпозиума. М.: Институт славяноведения РАН, 1981. с. 109-121. с. 110.

Паскаль использует псевдоним трижды. Первый раз — при создании «Писем к провинциалу», второй раз — в заглавии изложения открытий в области рулетты, которое появляется в виде отдельно изданной книги под псевдонимом A. Dettonville: «Lettres de A. Dettonville». *A. Dettonville*, как указывает Маргарита Перье, племянница Паскаля, «должен читаться как *Amos Dettonville / Амос Деттонвиль*, и является ни чем иным, как анаграммой Луи де Монтальта[355].

Третий раз Паскаль прибегает к псевдониму в «Мыслях». В L745/S 618 фрагменте появляется *Salomon de Tultie / Соломон де Тюльти*, под именем которого, по мнению Менара, желал спрятаться автор «Апологии». Обращают на себя внимание имена Амос и Соломон, что привносит очень важное библейское звучание в контекст произведений.

Единственный пример рассуждения Паскаля о себе как о писателе, также связан с этим псевдонимом:

L 745/S 618

«La manière d'écrire d'Epictète, de Montaigne et de Salomon de Tultie, est la plus d'usage, qui s'insinue le mieux, qui demeure plus dans la mémoire et qui se fait le plus citer, parce qu'elle est toute composée de pensées nées sur les entretiens ordinaires de la vie; comme, quand on parlera de la commune erreur qui est parmi le monde que la lune est cause de tout, on ne manquera jamais de dire que Salomon de Tultie dit que, lorsqu'on ne sait pas la vérité d'une chose, il est bon qu'il y ait une erreur commune, etc., qui est la pensée de l'autre côté»[356].

---

[355] Mesnard J. Lettres de A. Dettonville (décembre 1658- février 1659) // Pascal Bl. Les oeuvres complètes. T. IV. Texte établi, présenté et annoté par Jean Mesnard. «Desclée de Brouwer», 1992. p. 365.

[356] Sellier p. 1159.

L 745/S 618

«Манера писать Эпиктета, Монтеня и Соломона де Тюльти более всего в ходу, [она из тех], что проникает лучше [других], что остается дольше всего в памяти и становится самой повторяемой, ибо [она] вся состоит из мыслей, рожденных в повседневных разговорах жизни; вот если будут говорить об общем заблуждении, что бытует в свете — луна причина всего, то обязательно не преминут сказать, что Соломон де Тюльти говорит: что поскольку правда (истина) об этом явлении неизвестна, тогда хорошо, что есть общее заблуждение, и т. д., что [впрочем] с другой стороны тоже мысль» .

Думается, что перед нами классический «частный» (в сравнении с частотностью этого приема в литературе XX века), пример остранения от слова «странно»[357]. Непривычно, непонятно и для читателей XVII века выстроен ряд писателей — узнаваемые Эпиктет и Монтень, и неизвестный Соломон де Тюльти. При этом нарочито основной смысловой акцент ставится именно на его стиль и мнение, что дает «видение» стиля, а не его «узнавание» как в классических произведениях, дает «образ языка», столь характерный для романного слова[358].

«Странность» описания ведется от скрытого в авторе «простака». Здесь «пародийно-скептическое “снижение” общепризнанных эстетических авторитетов (прием освоения действительности) приводит к пародийному нарушению «канона»: «Манера писать <…>

---

[357] Смотри: Шкловский. Якушева Г. В. Остранение, остраннение // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Главный редактор и составитель А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2003. с. 704.

[358] Бахтин М. М. Из предыстории романного слова // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930-1961 гг.). Редакторы тома С. Г. Бочаров, В. В. Кожинов. М.: Языки славянских культур, 2012. с. 513-551; с. 516-517; с. 530.

Соломона де Тюльти более всего в ходу, [она из тех], что проникает лучше [других]», и буквально фиксирует процесс «обновления сигнала» — «остается дольше всего в памяти и становится самой повторяемой, ибо [она] *вся состоит из мыслей, рожденных в повседневных разговорах жизни* [курсив — К. К.]»[359]. Соломон де Тюльти учится приемам у Луи де Монтальта, так как его имя представляет собой анаграмму имени автора «Письма к провинциалу» Louis de Montalte / Salomon de Tultie, в котором «Соломон» равен мудрому библейскому царю, а «Тюльти» отсылает к заглавию и памяти жанра сатиры Эразма Роттердамского «Moriae Encomium, sive Stultitiae Laus» / «Похвальное слово Глупости»: «(S)Tultie = *Stultitia*). «Соломон де (С)Тюльти» — мудрый царь глупости, сумасбродства, а в пределе — безумия[360].

Художественный прием остранения, к которому прибегнул писатель, позволяет представить поэтику через тройную призму: 1. «я» собственное — «Pascal»; 2. призма Луи де Монтальта, выраженная в автоцитате «*la manière d'écrire de Salomon de Tultie*»; 3. сознание автора, знающего стиль/манеру Луи де Монтальта, (Амоса Деттонвилля) и Соломона де Тюльти: «*parce qu'elle est toute composée de pensées nées sur les entretiens ordinaires de la vie*» / «ибо (она) вся состоит из мыслей, рожденных в повседневных разговорах жизни»; ведущее диалог с собой и с читателем: «*qui est la pensée de l'autre côté*» / что (впрочем) с другой стороны тоже мысль», выдает иронию/самоиронию, освоенную автором.

Непосредственный, разговорный строй фразы, например, «что (впрочем) с другой стороны тоже мысль», также как и ре-

---

[359] Якушева Г. В. Остранение, остраннение // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Главный редактор и составитель А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2003. с. 704.

[360] Marin L. Un texte nommé "Pascal" // Marin L. «Pascal et Port-Royal». P., 1997. p. 23-24.

чевые конструкции (*la plus d'usage, les entretiens ordinaires de la vie*) выраженные в разговорной грамматике настоящего времени (*lorsqu'on ne sait pas la vérité d'une chose, qu'elle est toute composée*) и простого будущего времени (on parlera, on ne manquera), а не через грамматические формы письменной классической речи, характеризует непосредственность и прерывистость речевого потока[361]. Рассуждая о повседневных разговорах жизни с ее многоречивостью и многоязычием как источнике стиля, Паскаль, высказывается о романной составляющей собственного стиля. Для писателя, создававшего псевдонимы через анаграмматический диалог с месторазвитием и с «парижским текстом», существовало глубокое единство, заключенное в позиции автора и в общей композиции произведений.

В автоматической риторической смене псевдонимов каждый последующий текст оказывается непрямой цитатой предыдущего, а автор одновременно и одним из персонажей.

Анаграмматические построения псевдонимов превращают запрет на «я» в размышление о соотношении риторики и слова. Раскрывая лингвистическую игру автора «Писем к провинциалу» и «Мыслей» с псевдонимами, Марен проницательно подмечает, что в поэтике «паскалевского текста» «псевдоним суть апологетическая посылка [пропозиция, суждение]», где «[какой-нибудь] Эпиктет (антономазия[362]) есть стоический мудрец; [какой-нибудь] Монтень есть философ-пирронист. Соломон де Тюльти,

---

[361] Смотри: Сабанеева М. К., Щерба Г. М. Историческая грамматика французского языка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990.

[362] Гаспаров М. Л. «Антономазия — (греч. Antonomasia, от antonomázô — называю по-другому) — троп, относящийся к имени лица, разновидность синекдохи («галилеянин» вместо «Иисус» — род вместо лица; «Ментор» вместо «наставник» — лицо вместо рода) или перифраза («земли колебатель» вместо «Посейдон»)» // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Главный редактор и составитель А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2003. с. 42.

который возвышается над ними, безумный мудрец, совершенный христианин, царь милосердия, чья мудрость заключена в безумии: Иисус Христос»[363].

Таким образом, псевдоним, «эта риторическая фигура манеры писать», оставляет из риторики всё кроме риторики[364] (*«истинное красноречие смеется над красноречием»*) и становится проявлением внутренней формы авторского вольного слова Паскаля-писателя.

Анализ псевдонимов *Amos Dettonville/Louis de Montalte/Salomon de Tultie* показывает становление авторского «я» и представление Паскаля о себе как о писателе. Поэтический фокус анаграммы псевдонима писателя соединяет в мифологему пространственные характеристики его художественного мира и имеет выход в другие сферы «паскалевского текста»: к правилу изживания «я», к приему остранения, к внутренней форме авторского вольного слова.

ТЕМАТИКА «ПИСЕМ К ПРОВИНЦИАЛУ». ЦИКЛООБРАЗУЮЩИЙ ПРИНЦИП ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Как уже говорилось, у «Писем» нет единого получателя: первые десять адресованы к «провинциалу», «Письма» с XI по XVI предназначены для «Преподобных Отцов иезуитов», два последних «Письма» — лично отцу Анна. Полемика рождает подвижность замысла и взгляда автора. Тем не менее, каждый элемент соотносится автором с последующим и предыдущим хронологически и тематически.

---

[363] Marin L. Un texte nommé “Pascal” // Marin L. Pascal et Port-Royal. P., 1997. p. 23-24.

[364] Reboul O. Introduction à la rhétorique. PUF, 2009. p. 88-91.

Тематика задает параметры единства «эпистолярных единиц». Николь, также как и Арно, являясь соавторами Паскаля, объединили «в единое целое большое число цитат, извлеченных из разных авторов, а также из различных мест произведений одного и того же автора, связав воедино все вышеперечисленное естественным, нисколько не принудительным образом»[365].

«Риторика цитат»[366] свойственна «Письмам»: прямые цитаты из теологических сочинений иезуитов составляют почти 40% текста. Но если выбор цитат из трудов казуистов и Отцов Церкви принадлежит Николю и Арно, то их литературная оркестровка — Паскалю.

Абреже Николя-Вандрока излагают теолого-риторический слой смысла «Писем к провинциалу». Думается, что полнота перечисления тематических узлов, составленных Николем для перевода на латинский язык, задает подходы к тематике «Писем». Целесообразно привести абреже каждого из «Писем».

Письмо первое: «О прениях в Сорбонне и о ближайшей способности, к изобретению которой прибегли молинисты, чтобы добиться цензуры на Арно» [367]/ «*Des disputes de Sorbonne, de l'invention du* pouvoir prochain, *dont les molinistes se servent pour faire conclure la censure de M. Arnauld*» [368].

---

[365] Николь, П. Предисловие Вандрока // Паскаль Бл. Письма к провинциалу. Перевод О. И. Хомы. Киев: Port-Royal, 1997. с. 407-408.

[366] Fumaroli M. L'âge de l'éloquence. Rhétorique et «res literaria» de la Renaissance au seuil de l'époque classique. Genève: Droz, 2002.

[367] Паскаль Бл. Письма к провинциалу. Перевод с французского под редакцией А. И. Попова. Общая редакция О. И. Хомы. Киев: Port-Royal, 1997.

[368] Pascal Bl. Les Provinciales // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour "Les Provinciales". La Pochothèque. Paris, 2004. p. 265-594. Сноски к каждому «Письму» с указанием подзаголовков, сделанных Николем, в переводе на французский язык мадемуазель де Жонку (Mlle de Joncoux).

Письмо второе: «О довлеющей благодати» / «*De la grâce suffisante*».

Письмо третье: «Несправедливость, нелепость и незаконность цензуры на господина Арно» / «*Injustice, absurdité et nullité de la censure de M. Arnauld*».

Письмо четвертое: «О действующей благодати, всегда присущей, и о грехах неведения» /«*De la grâce actuelle toujours présente et des péchés d'ignorance*».

Письмо пятое: «О намерениях иезуитов при установлении новой морали». — Два рода казуистов среди них: большинство распущенных, меньшинство строгих; причина этой разницы. — Объяснение учения о вероятностях. — Большое количество новейших неизвестных авторов, заменяющих теперь святых отцов» / «*Dessein des Jésuites en établissant une nouvelle morale. Deux sortes de casuistes parmi eux : beaucoup de relâchés, et quelques-uns de sévères: raison de cette différence. Explication de la doctrine de la probabilité. Foule d'auteurs modernes et inconnus mis à la place des saints Père*».

Письмо шестое: «Разные уловки иезуитов, чтобы уклониться от авторитета Евангелия, соборов и пап. — Некоторые выводы из их учения о вероятности — послабления в пользу владельцев духовных мест, священников, монахов и слуг. — История Жана из Альбы» / «*Différents artifices des Jésuites pour éluder l'autorité de l'Evangile, des conciles et des papes. Quelques conséquences qui suivent de leur doctrine sur la probabilité. Leurs relâchements en faveur des bénéficiers, des prêtres, des religieux et des domestiques. Histoire de Jean d'Alba*».

Письмо седьмое: «О способе казуистов направлять намерение. — О разрешении убивать, чтобы защитить свою честь и благосостояние, которое они распространяют даже на священников и монахов. — Любопытный вопрос, предложенный Карамуэлем, а именно — позволительно ли иезуитам убивать янсенистов» / «*De la méthode de diriger l'intention, selon les casuistes. De la permission*

qu'ils donnent de tuer pour la défense de l'honneur et des biens, et qu'ils étendent jusqu'aux prêtres et aux religieux. Question curieuse proposée par Caramuel, savoir s'il est permis aux Jésuites de tuer les jansénistes».

Письмо восьмое: «Извращенные правила казуистов относительно судей, ростовщиков, договора Мохатра, банкротов, возвращения и т. д. — Различные странности тех же казуистов» / «*Maximes corrompues des casuistes touchants les juges, les usuriers, le contrat Mohatra, les banqueroutiers, les restitutions, etc. Diverses extravagances des mêmes casuistes*».

Письмо девятое: «О мнимом почитании Пресвятой Девы, которое ввели иезуиты. — Различные облегчения, придуманные ими, чтобы спасаться без труда и среди сладостей и удобств жизни. — Их правила относительно честолюбия, зависти, чревоугодия, двусмысленностей, мысленных оговорок, вольностей, разрешаемых девицам, женских одежд, игры, предписания слушать обедню» / «*De la fausse dévotion à la sainte Vierge que les Jésuites ont introduite. Diverses facilités qu'ils ont inventées pour se sauver sans peine, et parmi les douceurs et les commodités de la vie. Leurs maximes sur l'ambition, l'envie, la gourmandise, les équivoques, les restrictions mentales, les libertés qui sont permise aux filles, les habits des femmes, le jeu, le précepte d'entendre la messe*».

Письмо десятое: «Смягчения, внесенные иезуитами в таинство покаяния посредством правил относительно исповеди, епитимий, отпущения, ближайших поводов к греху, душевного сокрушения и любви к Богу» / «*Adoucissements que les Jésuites ont apportés au sacrement de pénitence, par leurs maximes touchant la confession, la satisfaction, l'absolution, les occasions prochaines de pécher, la contriction et l'amour de Dieu*».

Письмо одиннадцатое: «Писанное к Преподобным Отцам Иезуитам о том, что можно опровергнуть насмешками смешные ошибки. — о предосторожностях, которые надо принимать при этом; что они соблюдались Монтальтом и не были соблюдены иезуитами» /

«Qu'on peut réfuter par des railleries les erreurs ridicules. Précautions avec lesquelles on le doit faire; qu'elles ont été observées par Montalte, et qu'elles ne l'ont point été par les Jésuites. Bouffonneries impies du père Le Moyne et du père Garasse».

Письмо двенадцатое: «Опровержение придирок иезуитов относительно милостыни и симонии» / «Réfutation des chicanes des Jésuites sur l'aumône et sur la simonie».

Письмо тринадцатое: «О том, что учение Лессия о человекоубийстве то же самое, что и учение Виктории. — Насколько легко перейти от теории к практике. — Почему иезуиты прибегли к этому пустому развлечению, и насколько оно бесполезно для их оправдания» / *«Que la doctrine de Lessius sur l'homicide est la même que celle de Victoria. Combien il est facile de passer de la spéculation à la pratique. Pourquoi les Jésuites se sont servis de cette vaine distinction, et combien elle est utile pour les justifier».*

Письмо четырнадцатое: «Опровержение правил иезуитов о человекоубийстве, основанное на мнениях святых отцов. Возражения мимоходом на некоторые из их клевет и сравнение их учения с порядком, который соблюдается при разбирательстве уголовных дел» / *«On réfute par les saints Pères les maximes des Jésuites sur l'homicide. On répond en passant à quelques-unes de leurs calomnies, et on compare leur doctrine avec la forme qui s'observe dans les jugements criminels».*

Письмо пятнадцатое: «О том, что иезуиты исключают клевету из числа грехов и без зазрения совести прибегают к ней, чтобы очернить своих врагов» / *«Que les Jésuites ôtent la calomnie du nombre des crimes, et qu'ils ne font point de scrupule de s'en servir pour décrier leurs ennemis».*

Письмо шестнадцатое: «Ужасные клеветы иезуитов против благочестивых духовных лиц и монахинь святой жизни» / *«Calomnies horribles des Jésuites contre de pieux ecclésiastiques et de saintes religieuses».*

Письмо семнадцатое: «Адресованное его преподобию о. Анна, иезуиту. Разоблачением двоякого смысла в выражении «смысл Янсения» выясняется, что в церкви нет никакой ереси. — Единодушным признанием всех теологов и, главным образом, иезуитов доказывается, что авторитет пап и вселенских соборов не непогрешим в вопросах о факте» / «*On fait voir, en levant l'équivoque du sens de Jansénius, qu'il n'y a aucune hérésie dans l'Eglise. On montre, par le consentement unanime de tous les théologiens, et principalement des Jésuites, que l'autorité des papes et des conciles oeucuméniques n'est point infaillible dans les questions de fait*».

Письмо восемнадцатое: «Его преподобию отцу Анна, иезуиту. — Еще более неопровержимым образом доказывается, посредством самого ответа о. Анна, что в церкви нет никакой ереси; что все осуждают учение, которое иезуиты влагают в «смысл Янсения», и что, таким образом, все верные имеют одни и те же мнения по вопросу о пяти положениях. — Объясняется различие между спорами о праве и спорами о факте и доказывается, что в вопросах фактических следует сообразовываться более с тем, что видишь, а вовсе не с авторитетом людей, кто бы они ни были» / «*On fait voir encore plus invinciblement, par la réponse même du Père Annat, qu'il n'y a aucune hérésie dans l'Eglise; que tout le monde condamne la doctrine que les Jésuites renferment dans le sens de Jansénius, et qu'ainsi tous les fidèles sont dans les mêmes sentiments sur la matière des cinq propositions. On marque la différence qu'il y a entre les disputes de droit et celles de fait, et on montre que, dans les questions de fait, on doit plus s'en rapporter à ce qu'on voit qu'à aucune autorité humaine*».

Абреже подчеркивают тематическую симметрию «Писем». Тематика первых четырех «Писем» иллюстрирует характерные примеры филологических споров, возникших вокруг технического словаря теологии. Темой V, VI, VII, VIII, IX и X «Писем» стало опровержение морали иезуитов, XI, XII, XIII, XIV, XV и XVI «Письма» суть ответ защитникам новой морали. Особенной тематической полнотой

в данном сегменте выделяется «XI Письмо», содержащее апологию смеха Паскаля. Последние XVII и XVIII «Письма» обобщают прозвучавшие темы и доказательно показывают несостоятельность обвинений в ереси Янсения и Арно. Абреже Николя излагают риторический уровень смысла «Писем к провинциалу», доступный теологам-профессионалам. Широкого читателя захватили другие темы, темы, которые «состоят из мыслей, рожденных в повседневных разговорах жизни»[369].

В «Письмах» они формулируются в вопросах и в репликах персонажа де Монтальта по ходу диалогов с «янсенистом», «иезуитом» и «провинциалом», в обращениях к преподобным отцам иезуитам и к отцу Анна. Это темы заблуждения и обманутого ожидания; тема борьбы с инакомыслием; тема свободы слова и вероисповедования; тема о технологиях управления верующими и о технологии оклеветания; тема выгоды и власти; тема власти духовной и власти светской; тема сословного уклада общества и социальных последствий морали иезуитов; тема природы человека; тема ответственности человека; тема индивидуальной свободы; тема убийства; тема чести; тема войны; тема капиталистических отношений и христианской веры; тема Богородицы и женской природы (столь редкая для Паскаля); тема оправдания смеха; тема «Церкви на арене цирка»; тема о соотношении речи, языка и риторики; тема ереси; тема научного знания.

Далеко не полный перечень тематических единств ««Писем к провинциалу»» создает поле официальных и неофициальных вопросов и ответов, обсуждавшихся во французском королевстве.

Тематическая симметрия задает композиционную целостность «Писем», казалось бы, написанных по случаю. Повествовательная перспектива намечается уже в «I Письме». Монтальт сообщает об условной возможности продолжения: *Если этот рассказ Вам*

---

[369] Sellier p. 1159.

нравится, я продолжу сообщать Вам обо всем, что произойдет / Si ce récit ne vous déplaît pas, je continuerai de vous avertir de tout ce qui se passera[370]. Во «II Письме» развивается тема о разногласиях между молинистами и «янсенистами», рассмотренная в «I Письме». Тема следующего «Письма» объявляется в предыдущем. В IV и в V «Письмах» автор напоминает об обещании, данном в предыдущем послании:

> Милостивый Государь! Исполняю свое обещание: вот в общих чертах мораль добрых отцов иезуитов, «этих людей, выдающихся своей ученостью и благомыслием, руководимых божественной мудростию, которая надежнее всякой философии»[371] / *Monsieur, Voici ce que je vous ai promis: voici les premiers traits de la morale des bons Pères Jésuites, de ces hommes éminents en doctrine et en sagesse qui sont tous conduits par la sagesse divine, qui est plus assurée que toute la philosophie*[372]*;*

> Милостивый Государь! В конце предыдущего письма я сказал Вам, что добрейший отец иезуит обещал изложить, каким образом казуисты согласуют противоречия между своими мнениями и решениями пап, соборов и св. Писания [373] / *Monsieur, Je vous ai dit à la fin de ma dernière lettre, que ce bon Père jésuite m'avait promis de m'apprendre de quelle sorte les casuistes accordent les contrariétés qui se rencontrent entre leurs opinions et les décisions des papes, des conciles et de l'Ecriture*[374].

Переходность от одного «Письма» к другому имеет не только линейно-хронологический порядок. Тематически цепь выстраивает-

---

[370] Lettre I, p. 279.

[371] Письмо пятое, с. 102.

[372] V Lettre, p. 327.

[373] Письмо шестое, с. 121.

[374] VI Lettre, p. 347-348.

ся на длинных периодах. Так, тема «IV Письма» о «довлеющей благодати, которой недостаточно» обсуждалась уже во «II Письме»; содержание «XV Письма» о клевете вызревает в рассказах из XI и XII «Писем». В «XVIII Письме», размышляя о жестокой борьбе между истиной и насилием, автор отсылает — *Je vous l'ai dit ailleurs* / Я уже говорил Вам об этом к заключительному пассажу из «XII Письма»[375].

Целостность прослеживается автором внутри каждой «эпистолярной единицы», внутри групп «Писем» и во всем произведении. Это и составляет закон и целостность цикла. Общность тематики, сюжетно-динамическое единство целого, диалектика отношений части — «эпистолярной единицы», «18 маленьких элементов, <…> каждый [из которых] наполнен своей автономией [смысла]»[376], и целого — «Писем» с учетом контекста их становления и взгляда автора на их целостность, позволяют рассуждать о циклообразующих признаках поэтики «Писем к провинциалу»[377].

Таким образом, каждое «Письмо» может быть прочитано как отдельная глава в законченном литературном произведении. По своему пафосу и собственно художественной наполненности — это разные главы. Первые десять «Писем», адресованные «провинциалу» — на-

---

[375] Ferreyrolles G. «Les Provinciales» et la littérature // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour "Les Provinciales". La Pochothèque. Paris, 2004. p. 232.

[376] Mesnard , J. Prélude à l'édition des «Provinciales» // Treize étides sur Blaise Pascal. PUBP, Clermont-Ferrand, 2004. p. 96-97.

[377] Смотри: Ляпина Л. Е. Циклизация в русской литературе 1840-х-60-х гг. Автореф. Дис. на соиск. степ. докт. филол. наук. СПб., 1995. с. 4-5; Гиршман М. М. Художественная ценность и ритм литературного произведения // Избранные статьи. Художественная ценность. Ритм. Стиль. Диалектическое мышление. Донецк, 1996. с. 14; Sloane D. A. Aleksandr Blok and the dynamics of the lyric cycle. Slavica Publishers, Inc., 1988, Columbus Ohio. p. 10: «Every cycle is both a text and a group of separate texts, and these conflicting truths set in motion a dialectic that can never be fully reconciled».

иболее литературно-художественны из всех восемнадцати. Изменение коммуникативной перспективы в XI–XVI «Письмах» со сменой адресата на «преподобных отцов иезуитов» влияет на стиль и жанровые признаки «Писем». Последние «Письма», обращенные к отцу Анна, могут быть прочитаны как послания в духе раннего христианства.

«Письма» демонстрируют «прерывистую непрерывность» («*la continuité du discontunu*»)[378], свойственную художественному мышлению Паскаля. Тот же самый прием найдет полное выражение в «Мыслях», где диалектика части и целого станут основой поэтики апологии.

ПЕРСОНАЖИ И ОБРАЗЫ «ПИСЕМ К ПРОВИНЦИАЛУ»

Определение и разграничение персонажа и образа давнее и не вполне решенная задача современного литературоведения. С точки зрения разграничения образа и персонажа как «субъекта действия», «действующего лица», а также «субъекта речи»[379], собственно персонажи присутствуют только в десяти первых «Письмах»:

1. «г-н N, теолог из Наваррской коллегии, живущий рядом с автором письма, «ярый противник янсенистов», / *M. N., docteur de Navarre, qui demeure près de chez moi, < ... > des plus zélés contre les jansénistes*[380];
2. «янсенист», каких поискать, и, тем не менее, очень хороший человек / *janséniste, s'il y en eut jamais, et pourtant fort bon homme*[381];

---

[378] Ferreyrolles G. Opus. cit. p. 231.

[379] Тамарченко Н. Д. Статья «Герой литературный» // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Глав. ред. и составитель А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2003. с. 177.

[380] Lettre I, p. 269-270.

[381] Lettre I, p. 271.

3. последователь г-на Лемуана / *un des disciples de M. Le Moyne*[382];

4. якобинцы, они же новые томисты / *Jacobins, des nouveaux thomistes*[383];

5. г-н N, наш давнишний друг, < ... > весьма осведомлен в современных вопросах, знает в совершенстве тайну иезуитов, у которых он принят во всякое время и знаком с самыми важными из них / *M. N., notre ancien ami, < ... > il est très informé des questions du temps, et il sait parfaitement le secret des Jésuites, chez qui il est à toute heure, et avec les principaux*[384];

6. один из моих близких друзей, большой янсенист / *un de mes bons amis, grand janséniste;*

7. один из моих новых томистов / *un des mes nouveaux thomistes*[385];

8. один весьма сведующий человек / *un fort habile*[386];

9. один иезуит, один из самых сведующих / *un des plus habiles*[387]; наконец,

10. один хороший казуист из их Общества / *un bon casuiste de la Société* [388].

Главным героем по степени участия в действии, «носителем точки зрения на действительность, на самого себя и других персонажей»[389], можно назвать Луи де Монтальта. О его имени и об авторстве читатель узнает только из заглавия произведения. Монтальт,

---

[382] Lettre I, p. 275.

[383] Lettre I, p. 276.

[384] Lettre II, p. 280.

[385] Lettre II, p. 284.

[386] Lettre III, p. 302.

[387] Lettre IV, p. 309.

[388] Lettre V, p. 334.

[389] Тамарченко Н. Д. Там же. с. 177

желая узнать «доподлинную правду» о спорах в Сорбонне, встречается «с якобинцами, докторами богословия, со всякого рода людьми», знакомится с иезуитами для «полноты познаний» / *j'ai bien vu des Jacobins, des docteurs et de toute sorte de gens*[390], у него друзья «из всех партий» / *j'en ai de tous les parties*[391].

В первом же «Письме» персонажи «высыпают как горох» на улицы Латинского квартала для ответов на вопросы Монтальта. В дальнейшем писатель использует романный прием перехода/хождения персонажей из пространства одного письма-рассказа в другое. Об их внешности, возрасте, характерах мало, что можно узнать из повествования. Скорее это типажи, узнаваемые современниками Паскаля, за которыми прочитывались прототипы. Прежде всего, это образованные монахи разных орденов, например, один из новых томистов, к которому главный герой испытывает жалость:

> «Вам легко говорить, сказал он. — Вы человек свободный и светский, я — монах и принадлежу к обществу. Разве вы не можете взвесить разницу? Мы зависим от настоятелей, они зависят еще от кого-то. Они обещали наши голоса: что ж хотите вы, чтобы я тут поделал?» <…> «Он сказал это нам так грустно, что мне стало его жалко» /
> *Vous en parlez, dit-il, bien à votre aise. Vous êtes libre et particulier; je suis religieux et en communauté. N'en savez-vous pas peser la différence? Nous dépendons des supérieurs; ils dépendent d'ailleurs. Ils ont promis nos suffrages; que voulez-vous que je devienne? <…> Il nous cela si tristement, qu'il me fit pitié…* [392].

Или «большой янсенист,» — серьезный, суровый, непримиримый по отношению к новым томистам и к иезуитам:

---

[390] Lettre IV, p. 309.

[391] Lettre II, p. 284.

[392] Lettre II, p. 289-291.

«Но мой товарищ не сжалился над ним [новым томистом] и сказал ему: — Не обманывайтесь, что вы спасли истину: если бы у нее не было других покровителей, она погибла бы в таких слабых руках. Вы допустили в церковь имя ее врага: это все равно, что допустить самого врага. Имена неотделимы от предметов» <…> Объяснение ваше будет ненавистно свету, там говорят более искренно о предметах менее важных: иезуиты восторжествуют; установленной будет считаться их благодать, довлеющая на деле, а не ваша, довлеющая только по имени; из того, что противоречит вашим верованиям, создадут догмат веры /

Il nous dit cela si tristement, qu'il me fit pitié, mais non pas à mon second, qui lui dit: Ne vous flattez point d'avoir sauvé la vérité; si elle n'avait point eu d'autres protecteurs, elle serait périe en des mains si faibles. Vous avez reçu dans l'Eglise le nom de son ennemi: c'est y avoir reçu l'ennemi même. Les noms sont inséparables des choses. <…> Votre explication serait odieuse dans le monde; on y parle plus sincèrement des choses moins importantes: les Jésuites triompheront; ce sera en effet leur grâce suffisante qui passera pour établie, et non pas la vôtre, qui ne l'est que de nom, et on fera un article de foi du contraire de votre créance[393];

он жарко и жестко спорит с оппонентами и свободен в своих речах: он наговорил бы еще больше, потому что все более и более горячился. Но я прервал его… / *Il en eût bien davantage, car il s'échauffait de plus en plus; mais je l'interrompis*[394]…

Именно он, «большой янсенист», оказывается верным другом, помогающим Монтальту в поисках истины. Он появляется во «Втором Письме», сопровождает Монтальта к новым томистам и иезуи-

[393] Lettre II, p. 291-292.

[394] Lettre II, p. 293.

там в IV и V «Письмах», высказывая в диалогах свою точку зрения. «Верный янсенист» направляет пытливого Монтальта «повидаться с этими честными отцами» и перепоручает его «одному хорошему казуисту из их Общества / *un bon casuiste de la Société*, чтобы Монтальт «заметил в распущенности их морали причину их учения о благодати» и увидел, что «христианские добродетели им совершенно неизвестны и совершенно лишены у них любви, которая есть душа их и жизнь», чтобы он встретил «там столько смягченных преступлений и столько терпимых беззаконий», чтобы находить «странным, когда они защищают мнение, согласно которому все люди обладают всегда благодатью довлеющей, чтобы жить в благочестии, как они его понимают. Так как мораль их языческая, то и достаточно одних естественных сил, чтобы соблюдать ее» /

> *Allez donc, je vous prie, voir ces bons Pères, <...> vous remarquerez aisément, dans le relâchement de leur morale, la cause de leur doctrine touchant la grâce. Vous y verrez les vertus chrétiennes si inconnues et si dépourvues de la charité, qui en est l'âme et la vie ; vous y verrez tant de crimes pailliés, et tant de désordres soufferts, que vous ne trouverez plus étrange qu'ils soutiennent que tous les hommes ont toujours assez de grâce pour vivre dans la piété de la manière qu'ils l'entendent. Comme leur morale est toute païenne, la nature suffit pour l'observer*[395].

В отличие от других персонажей «янсенисту» свойственно страдание за происходящее в Сорбонне и в Церкви: Вот каким образом он говорил со мной, обнаруживая при этом признаки видимого страдания, поскольку его огорчают очень серьезно все эти беспорядки / *Voilà comment il me parla, et avec beaucoup de douleur;car il s'afflige sérieusement de tous ces désordres*[396].

---

[395] Lettre V, p. 333.

[396] Lettre V, p. 334.

Самыми «бесподобными» персонажами оказываются иезуиты:

> Иезуиты бесподобны! Видал я и якобинцев, и докторов богословия, и всякого рода людей: только знакомства с иезуитами недоставало мне для полноты моих познаний. Другие только подражают им /
>
> *Ils n'est rien tel que les Jésuites. J'ai bien vu des Jacobins, des docteur et de toute sorte de gens; mais une pareille visite manquait à mon instruction. Les autres ne font que les copier*[397].

В «Письмах» действуют два персонажа «иезуита»[398]. Первый появляется в «IV Письме»: и так я познакомился с иезуитом, одним из самых сведущих / *J'en ai donc vu un des plus habiles*[399]; он любезен и очень охотно отвечает на вопросы Монтальта, потому что *любит людей любознательных / Très volontier, me dit-il; car j'aime les gens curieux*[400]; он — высоко образован и широко начитан в предмете сорбоннического спора, умно и решительно ведет диалог, задавшись целью убедить Монтальта в правильности толкований. Монтальт поддается его интеллектуальному очарованию, однако, реплики «янсениста», участвующего в беседе, заставляют его усомниться в истинности предложенных толкований. Второй персонаж из стана иезуитов — казуист, один из моих старинных знакомств, которое я пожелал нарочно возобновить / *un bon casuiste de la Société. C'est une de mes anciennes connaissances, que je voulus renouveler exprès*[401] беседует с Монтальтом на протяжении пяти «Писем». Он также терпеливо, любезно и последовательно отвечает на вопросы и воз-

---

[397] Lettre IV, p. 309.

[398] Настолько сильна коннотативная память слова «иезуит» в русском языке, что в подобном сочетании «персонаж-иезуит» актуализируется нарицательный смысл, а не переносный.

[399] Lettre IV, p. 309.

[400] Lettre IV, p. 310.

[401] Lettre V, p. 334.

ражения. Оппозиция персонажей янсениста и казуиста важна для стратегии убеждения читателя.

Кроме монахов, в «Письмах» есть светские персонажи: Монтальт и один весьма сведующий человек / *un fort habile*[402] как называет его автор. Этот персонаж появляется единожды в «III Письме». После принятой цензуры на Арно, Монтальт простодушно испугавшись,

> «как бы <…> не оказаться в противоречии с учителями церкви, если [будет] слишком близко держаться учения докторов Сорбонны <…> счел необходимым посоветоваться с одним из тех, кто из соображений политичности оставался нейтральным <…> чтобы узнать от него всю правду» /
> *<…> j'ai eu peur, en ne la voyant pas, de me rendre contraire aux docteurs de l'Eglise, pour me rendre trop conforme aux docteurs de Sorbonne; et dans cette crainte, j'ai jugé nécessaire de consulter un de ceux qui, par politique, furent neutres dans la première question, pour apprendre de lui la chose véritablement.*

Он необходим автору для стороннего взгляда на теологические вопросы, связанные с повседневной жизнью, озвучивает речь и высказывает мнение общества «*honnêtes gens*»/«благовоспитанных людей». Из его уст звучит слово «народ», именно он раскрывает суть сорбоннического спора и описывает технологию власти в Церкви и борьбы с инакомыслием. В его речи звучат интонации общественного неповиновения:

> *— Если бы вы понимали дух народа, — сказал мне мой ученый, — вы говорили бы иначе. Цензура их, как она ни заслуживает цензуры, произведет на время почти все свое действие, и хотя несомненно, что путем доказательств ее неосновательности, выясняет ее значение, верно также и то, что на большинство умов она произведет сначала*

---

[402] Lettre III, p. 302.

такое же сильное впечатление, как если бы она была совершенно справедлива. Лишь бы кричали на улицах: «Вот цензура на г-на Арно, вот осуждение янсенистов!» — и иезуиты свое получат. Как мало людей, которые прочтут ее! Как мало среди последних тех, кто, прочитав, поймет ее! Как мало таких, которые заметят, что она не удовлетворяет возражениям! Неужели вы думаете, что кто-нибудь примет это к сердцу и станет основательно расследовать? Вы видите, стало быть, сколько в этом пользы для врагов янсенистов. <...> Они живут со дня на день. Так держались они и до сих пор: то при помощи катехизиса, где ребенок осуждает их противников, то при помощи процессии, в которой довлеющая благодать ведет за своей триумфальной колесницей благодать действенную, то посредством комедий, в которой черти уносят Янсения, другой раз при помощи календаря, а теперь посредсвтом этой цензуры». <...>И, таким образом, подивитесь на махинации молинизма, которые производят чудовищные перевороты в церкви, что то, что считается католическим у отцрв церкви, становится еретическим у г-на Арно; что то, что было еретическим у полупелагиан, становится ортодоксальным в писаниях иезуитов; что столь древнее учение св. Августина объявляется невыносимым новшеством, а новые выдумки, которые каждый день сочиняются на наших глазах, выдаются за древнее учение церкви.

Из его речи Монтальт делает простой и убедительный до комизма вывод о том, что «*есть ересь нового рода. Это личная ересь. Еретик он не за то, что он говорил или писал, а только за то, что он г-н Арно. Вот все, что достойно порицания в нем. Чтобы он ни делал, пока он не перестанет существовать, он никогда не будет добрым католиком. Благодать*

св. Августина никогда не будет истинною, пока он будет защищать ее. Она сделалась бы таковою, если бы он вздумал опровергать ее. Это было бы верным приемом и почти единственным средством установить ее и разрушить молинизм: столько несчастья приносит он тем мнениям, которые защищает»[403].

Хотя персонажи имеют наметки психологических черт, но каждый из них, прежде всего, есть речевая форма, образ чужого/другого языка/стиля, который в «системе авторской речи (речи, которую мы постулируем) взят в интонационные кавычки, именно — пародийно-иронические»[404]. Речь — главное свойство персонажей «Писем к провинциалу». В ней содержится образ «другого», чужого для иезуитов, своего для ревнителей благочестия из Пор-Рояля.

Вектор движения речи каждого персонаж направлен к главному герою — Монтальту, который знает, как вступить в диалог с каждым из них.

СТИЛЬ «ПИСЕМ К ПРОВИНЦИАЛУ»

Пародийное сочетание высокой (официальной) теологической тематики с профанной событийностью, с «современностью в ее специфичности», литературного и нелитературного языков задает жанровую перспективу «намеренного диалогизованного [стилистического] гибрида»[405], в которой эти темы могут быть произнесены,

---

[403] III Письмо, с. 79-84.

[404] Бахтин М. М. Из предыстории романного слова // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930-1961 гг.). Редакторы тома С. Г. Бочаров, В. В. Кожинов. М.: Языки славянских культур, 2012. с. 516.

[405] Бахтин М. М. Из предыстории романного слова // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930-1961 гг.). Редакторы тома С. Г. Бочаров, В. В. Кожинов. М.: Языки славянских культур, 2012. с. 545.

раскрыты и поняты. Форма диалога, выбранная для десяти «Писем», направлена на убеждение его участника в истинности точки зрения автора. В этом есть примета французского XVII века. «Диалог», «беседа» становятся одним из основных литературных явлений столетия.

Обилие написанных на французском языке произведений в диалогической форме не способствовало, по мысли Селье, нахождению тонкого равновесия стиля в духе диалогов Платона во французском XVII веке. Исключение составляют «Письма к провинциалу».

Хотя еще предстоит доказать влияние произведений Платона на «Писем к провинциалу» и выверить платоновский круг размышлений Паскаля в «Мыслях», все же уловимо, что «Маленькие письма» укладываются в схему платоновского диалога: от вероятного прийти к истинному, к Откровению. Защитники «вероятного» в большинстве своем принадлежат к ордену Иезуитов, которые «научились у Аристотеля довольствоваться правдоподобием в риторике и <…> разрабатывают этику, в которой обходятся малым»[406]. Паскаль отвечает на «примиренчество» четко и ясно: «Мне не достаточно вероятного, я ищу верного» / «*Je ne me contente pas du probable, je cherche le sûr*»[407].

Диалог пульсирует сократовской иронией, рождающейся из вопросно-ответного метода, в котором чувствуется «семантическое биение греческих глаголов eïrôtan (спрашивать) и eïrôneueïstaï (прикидываться простачком, простаком)»[408].

У Паскаля, как и у Платона, есть тяготение к естественной драматизации, к режиссированию. Особенность диалогов в «Письмах к Провинциалу» — краткость, короткий, быстро разви-

---

[406] Les premières «Provinciales» et le dialogue d'idées au XVIII siecle // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. I. Pascal. Paris: Honoré Champion, 1999. p. 149.

[407] Lettre V. p. 84.

[408] Sellier Ph. Opus cit. p. 149.

вающийся диалог с исключительным напряжением. «Паскаль изобрел еще не известную до этих пор форму, соединив диалог и письмо с быстротой журналистского стиля: “Провинциалии” имеют формат (размер) (in-4*) и число страниц (восемь, иногда двенадцать) “Газетты”, запущенной в оборот Теофрастом Ренодо в 1631. Автор играет в корреспондента прессы, осведомляющего провинцию, и вводит в текст разные журналистские приемы: краткие новости последнего часа, почта читателей. Наконец, появился Платон, подходивший к французской “нетерпеливости”»[409].

Система убеждения не только доказывает истинность точки зрения автора, но и помогает неискушенному в теологических вопросах читателю разобраться в сути происходящего спора и одновременно поддержать точку зрения автора через удовольствие одобрительного смеха.

Приемы создания комического, которые использует Паскаль в вымышленном диалоге с «провинциалом», разнообразны:

Игра слов: «Je vous laisse cependant dans la liberté de tenir pour *le mot prochain ou non*; car j’aime trop *mon prochain* pour le persécuter sous ce prétexte» («I Письмо»);

Намеки на действие «Писем» на публику: удивление, что книги иезуита Эскобара после опубликования пяти «Писем» стало трудно найти:

> — Я не имею никакого понятия обо всем этом, — сказал я.
>
> — Вы, стало быть, не читаете вовсе Эскобара?
>
> — Я имею его только со вчерашнего дня, да и то мне стоило большого труда найти его. Не знаю, что такое случилось недавно, но все его ищут («VI Письмо»);

---

[409] Sellier Ph. Les premières «Provinciales» et le dialogue d’idées au XVII siècle // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. I. Pascal. Paris: Honoré Champion, 1999. p. 150.

Несоответствие между тем, что слышат и тем, что видят, эффект возникает от понимания, что гора родила мышь. С этой точки зрения, комическое присутствует во всем произведении: так, «I Письмо» показывает ничтожность споров в Сорбонне; «XVIII Письмо» — доказывает несостоятельность аргументации отца Анна против теологический построений Янсения.

Несоответствие мнения христианского общества о ценности моральных положений отцов-иезуитов и их истинного, абсурдного и антихристианского смысла. Монтальт сопровождает это фразой: «О, как это забавно!» (V, XII «Письма»);

Ложная хвала (и литота): «великий» Санчес («XII Письмо»), «великий» Мейнье («XVI Письмо»), «серьезный» Лессиус («XIV Письмо»);

Ирония: ирония риторическая — автор или персонаж говорят не то, что думают, давая читателю возможность понять, то, что они на самом деле думают, засыпают собеседника «наивными» вопросами. Этот прием позволяет продолжать диалог и показывать ложность точки зрения противника (IV, V «Письма»). Иезуит «не слышит» (и не может слышать в силу своей позиции в диалоге и системе убеждения) иронии автора, он находится в плену буквального смысла высказываний последнего, что ставит читателя в тупик. Метод и ирония напоминают сократический диалог (V, VIII «Письма»). Ирония заключается в том, что главные аргументы против морали пробабилизма доставляют Паскалю сами иезуиты, что уже рождает сарказм. «Хотим ли мы быть умнее наших наставников?» («III Письмо»).

История с «Провинциалиями», произведения, отвечающего глубинным тенденциям французского ума и вкуса, также проявление конфликта, происходившего в литературы Франции первой половины XVII века.

Сочетание риторического слова и свободного слова, свойственное литературе Нового времени, прослеживается в истории создания и в идейно-художественном содержании «Писем». Нехарактерная

прежде для Паскаля заявка на литературное авторство явна в следовании литературной традиции Рабле и Монтеня, в использовании приемов менипповой сатиры, в близости Паскаля к интеллектуальной прозе своего времени.

Литература в «Письмах к провинциалу» превосходит собственно литературу, становится разговором о «будущем человечества, ибо развращенность иезуитов в случае распространения в среде священников», стала бы, по Паскалю, «концом мира, равно, как и концом Церкви»[410].

[410] Ferreyrolles G. «Les Provinciales» et la littérature // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers". Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour "Les Provinciales". La Pochothèque. Paris, 2004. p. 250.

ГЛАВА 4

ПОЭТИКА «ПРЕРВАННОГО ТЕКСТА»

Поэтика прерванного текста «Мыслей»[411], требует обращения к рукописному наследию Паскаля, тестологические характеристики которого как «единого текста» были даны в первой главе.

Подобные примеры в европейской литературе не столь часты. Во всех случаях присутствует высокая идея победы Божьего промысла над греховностью жизни. Автор берет на себя непосильную задачу исправить грешную природу человека и своекорыстия материального бытия, предписанных человеку самой природой при отпадении от Бога. Темы Ветхого и Нового завета, справедливого суда и способности полюбить ближнего как самого себя воплощаются в идеи Совести и Любви. Вселенское зло, дантовский Люцифер, мильтоновский Сатана — враги грозные и коварные, обретающие в веках признаки скуки, суеты и непостоянства. Мнимое величие теологов, толкующих о высшем благе не менее разъедают души и соблазняют человека, как и враги Нового и Новейшего времени, предполагающие свои развлечения и жалкие соблазны.

---

[411] Susini L. La lumière et le feu/ La "vraie éloquence" à l'oeuvre dans les "Pensées" de Pascal / 3.3 Fragmenter. Thèse pour obtenir le grade de docteur de l'université Paris IV. 2005. p. 722-753.

Через 200 лет после Паскаля Гоголь увидел подобное зло и захотел спасти мертвые души.

«Божественная комедия» Данте, эпос Мильтона, оказались принципиально незавершенными, точнее сказать, незавершаемыми. Бальзак в «Человеческой комедии» в поисках трех форм бытия называет рядом с мужчиной и женщиной, вещи, пытаясь противопоставить буржуазному расчету идеи Бога и дворянской чести. При масштабной разности созданий человеческого духа их сходство видится в присутсвии идеи человека на пути к Богу, при том пути заданного через препятствия, через становление, в том числе через становление собственной природы человека, которая в христианской доктрине приобретает определение испорченной. Борьба добра и зла происходит в душе человека, что делает прерванный текст трагедией.

Масштабы всемирной исторической битвы оказались столь велики, что ни один художник не сумел решить задачу, создать собственный завершенный текст.

«ПРЕРВАННЫЙ ТЕКСТ»

Прерванный текст требует особого внимания к лаборатории писателя. Давая определение «замысла», академик Д. С. Лихачев настаивал на том, что он не существует в готовом и вполне законченном виде, он «меняется по мере своего воплощения в тексте. Об этом как раз и свидетельствуют черновики и корректуры автора. Замысел, по мере своего воплощения, начинает оказывать обратное воздействие на автора, вводит его в свою внутреннюю логику. <…> Замысел меняется — соответственно меняет свое направление и авторская воля. А вот особенность заключается в незаконченном состоянии текста. В таких случаях особенно трудно говорить о степени интенсивности проявления авторской воли в тексте. Ясно одно, что воля автора не статична, а динамична. В данном случае перемены

воли автора могут быть творческими — авторскими или условно нетворческими, когда творцами текста становятся составители редакций текста и издатели»[412].

Все это справедливо и для писательской лаборатории Паскаля, в «едином тексте» которого особая роль принадлежит «Мыслям». Именно здесь получает продолжение диалогическая поэтика «Писем к провинциалу».

Важно отметить, что в «Письмах к провинциалу» Паскаль уже остро и ясно изложил трудный сюжет о благодати, художественно разрешенный через форму диалога и жанр письма.

Паскаль-писатель, автор «Писем к провинциалу», переживает творческое развитие, размышляет над искусством слова и риторикой убеждения, начиная с 1656 года, особенно много пишет. По мере написания «Писем к провинциалу» стиль Паскаля изменяется, он достигает стилистических высот, саморефлексии, преодолевающих рамки риторики, сложившиеся к XVII веку. В отличие от Декарта, в риторике Паскаль — автодидакт. Он не учился в коллеже и не был скован риторическим образованием, рожденным из юридических и политических споров. Его изучение традиции риторики связано с чтением диатриб Эпиктета, эпиграмм Марциала, опытов Монтеня, речей Шаррона и более всего Святого Августина. Как известно, Паскаль внимательно изучал его трактат «О христианском учении»[413]. Диалог риторики и веры, связанные с ним размышления о природе слова, становится особенностью стиля, которая отличает создателя «Писем к провинциалу» от автора «Мыслей» [414].

---

[412] Лихачев Д. С. Текстология. Часть первая. Глава III. Основные понятия истории текста. Замысел и воля автора. СПб., 2001. с. 148-150.

[413] Sellier Ph. Pascal, lecteur de «La doctrine chrétienne» // Sellier Ph. Pascal et saint Augustin. Paris : Albin Michel, 1995. p. 558-566.

[414] Desmorest J.-J. Pascal écrivain. Etude sur les variantes de ses écrits. P.: Les éditions de Minuit, 1957. p. 71-72.

«Паскалевский текст», как известно, завершается «Мыслями». Хотя «Мысли» — текст неоконченный, его можно отнести к образцовым произведениям. Неслучайно С. С. Аверинцев замечает, что «Мысли» — книга, которая осталась незавершенной не только из-за смерти автора, но и по «каким-то собственным внутренним законам: с точки зрения традиционной концепции жанра книга без жанра, книга несделанная, несостоявшаяся, так сказать, некнига, нелитература, которая, однако, оказалась самым жизненным шедевром века»[415]. Пограничное состояние произведения, выделенное С. С. Аверинцевым, как оппозиция книга без жанра, несделанная, несостаявшаяся / некнига, нелитература с точки зрения жанровых теорий Нового времени, как раз заключает в себе возможность рассуждения о соотношении «текста» и «произведения» в поэтике Паскаля. Внутренние собственные законы незавершенности отсылают к особенностям литературного процесса XVII века. В частности, к диффузности «прозаических» жанров, содержащих разные виды письменной художественной и нехудожественной речи, а также приемы разговорной речи. Речь, погруженная в жизнь, не может быть завершена. Ее онтологическая незавершенность влияет на литературное произведение как таковое. Рассуждая об отношении прозы к поэзии, Ю. М. Лотман полагает, что «разговорная речь <…> равняется тексту, художественная проза = тексту + “минус-приемы” поэтически условной речи». При этом «прозаическое произведение не равно тексту».

С одной стороны есть материальный текст, рукописи Паскаля, «одна из образующих сложной художественной структуры», «один

[415] Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. с. 104-116; с. 113.

из компонентов художественного произведения»[416]. Собственно художественным произведением, произведением литературы его делают идейно-эстетические представления, например, его первых издателей, введших «Мысли» в ореол литературы XVII века. Посмертное издание «Мыслей» (1669/1670) появляется в окружении произведений, ставших образцовыми: «Максим» (1665) Ларошфуко, первого сборника «Басен» (1668) Лафонтена, «Тартюфа» (1669) Мольера и «Речью на смерть Генриетты Английской» (1669) Боссюэ.

Это сопоставление текста (части) с художественным произведением (целым) определяет художественный эффект «Мыслей» и их место в истории литературы и их рецепцию.

ЖАНР «МЫСЛЕЙ»

Внутренний закон незавершенности заключен в понимании природы слова. «Мыслям», как тексту в становлении, присуща открытость и полижанровость, свойственная романному слову. Включение «Мыслей» в контекст изучения проблем поэтики позволяет вести речь о предыстории романного слова в самом широком смысле.

Замысел произведения принято относить к 1648 году, ко времени первого религиозного обращения Паскаля. Начало работы над произведением относится к 1657 году, когда история с «Письмами к провинциалу» достигла пика.

Рассуждая о жанре, в котором мог быть написан последний паскалевский текст, часто упоминают о жанре «апология». Отсюда и второе гипотетическое название произведения — «Апология христианской религии» / *Apologie de la religion chrétienne*.

---

[416] Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб, 2011. с. 37-38.

Слово «апология» отсутствует в произведении Паскаля. Возможно значение слова, бытовавшее в XVII веке — книга или речь, написанная в оправдание кого-либо / *un livre ou discours fait pour justifier quelqu'un*[417] в полной мере не отвечало замыслу автора. Однако свидетельства современников, история замысла вкупе с многочисленными фрагментами текста позволяют вписать эту незаконченную книгу в контекст литературного и теологического жанра апологии.

Понятие апология/*apologie* отсылает к евангельскому тексту Первого Послания апостола Петра (III, 15), сочиненного на греческом языке и известного Паскалю в переводе Святого Иеронима: III, 15,: *Dominum autem Christum sanctificate in cordibus vestris, parati simper ad satisfactionem omni poscenti vos rationem de ea quae in vobis est spe* [418]. Примечателен перевод Послания на французский язык, выполненный Леметр де Саси. Возможно, Паскаль читал его, принимая участие в работе над переводом Библии Пор-Рояля:

> *Mais rendez gloire dans vos coeurs à la sainteté du Seigneur notre Dieu; et soyez toujours prêts à répondre pour votre défense à tous ceux qui vous demandront raison de l'espérance que vous avez*[419].

---

[417] Dictionnaire de Furetière, 1690. Цитируется по: Ferreyrolles G., Sellier Ph. Notice. L'évolution du projet d'apologie // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. La Pochothèque. Garnier, 2004. Textes édités par G. Ferreyrolles et Ph. Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour «Les Provinciales». p. 757.

[418] Première Epître de Saint Pierre // La Sainte Bible (texte Latin et traduction française) commentée d'après la Vulgate et les textes originaux par L.-Cl. Fillion. T. VIII. Paris: Letouzey et Ané, Éditeurs, 1904. p. 681.

[419] Première Epître de l'apôtre Saint Pierre // La Bible. Traduction de Lemaître de Sacy / Préface et texte d'introduction établis par Philippe Sellier. Paris: Robert Laffont, 1990. p. 1582. Смотри: Первое соборное посланіе святаго апостола Петра // Дъянія и посланія святыхъ апостоловъ съ Апокалипсисомъ на славянскомъ и русскомъ наръчіи. СПб., 1862. с. 168: «Господа Бога святите въ сердцахъ своихъ: будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвътъ съ кротостію и благоговъніемъ».

Апостол ведет речь о сердечности веры — In cordibus/самых глубин существа и о готовности защитить ее — *Ad satisfactionem* / πρὸς ἀπολογιαν [420]. Эти слова создали традицию защиты веры и образцы апологетического жанра.

Анализируя «Мысли» Паскаля в апологетической традиции, отец Александр Чистяков указывает на частотность апологий в конце XVI — начале XVII вв. Исследователь связывает интенсивность жанра с ситуацией, возникшей во Франции в период с 1594 по 1662 гг.: с религиозными войнами, контрреформой, а также с появлением нового типа интеллектуала — «либертина»/ «libertin»[421]. В этом контексте «Мысли» имеют содержательные и стилистические «антимодели» и «модели»[422].

Паскаль действительно упоминает в «Мыслях» апологетов христианства. Так, вспоминает он Иустина Философа. В истории церковной литературы Иустин Философ, цитируемый и почитаемый Паскалем, является одним из создателей жанра апологии:

L 485/S 720

Если бы его не отозвали в Египет домашние заботы, он разорил бы Селевка еще успешнее, говорит Юстин; И вознамерился он стать господином всего египетского царства[423] /
s'il n'eût point été rappelé en Egypte par des raisons domestique, il aurait entièrement dépouillé Seleucus, dit Justin; Et ainsi il pensera à se rendre maître de tout l'empire d'Egypte (méprisant la jeunesse d'Epiphane, dit Justin)[424].

---

[420] Notice pour Première Epître de Saint Pierre // La Sainte Bible (texte Latin et traduction française) commentée d'après la Vulgate et les textes originaux par L. -Cl. Fillion. T. VIII. Paris: Letouzey et Ané, Éditeurs, 1904. p. 681.

[421] Chistyakov Al. Les « Pensées » de Pascal dans la Tradition apologétique. Thèse pour obtenir le grade de docteur de l'Université Paris-Sorbonne. Littérature française. Le 23 novembre 2013. p. 241-257.

[422] Chistyakov Al. Opus. Cit. p. 257-286.

[423] Гинзбург с. 219

[424] Sellier p. 1268.

Обращаясь к Тертуллиану, Паскаль вновь указывает на традицию апологии: **L 868/S 440** Тертуллиан*: nunquam ecclesia reformabitur*[425] */Tertullien: Nunquam Ecclesia reformabitur*; **L 970/S 417-418** Тертуллиан: (Ной) мог точно так же восстановить в уме книгу (Еноха), уничтоженную яростью потопа, как Ездра мог это сделать со всеми еврейскими книгами, уничтоженными во время Вавилонского пленения («Об одежде женщин», I, 3)[426] / *Tertullien: Perinde potuit abolefactam eam violentia cataclysmi, in spiritu rursus reformare: quemadmodum et Hierosolymis Babylonia expugnatione deletis, est omne instrumentum Judaicae litteraturae per Esdram constat restauratum. Tert. livre I, De cultu feminarum, c. 3* [427].

Из ранних апологетов христианства, память жанра трудов которых повлияла на формо-содержательное единство «Мыслей», принято также называть «Сентенции» Сикста и «Строматы» Клемента Александрийского[428].

Он упоминает и о современниках, отдавших дань жанру апологии: сухо о последователе Монтеня, «крупнейшем из моралистов конца XVI века», «знаменитом католическом проповеднике, авторе богословского трактата “Три истины” («*Les Trois vérités*», 1593), в котором защищал истинность существования бога — против атеистов, истинность христианства — против «неверных», и истинность католицизма — против протестантов» Пьере Шарроне[429]:

---

[425] Гинзбург с. 317: «Церковь никогда не будет преобразована».

[426] Гинзбург с. 471.

[427] Sellier p. 1033.

[428] Chistyakov Al. Opus. Cit. p. 319.

[429] Вишневский А. А. Литература периода гражданских войн (конец XVI в.) // История французской литературы. Том I. С древнейших времен до революции 1789 г. М. -Л.: Академия наук СССР. 1946. с. 334.

L 780/S 644

Предисловие к первой части. Поговорить о тех, чьим предметом было познание самих себя, о делениях Шаррона, удручающих и скучных [430]/

Préface de la première partie. Parler de ceux qui ont traité de la connaissance de soi-même; des divisions de Charron, qui attristent et ennuient[431]; и пунктирно о Гроции[432].

К самому близкому кругу влияний на «Мысли» относят апологетические турды уже упомянутых Шаррона и Гроция, а также Мерсенна, Сено и Сийона[433]. Как и предшественники, Паскаль высказывается против сугубо рационального объяснения веры.

Однако в «формоустремлении» замысла Паскаль вполне самостоятелен. Термин «формоустремление» принадлежит Б. И. Ярхо, который вводит его, заботясь о точном литературоведении[434].

В жанре апологии Нового времени, в паскалевском жанре, стиль и язык представляют несомненное единство. Размышление *In cordibus vestris* о выборе апологетического языка ведет его к Библии:

---

[430] Гинзбург с. 287.

[431] Sellier p. 1171.

[432] L 498/ S 736 «Два храма славы. И. Х. придет. Агг. 2. 7. 8. 9. 10. Малахия. Гроций (Мысли, с. 230)/ Le second temple glorieux, Jésus-Christ y viendra: Aggée, II, 7-8-9-10; Malachie. — Grotius» Sellier, p. 1290.

[433] Chistyakov Al. Opus. Cit. p. 258.

[434] Ярхо Б. И. Распределение речи в пятиактной трагедии (к вопросу о классицизме и романтизме) // Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения. Избранные труды по теории литературы. Издание подготовили М. В. Акимов, И. А. Пильщиков, М. И. Шапир. Под общей редакцией М. И. Шапира. М.: Языки славянских культур, 2006. с. 573. Рассуждая о «проявлении единого вкуса эпохи» в связи с переделками Сумароковым трагедий Шекспира, Б. И. Ярхо использует термин Вальцеля «Wille zur Form». Он толкует его следующим образом: «этот термин следовало бы перевести на русский язык; может быть, наиболее подходящим словом было бы “формоустремление”».

L 303/ S 334

Ремесленник говорит о богатстве, судейский рассуждает о войне, о королевском сане и т. д., но хорошо о богатстве говорит богатый, король спокойно говорит об огромном даре, который только что сделал, а Бог хорошо говорит о Боге[435] / *Un artisan qui parle des richesses, un procureur qui parle de la guerre, de la royauté, etc. Mais le riche parle bien des richesses, le roi parle froidement d'un grand don qu'il vient de faire, et Dieu parle bien de Dieu*[436].

Так, стилевой моделью для Паскаля становится Библия.

Внутри «Мыслей» слово «апология» жанрово обнаруживает себя в пластах текста, сосредоточенных на защите и доказательстве христианского видения мира. При этом «Мысли» не являются жанровым синонимом «Апологии».

Слово «*pensée*» предложено по отношению к замыслу Паскаля первыми издателями его неоконченного труда, а именно, де Роаннезом, Арно и Николем в 1670 году: «*Pensées de M. Pascal sur la religion et sur quelques autres sujets, qui ont été trouvées après sa mort parmy ses papiers*» /«Мысли господина Паскаля о религии и о других сюжетах, найденные после смерти среди его бумаг»[437].

Слово «мысли» относится к трем рукописным вариантам труда Паскаля. Этимология слова, вынесенного в заглавие, определяет состояние текста. Французское «*pensée*» / «мысль» берет начало от причастия прошедшего времени женского рода от глагола «penser» «мыслить, думать». Слово вошло в сочетание «*être en*

---

[435] Гинзбург с. 162.

[436] Sellier p. 997.

[437] Les «Pensées» de Port-Royal // Pascal Bl. Oeuvres complètes. T. II. Edition présentée, établie et annotée par Michel Le Guern. Bibliothèque de la Pléiade. Gallimard, 2000. p. 915-1051.

pensée» — «иметь в мыслях», то есть «*être en souci pour*» — «беспокоиться за что-то», «волноваться о чем-либо, о ком-либо» и, начиная с XIII века, означало как ум, так и сосредоточие того, о чем, о ком размышляют, что открыло возможность использования этого слова в философии и психологии. В XIII веке это слово употребляли в качестве метонимии, выражавшей манеру использовать способность мыслить по отношению к особому содержанию. Оно могло обозначать «размышление» и «созерцание». Постепенно многие значения, такие как «расположение духа», «воля», «желание», вышли из обихода, но слово «*pensée*» сохраняет значение «намерение, замысел» (конец XV века) в связи со значением глагола «думать об» — «*penser à*».

В XVI веке в употребление входит форма множественного числа — «*pensées*» с особым оттенком смысла — «ожидания» (1528) и «размышления» (1546). Значения, отражающие умственную деятельность, появляются в XVI, и особенно в XVII веке: «*pensée*» начинает обозначать то, что ум обдумывал или думает в данный момент (1549), способность мыслить, так же как и мыслительную операцию (1636).

Произведения Паскаля и де Ларошфуко свидетельствуют об образцовом использовании этого значения. Значения исходного слова, бытовавшие в сфере искусства для обозначения наброска (1622), в живописи — для обозначения мотива (1641, Пуссен), вышли из употребления. В литературном контексте «*pensée*» сохраняет значение того, что выражает идею произведения (1713), а также используется в качестве значения «замысел автора» (1762).

В обиходном употреблении «*la pensée de*» отражает идею, которую произвел ум, воспоминание о ней (1607). Метонимически «*pensée*» особенно соотносится с мнением, с взглядом (1657, Паскаль). Слово вошло в литературный оборот для обозначения краткого размышления, имеющего глубокий смысл, афоризма или

максимы (1671). В последующие века слово «*pensée*», употребляют не только в филологии, но и в искусствоведении, а особенно в философии[438].

Как следует из обзора, «Мысли» — название условное, не дающее целостного представления о произведении. Тем не менее, в контексте творчества Паскаля название «*Pensées*» подразумевает мнение, взгляд и замысел одновременно.

В жанровом отношении «Мысли» не имеют точных аналогий в истории литературы и, если сравниваются, то с «Опытами» Монтеня. Они также обладают непринужденной манерой повествования, ведут к размышлениям над насущными вопросами бытия, о природе человека и о повседневной жизни. При этом как и «Опыты» Монтеня, не принадлежат с точностью никакому литературному жанру.

Поэтика прерванного текста «Мыслей» отлична от диалогической поэтики «Писем к провинциалу». В «Мыслях» Паскаль обращается к проверенному в «Письмах к провинциалу» жанру письма — письма-диалоги и письма-речи, обращенные к неверующим, а также очерчивает стилистические векторы, требующие других жанровых форм, а именно: теологические фрагменты, апология, философские размышления, ироничные зарисовки о природе человека, поэтические пассажи о мироздании, сказовые новеллы, притчи (L 113, 434/S 145, 686), длинные максимы (L 48/S 81), максимы-сентенции (L 412/S 31), пословицы (L 60, 77/S 94, 112)[439].

Стоит отметить, что в истории французской литературы XVII века восприятие «прерванного дискурса изменяется к лучшему в

---

[438] Dictionnaire historique de la langue français. Edition enrichie par Alain Rey et Tristan Hordé. Paris, 2006. T. 2. F-Pr. p. 2647.

[439] Sellier Ph. L'ordre du coeur // Sellier Ph. Rhétorique et apologie: «Dieu parle bien de Dieu» // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. T. I. Pascal. p. 136-137.

60-е годы», после того, как в 1663 году де Ларошфуко «запустил» в хождение рукописные варианты «Максим» перед тем, как издать их[440]. Он как будто проверял функциональность кратких формул мысли и подготавливал читателей к их восприятию, так как в словесности, по мнению Ж. Лафона, «прерванный дискурс очень долгое время считался не чем иным, как неудачей содержания»[441]. Таким образом, фрагментарность «Мыслей» отражает эстетические направления словесности века.

Однако «Мысли» — не сборник цитат и афоризмов, но текст в становлении, где каждый фрагмент (мысль) обладают не только логическим содержанием, но и определенным количеством динамической энергии, направленной на поиски структуры и порядка произведения[442]. Здесь уместно вспомнить «замечание Ц. Тодорова о том, что истинный шедевр всегда создает собственный, уникальный жанр»[443]. В случае паскалевского текста — это синтез жанров. Гипотетически этот синтетический жанр можно назвать «теологическим романом», хотя предложенное определение требует расширения и исследования.

---

[440] Lafond J. Des formes brèves de la littérature morale aux XVI et XVII siècles // Les formes brèves de la prose et le discours discontinu. Actes du Colloque organisé par le Centre d'étude de la Renaissance. Tours, 1981. Etudes réunies et présentées par J. Lafond. Paris, 1981. p. 110. Цит. по: Chistyakov Al. Les « Pensées » de Pascal dans la Tradition apologétique. Thèse pour obtenir le grade de docteur de l'Université Paris-Sorbonne. Littérature française. Le 23 novembre 2013. p. 325-326.

[441] Lafond J. Opus. Cit. p. 116. Цит. по: Chistyakov Al. Les « Pensées » de Pascal dans la Tradition apologétique. Thèse pour obtenir le grade de docteur de l'Université Paris-Sorbonne. Littérature française. Le 23 novembre 2013. p. 327.

[442] Ernst P. Approches pascaliennes. L'unité et le mouvement, le sens et la fonction de chacune des 27 liasses titrées, Duculot, Gembloux, 1970. p. 5.

[443] Чекалов К. А. Формирование массовой литературы во Франции XVII-первая треть XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. с. 8.

ФОРМА ПРЕРВАННОГО ТЕКСТА.
ТЕХНИКА «ЯДЕРНОГО СТИЛЯ»

Обращение к текстологии «Апологии христианской религии» представляется необходимым, так как без него невозможно объяснить метод работы Паскаля над текстом и создание им собственного «ядерного» стиля.

Для работы Паскаль использовал листы большого формата, различных размеров, чаще всего — листы размером 38 см на 23 см[444]. Он работал так, как это было принято в XVI и XVII вв., «нанизывая свои записи на грубую нить, присоединяя их к лангете с названием стопки и пришивая их»[445]. Часто Паскаль отделял записи, сделанные на одном листе чертой слева от края. Такой метод работы, если бы он прослеживался во всех «стопках», не затруднил бы классификацию материала.

После смерти учёного нашли стопки бумаг разных размеров, и причина была в том, что Паскаль сам разрезал большие листы с целью дальнейшего распределения своего замысла. Он предпринял эту классификацию во второй половине 1658 года, готовя доклад для друзей из Пор-Рояля, в котором изложил общий замысел и план своей «Апологии христианской религии». Паскаль озаглавил каждую из стопок, что напрямую было связа-

---

[444] Le Guern M. Note sur le texte // Pascal Bl. Pensées. B. P. 2000. T. II. p. 1304. Лафюма называет иной размер паскалева листа: 23,5 см на 35 см или половина такого листа. См: Lafuma L. Introduction//Le manuscript des “Pensees” de Pascal. 1662. P., 1962. p. 23. Лё Герн работал над рукописями Паскаля уже по следам и на основе текстологических описаний Лафюма, выверяя и корректируя их по необходимости.

[445] Sellier Ph. Persistance des manuscrits au temps du livre // Pascal Bl. Pensées. Notices. p. 759-760.

но с содержанием будущей апологии. Список этого содержания зафиксирован в обеих копиях, сделанных с рукописей Паскаля. Приведем эту таблицу, ибо в русскоязычных изданиях «Мыслей» она нигде не фигурирует[446].

La Table des liasses à titres

[1] Ordre
[2] Vanité
[3] Misère
[4] Ennui
[5] Opinions du peuple saines
Raisons des effets
[6] Grandeur
[7] Contrariétés
[8] Divertissement
[9] Philosophes
[10] Le Souverain Bien
[11] A.P.R.
[12] Commencement
[13] Soumission et usage de la raison
[14] Excellence
[15] Transition (rayé)
[15 bis] La nature est corrompue
[16] Fausseté des autres religions
[17] Religion aimable
[18] Fondement
[19] Loi figurative
[20] Rabbinage
[21] Perpétuité
[22] Preuves de Moïse
[23] Preuves de Jésus-Christ
[24] Prophéties
[25] Figures
[26] Morale chrétienne
[27] Conclusion

[446] Таблица приводится по списку Ж. Менара. Mesnard J. Introduction // Mesnard J. Les “Pensées” de Pascal. Sédès, 1993. p. 29.

Таблица озаглавленных стопок, которые зафиксированы в обеих копиях[447]

[1] Порядок
[2] Суета
[3] Ничтожество
[4] Скука
[5] Здравые мнения народа
Причина вещей
[6] Величие
[7] Противоположности
[8] Развлечение
[9] Философы
[10] Высшее благо
[11] Д.П.-Р.
[12] Начало
[13] Покорность и сила разума
[14] Преимущество
[15] Переход (зачеркнуто)
[15 bis] Природа испорчена
[16] Ложность других религий
[17] Милосердная религия
[18] Основание
[19] Иносказательный закон
[20] Раввинат
[21] Беспрерывность
[22] Доказательства Моисея
[23] Доказательства Иисуса Христа
[24] Пророчества
[25] Особые иносказания
[26] Христианская мораль
[27] Заключение

Классификация, по описанию Лафюма, имеет выборочный характер, ибо в последние четыре года (1659–1662) работы над замыслом Паскаль ей не следовал[448]. Тем не менее, в дальнейшем для

[447] Собран по разделам русского издания «Мыслей» в переводе Ю. А. Гинзбург.

[448] Lafuma L. Introduction // Le manuscript des “Pensées” de Pascal. 1662. P., 1962. p. 24. Ученые склоняются в этом вопросе к дате 1658 года: по Менару — это июнь 1658, подготовка к докладу; Лафюма настаивает на октябре 1658 года. Смотри: Le Guern M. Notes et variantes pour “Pensées” // Pascal Bl. Pensées. B.P. 2000. T.II. p. 1314. Note I pour page 543.

реконструкции замысла и изданий «Мыслей», в первую очередь, важен вопрос: кому принадлежит классификация и чья это воля?

Поначалу в XVII–XVIII вв. считалось, что частичное распределение — плод трудов друзей Паскаля в период подготовки издания 1670 года, поскольку пор-роялевцы исходили из принципа, что «классифицированные бумаги» («*papiers classés*») должны быть оставлены и подготовлены к публикации, а «неклассифицированные бумаги» ("*papiers non-classés*") — исключены из издания.

Позже, в XX веке предположили, что если бы это была классификация, предпринятая друзьями Паскаля, то она была бы полной, а не частичной. Таким образом, это распределение принадлежит автору, ибо, по Турнеру, «никто, кроме самого автора, не смог бы составить список из 28 заглавий, прекрасно продуманных, хотя он оставил ещё более 500 фрагментов, предназначенных для классификации, или для вычёркивания»[449].

Однако вопрос об авторстве этого распределения остается открытым. Не имея возможности углубиться в рассуждения об этом наиважнейшем вопросе, примем точку зрения Менара, полагающего, что содержание озаглавленных разделов, принадлежащее все-таки перу Паскаля, есть «мысль, самая точная и самая завершенная из всех, что составляют план "Апологии"»[450]. В «логическом обосновании замысла, примате замысла над воплощением», «правильного разумного творчества над вдохновением и фантазией», в кованой форме обнаруживают себя классицистические тенденции в поэтике Паскаля[451].

То есть, рассуждая о поэтике Паскаля, до́лжно подразумевать эту Мысль-классификацию как модель всей «Апологии христианс-

---

[449] Lafuma L. Ibid. p. 24.

[450] Mesnard J. Opus. cit p. 30: "La table des matières est donc elle-même une pensée, la plus précise et la plus complète de toutes celles qui suggèrent un plan de l'Apologie".

[451] Литература XVII-XVIII вв. Учебник. Под общей редакицей Н. Т. Пахсарьян. М.: Просвещение, 2005. с. 22.

кой религии», а в пределе, если обратиться к положениям Бюффона, выраженным в знаменитой «Речи о стиле», — как основание стиля Паскаля. «Этот план — еще не стиль, но в нем заключено основание стиля, поскольку он подчиняется законам течения мысли и направляет ее движение»[452].

На основе классификации Паскаля вкупе с «несистематизированными бумагами» общим числом 34 вырисовывается возможность издания со строгой реконструкцией «порядка» авторского замысла «Апологии»[453].

По материальному и графическому состоянию бумаги Паскаля можно разделить на три группы. К первой относятся размышления краткие, рассредоточенные на всём пространстве листа, образующие маленькие связки текстов, квадратные или прямоугольные. В качестве примера, приводят текст L 955 фрагмента[454].

Вторая группа представлена текстами, написанными во всю ширь листа. Например, фрагменты L 159, 919, 418. Как правило, это развёрнутые размышления или тезисное изложение материала; зачёркиваний почти нет, и стиль не выверен: эти тексты не предназначались к публикации в таком состоянии.

Третья группа включает фрагменты, в которых первый набросок находится на середине страницы, занимая малую ее часть и имея с каждой стороны достаточное поле для исправлений. Большая часть этих текстов прекрасно прописаны, о чём свидетельствуют и многочислен-

---

[452] Разумовская М. В. Бюффон-писатель (Французские естествоиспытатели XVIII в. и литература). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 1997. с. 29.

[453] Sellier Ph. Le fragment 1: Table des matières ou Table des dossiers? // Pascal Bl. Pensées. Notice. p. 771-772.

[454] Смотри: Электронная версия «Мыслей»: http://www. penseesdepascal. fr/; Descotes D., Proust G. Un projet du Centre international Blaise Pascal: l'édition électronique des «Pensées» // Courrier du Centre international Blaise Pascal. № 30. Clermont-Ferrand, 2008. p. 2-14.

ные исправления. Исправления сделаны таким образом, что создаётся впечатление, что они должны были занять своё место в создаваемом произведении. Примеры тому — фрагменты L 44, 199 [455].

Подобная типология не может быть основой издания, поскольку не описывает состояния большого количества бумаг и не учитывает множественных вмешательств в рукописи переписчиков и редакторов (Арно, Николя). Тем не менее, важно то, что описание показывает несовпадение их материального и содержательного состояний. Для корректной реконструкции «Апологии», вслед за Менаром, необходимо различать слово (термин) «бумага» («*papier*») и «фрагмент» («*fragment*»).

Слово (термин) «бумага» («бумаги») используется для обозначения материала, на котором написано, и относится к материальной структуре; даже если тексты, написанные на ней, повествуют о разных темах. Бумаги находились в двух состояниях:

1) целые, неразрезанные листы;

2) разрезанные листы, иногда большого размера, иной раз маленькие, или очень маленькие, повторяющие различные формы в зависимости от объема текста на них записанного.

Слово (термин) «фрагмент» — суть содержательный признак, «это весь текст, вне зависимости от его величины, представляющий собой строгую последовательность, если даже этот текст перелезает, наползает, переходит с одной «бумаги» (листа) на другую»[456]. По отношению к распределению на бумаге фрагменты можно разделить на две категории: 1) одни занимают весь лист (случай совпадения бумаги и фрагмента — формы и содержания) и/или более выраженных фрагментов, переходящих на пространство нескольких листов; 2) разносмысловые фрагменты, но написанные на одном листе, графически противопоставлены друг другу горизонтально, верти-

---

[455] Пример Паскалева листа (38x23 см) см. в ПРИЛОЖЕНИИ.

[456] Mesnard J. L'édition des "Pensées" // Les "Pensées" de Pascal. Ed. Sédès. 1993. p. 16.

кально или в других всевозможных направлениях. И здесь вновь обнаруживает себя особая мыслительная манера Паскаля.

Описывая со свойственной XVII веку риторической обстоятельностью мыслительную манеру своего дяди, Этьен Перье отмечает в предисловии к первому пор-роялевскому изданию 1670 года: «<...>не стоит удивляться, что за долгое время Паскаль ничего не написал. У Паскаля, продолжает Перье, была привычка глубоко обдумывать вещи и располагать их в определенной последовательности в уме «чтобы осмыслить, проверить с тщанием те из них, которые нужно поставить первыми или последними, и общий порядок, в который должно было привести их с той целью, чтобы они произвели впечатление, им ожидаемое»[457]. Перье интересовало в первую очередь то, как мыслил и работал ученый.

Через три столетия Менар, принадлежащий другой эпохе, добавляет к свидетельствам Перье описание формально-содержательного состояния завершенных произведений Паскаля. Это позволяет не просто охарактеризовать мыслительную манеру, но выявить модели мышления Паскаля.

Анализируя состояние «Писем к провинциалу», малых сочинений, ученый апеллирует, в том числе, к тексту «Молитвы, чтобы Бог дал употребить болезни во благо», разделенному на 15 пронумерованных параграфов. Все эти тексты, показывают «некую прерывистость созерцания в единстве темы»[458].

В пространстве молитвенного текста — «созерцание в единстве темы» — целое, а «прерывистость» — выражение этого целого в части (параграфы).

---

[457] Périer E. Préface de l'édition de Port-Royal, 1670. // Pascal Bl. Les oeuvres complètes. Editions présentée, établie et annotée par Michel Le Guern. Bibliothèque de la Pléiade. T. II. 2000. p. 901-902.

[458] Mesnard J. Pourquoi les "Pensées" de Pascal se présentent-elles sous forme de fragments? // Mesnard J. La culture du XVII siècle. Enquêtes et synthèses. PUF. 1992. p. 365.

Такое же моделирование смыслов демонстрируют научные труды. В «Трактате о пустоте», «О равновесии жидкостей и о массе воздуха», «Трактате об арифметическом треугольнике», в «Письмах А. Деттонвилля» о знаменитой рулетте или циклоиде зафиксирована та же структура — деление текста на серию маленьких рассуждений, «каждый из которых обладает автономией и своим единством, что не мешает установить взаимосвязи одного с другим»[459].

Письма, теоремы, рассуждения, молитва — апология диалектически вбирает эту полигенетичность жанров. Текстологические приметы прерванного текста «Мыслей» содержат эксплицитные меты порождения текста и вторят структурам завершенных произведений.

Возникает ряд вопросов, без постановки которых невозможно приближение к пониманию замысла, значит, и к поэтике «Мыслей»:

1) является ли Паскаль создателем фрагментов?

2) в какой мере существующие тексты являются результатом и процессом?

3) манера или случайность?[460]

Объяснения находим в «Мыслях» во фрагменте L199 / S230, озаглавленном «4. Несоразмеренность человека», помещенного Паскалем в разделе XV «Переход» / «*Transition*»:

L199 / S 230

< … > Donc toutes choses étant causées et causantes, aidées et aidantes, médiates et immédiates et toutes s'entretenant par un lien naturel et insensible qui lie les plus éloignées et les plus différentes, je tiens impossible de connaître les parties sans connaître le tout, non plus que de connaître le tout sans connaître particulièrement les parties [461].

---

[459] Mesnard J. Opus. cit. p. 365.

[460] Marin L. L'écriture fragmentaire et l'ordre des "Pensées" de Pascal // Marin L. Pascal et Port-Royal. P., 1997. p. 52-55, p. 51-70.

[461] Sellier p. 948.

L199 / S 230

< … > И поскольку все вещи одновременно и причина, и следствие, и нуждаются в помощи, и подают её, являются и прямо, и опосредованно, и все соединены естественными невидимыми узами, которые связывают между собой самые далёкие друг от друга и самые разные из них, — я полагаю невозможным знать части, не зная целого, равно как и знать целое, не зная частей по отдельности[462].

Во фрагменте дана модель паскалевской поэтики, основанной на соотношении части и целого. Так и в черновиках «Апологии христианской религии» интенсивность процесса «текучести» смысла с одного листа на другой показывает, по принципиальному замечанию Менара, особый прием композиции для выражения смысла — «ядерный» /«*par pouaux*» (один из семантических вариантов перевода «*pouau*» — «цикл», «круг»).

Этот признак можно распространить и на природу ума Паскаля: «…Вместо того, чтобы избрать непрерывное (линейное) рассуждение, он сосредоточивается на некоторых центральных или характерных проблемах, развивает их, углубляет их до такой [степени], что каждое ядро увеличивается и достигает границ соседних ядер, произведение продолжает складываться их соединением». Рисунок мысли Паскаля, ее «единое целое напоминает созвездие» [463].

Графическая разработанность, наполненность ядер смысла разная, но движение мысли угадываемо. Например, хрестоматийный фрагмент о Клеопатре L 46 / S 79, L 197 / S 228, L 413 / S 32.

Как правило, у Паскаля вначале дается краткий, почти мнемотехнический набросок темы, например, тема суеты:

---

[462] Гинзбург с. 135-136.

[463] Mesnard J. Pourquoi les “Pensées” de Pascal… p. 366.

Раздел II.

L 46 / S79

Vanité

La cause et les effets de l'amour. Cléopâtre.

L 46 / S79

Суета.

Истоки и последствия любви. Клеопатра.

В дальнейшем идет постепенное расширение темы. Так, тема суеты вновь возникает в XV разделе «Переход». Для оценки суетности людей, автор предлагает подумать о причинах и следствиях любви. И каждый раз речь идет о приращении смысла. Причины любви Паскаль не определяет точно («Бог весть в чем»). Показательно, что у Паскаля ее может быть знает автор трагедий (Корнель), а «следствия ее сокрушительны».

XV *Transition*

L 197 / S228

(Rien ne montre mieux la vanité des hommes que de considérer quelle cause et quels effets de l'amour, car tout l'univers en est changé. Le nez de Cléopâtre).

L 197 / S228

(Нет лучшего доказательства суетности людской, чем причины и следствия любви, — ведь от них меняется вселенная. Нос Клеопатры).

И углубление смысла:

Фрагмент уже перешел в «неклассифицированные бумаги» (по Лафюма):

L 413 / S32

Qui voudra connaître à plein la vanité de l'homme n'a qu'à considérer les causes et les effets de l'amour. La cause en est un je ne sais quoi. Corneille . Et les effets en sont effoyables. Ce je ne sais quoi, si peu de chose qu'on ne peut le reconnaître, remue toute la terre, les princes, les armeés, le monde entier. Le nez de Cléopâtre s'il eût été plus court toute la face de la terre aurait changé.

L 413 / S32

Тому, кто хочет сполна оценить всю меру суетности человеческой, достаточно подумать о причинах и следствиях любви. Причина ее Бог весть в чем. Корнель. А следствия ее сокрушительны. Это Бог весть что, такой пустяк, что его и определить нельзя, будоражит всю землю, государей, армии, целый мир.

Если бы нос Клеопатры был короче, лик земли был бы иным.

Из приведенного примера видно, что конструкция мысли Паскаля иная, чем, к примеру, в максиме Ларошфуко, где сразу дается ясная и четкая формула, соединяющая процесс и результат. У Паскаля результат мысли виден из процесса ее становления, а не посредством констатации.

Это и матрица паскалевского слова, в котором смысл рождается не через прямое называние, не через афоризм, а из его смыслого ядра. Пример с носом Клеопатры суть есть пример создания нового, «ядерного» стиля.

Таким образом, автор подсказывает основания прочтения своего замысла. Принцип отношения к тексту как к «становящемуся произведению», закономерно оказывается в дальнейшем фундаментальным для поэтики «Мыслей».

В свою очередь, Пол Эрнст, последовательно, систематично, почти догматично, следует этому положению в исследовании-реконструкции логики 27 частей, озаглавленных Паскалем[464].

Принимая во внимание «ядерное мышление» французского писателя, Эрнст прилагает к тексту «Апологии» «принцип неопределенности». Этот приниципп обоснован в ядерной физике (1927) В. Гейзенбергом, немецким физиком-теоретиком, одним из создателей квантовой механики через три столетия после Паскаля.

---

[464] Ernst P. Approches pascaliennes. L'unité et le mouvement, le sens et la function de chacune des 27 liasses titrées. Duculot, Gembloux, 1970.

У Паскаля каждый фрагмент (мысль) обладает логическим содержанием и динамической энергией, направленной на поиски структуры и порядка произведения[465]. При этом доказательство того, что христианская религия **L 12 / S46** «заслуживает почтения, потому что хорошо знает человека. Привлекательна, потому что обещает истинное благо» / **L 12 / S46** «*la religion chrétienne vénérable parce qu'elle a bien connu l'homme. Aimable parce qu'elle promet le vrai bien*» a priori основано «на существовании нескончаемой диалектики и на разрешении противоречий в христианском откровении и в личности Иисуса Христа»[466].

АРХИТЕКТОНИКА «МЫСЛЕЙ»: «ПОРЯДОК» И «БЕСПОРЯДОК»

Целеполагание изображения ценностей христианского мира находит отражение в многократной перекомпоновке материала и тематическом разнообразии «Мыслей». Для понимания замысла произведения необходимо описать его архитектонику. Архитектоника литературного произведения подразумевает общий порядок и его смысловое наполнение.

Термин «архитектоника» встречается еще у Аристотеля, труды которого были известны Паскалю. «Архитектоника» у Аристотеля «относится вообще к изобразительным искусствам и просто к искусству, к общественно-политической жизни и просто к жизни, вообще к действительности в целом»[467].

Г. В. Лейбниц (1646–1716), близкий по времени и по научным интересам к Паскалю, понимал «архитектонику» как целеполагание

---

[465] Ernst P. Approches pascaliennes. L'unité et le mouvement, le sens et la fonction de chacune des 27 liasses titrées. Duculot, Gembloux, 1970. p. 5.

[466] Mesnard J. Pourquoi les «Pensées» de Pascal se présentent-elles sous forme de fragments? p. 365.

[467] Лосев А. Ф. Термин "Архитектоника" // Лосев А. Ф. Аристотель и поздняя классика. История античной эстетики. Том IV. М.: Искусство, 1975. с. 187.

и достижение цели одновременно[468]. В современном литературоведении термин «архитектоника» в изложении Н. Д. Тамарченко понимается как осуществление научного синтеза: «содержание понято как эстетически организованная и «оцельненная» автором система ностей изображенного мира, а форма трактуется одновременно вполне технически и телеологически — «как технический аппарат эстетического свершения» [469].

«Апология христианской религии» — двусоставное произведение. Рисунок замысла делится на литературную и теологическую части.

[1] Порядок
[2] Суета
[3] Ничтожество
[4] Скука
[5] Мнения целого народа
Причина вещей
[6] Величие
[7] Противоположности
[8] Развлечение
[9] Философы
[10] Высшее благо
[11] Д. П. -Р.
[12] Начало
[13] Покорность и сила разума
[14] Преимущество
[15] Переход (зачеркнуто)
[15 bis] Природа испорчена
[16] Ложность других религий
[17] Сделать религию привлекательной
[18] Основания
[19] Иносказательный закон
[20] Раввины
[21] Беспрерывность
[22] Доказательства Моисея
[23] Доказательства Иисуса Христа
[24] Пророчества
[25] Особые иносказания
[26] Христианская мораль
[27] Заключение

---

[468] Lalande A. Architectonique / Lalande A. Vocabulaire technique et critique de la philosophie. PUF, 1960. p. 77-78: «B. Chez Leibniz, ce qui dépend des causes fi-

Организация материала открывается диптихом[470], на что магистрально указывает фрагмент из первого раздела «Порядок»:

L 6/S 40

Первая часть: Несчастье человека без Бога.

Вторая часть: Радость человека с Богом.

иначе

Первая часть: что природа испорчена самой же природой.

Вторая часть: Что есть Исцелитель, согласно Писанию[471].

L 6/S 40

Première partie: Misère de l'homme sans Dieu.

Deuxième partie: Félicité de l'homme avec Dieu.

autrement

Première partie: Que la nature est corrompue, par la nature même.

Deuxième partie: Qu'il y a un Réparateur, par l'Ecriture[472].

---

nales, non des causes mécaniques. «Le règne de la sagesse, suivant lequel tout se peut expliquer architectoniquement pour ainsi dire, par les causes finales». Tentamen anagogicum, Ed. . Gerh., VII, 273. — Cf. Monadologie, § 83».

[469] Тамарченко Н. Д. Статья «архитектоника» // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Глав. ред. и составитель А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2003. с. 61.

[470] Sellier Ph. Dès «Confessions» aux «Pensées» // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. T. I. Pascal. p. 195.

[471] Гинзбург с. 81.

[472] Sellier p. 844. Ф. Селье усматривает в подобном делении на две части возможное влияние сочинений уже упонянутого ораторианца, богослова проповедника Жана-Франсуа Сено (1601-1672), с которыми Паскаль был знаком: «Преступный человек, или Испорченность природы грехом с точки зрения Святого Августина» («L'Homme criminel ou la corruption de la nature par le péché selon les sentiments de S. Augustin», 1644) и «Христианский человек, или Исцеление природы через благодать» («L'Homme chrétien ou la réparation de la nature par la grâce», 1648).

Целеполагание двусоставности поддерживают также мотивы фрагментов S 681, 683, 704, 705[473].

Двусоставность мышления отзывается и в слове. Связующим звеном в сочетании литературной и теологической частей является тематический раздел [15] «Переход» / «*Transition*», повествующий о L 199 / S230 «соединении вещей духовных с телесными» и представляющий попытку автора, вслед за Святым Августином, объяснить «менее всего понятное», «modus que corporibus adherent spiritus» comprehendi ad homine non potest, et hoc tamen homo est»[474]. Раздел состоит из заметок, тематически соединяющих переход от первой части ко второй. Роль перехода, границы станет одной из ключевых в современной теории литературы, трактуя моменты трансформации жанров и стилей. В поэтике Паскаля она имеет более общее идейно-содержательное значение. Последующие за «Переходом» разделы переводят размышления на иной уровень:

[15 bis] Природа испорчена
[16] Ложность других религий
[17] Сделать религию привлекательной
[18] Основания

---

[473] Sellier Ph. Une préface «retrouvée» de l'Apologie // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. T. I. Pascal. Paris: Honoré Champion, 1999. p. 67.

[474] Гинзбург с. 136. L 199 «<…> Глядя, как мы соединяем вещи духовные с телесными, можно подумать, что такая смесь должна быть легко доступна нашему пониманию. Однако она нам менее всего понятна; человек для самого себя — самый загадочный предмет во всей природе, ибо он не может представить себе, что такое тело, и еще меньше — что такое дух, а менее всего — как тело может соединяться с духом. Вот предел сложности, а между тем это его собственное существо: «modus que corporibus adherent spiritus» comprehendi ad homine non potest, et hoc tamen homo est». Комментарий с. 439: «Способ, каким дух соединяется с телом, не может быть понятен человеку, а между тем это и есть человек». Святой Августин. О Граде Божием, 21.10.

[19] Иносказательный закон
[20] Раввины
[21] Беспрерывность
[22] Доказательства Моисея
[23] Доказательства Иисуса Христа
[24] Пророчества
[25] Особые иносказания
[26] Христианская мораль

Кроме теологического толкования, обращает на себя внимание мистическая интенсивность некоторых из фрагментов этой части, а именно: L 308/S 339 «О трех порядках», L 793/S 646 «Отныне я отвергаю…», L 919/S 749, 751 «Таинство Иисуса Христа», L 926/S 755 «Я могу любить полную темноту…», L 931/S 759 «Я люблю всех людей... », L 948/S 769 «Изменим мерило...».

Текстологические исследования показали, что каждая из частей должна была открываться предисловием[475].

В «Мыслях» находим комментарий писателя к двусоставной архитектонике произведения:

L 976/S 740

Последнее, что находишь, трудясь над каким-нибудь сочинением, — это что поместить в начале[476] /

La dernière chose qu'on trouve en faisant un ouvrage est de savoir celle qu'il faut mettre la première[477].

Здесь актуализируется архитектоника мысли Паскаля, заключающаяся в «привычке глубоко обдумывать вещи и располагать их в определенной последовательности в уме прежде, чем выражать их,

---

[475] Sellier Ph. Une préface «retrouvée» de l'Apologie // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. T. I. Pascal. Paris: Honoré Champion, 1999. p. 68. Смотри: Ernst P. Géologie et stratigraphie des «Pénsées». Paris-Oxford, Universitas, 1996.

[476] Гинзбург с. 364.

[477] Sellier p. 1298.

для того, чтобы осмыслить, проверить с тщанием те из них, которые нужно поставить первыми или последними, и общий порядок, в который должно было привести их с той целью, чтобы они произвели впечатление, им ожидаемое»[478].

Тематика «Мыслей» связана с архитектоникой. Она разнообразна и примечательна. Первая часть открывается разделом Порядок / Ordre, состоящим из двенадцати фрагментов[479].

Темы фрагментов соотносятся с тематикой всей первой части: несправедливость людей; мировые религии — Магомет, Христос; развлечения; поиск доказательств верности христианской религии; благодать; тщета наук; ничтожество человека; бессилие философов; план и части задуманного произведения[480].

Самое частотное слово раздела — порядок/*ordre* — 5 раз. Четыре раза оно используется в качестве подзаголовка L 5, 8, 11, 12/ S 39, 42, 45, 46. «Порядок» показывает становление порядка как выражение замысла, основанного на системе координат веры. Обращает на себя внимание L 2 Диалогический порядок / *Ordre par dialogues*, что показывает поиски автором метода и формы сочинения. Кроме жанровой формы «диалоги»/ *dialogues*, Паскаль пять раз упоминает об эпистолярной форме как жанровой возможности выстраивания первой части:

L 4

Письмо, побуждающее к поискам Бога /

Lettre pour porter à rechercher Dieu;

---

478 Périer E. Préface de l'édition de Port-Royal // Pascal Bl. Les oeuvres complètes. Editions présentée, établie et annotée par Michel Le Guern. Bibliothèque de la Pléiade. T. II. 2000. p. 901-902.

479 Здесь и далее за основу рассуждения взяты логика и выводы из фундаментального труда Пола Эрнста о «Мыслях» с точки зрения единства, движения замысла и смысла произведения на основе изучения 27 разделов, озаглавленных самим Паскалем: Ernst P. Approches pascaliennes. L'unité et le mouvement, le sens et la fonction de chacune des vingt-sept liasses titrées. Editions J. Duculot, 1970. — 709 p.

480 Гинзбург с. 80-82.

L 5

Порядок. Увещевательное письмо к другу, чтобы подвинуть его на поиски /

Une lettre d'exortation à un ami pour le porter à chercher...;

L 7

Письмо, указывающее на пользу доказательства. Через Машину /

Lettre qui marque l'utilité des preuves, par la machine...;

L 9

В письме можно поговорить о несправедливости/

Dans la lettre de l'Injustice...;

L 11

Порядок. После письма о необходимости поисков Бога написать письмо об удалении препятствий /

Après la lettre qu'on doit chercher Dieu, faire la lettre d'ôter les obstacles.

Форма письма, освоенная в «Письмах к провинциалу», представляется Паскалю гибкой, диалогичной, в сравнении со схоластическим рассуждением. Таким образах, диалогичность «Апологии» Паскаля на жанровом уровне выражается в диалогах и эпистулах.

Смысловым ядром «увертюры», содержащего эксплицитно-выраженную волю автора, по мысли Эрнста, являются следующие четыре фрагмента раздела L 4, 5, 7, 11 [481].

Итак, произведение должно было открываться письмами, направленными на то, чтобы побудить равнодушного к религии человека/*l'honnête-homme-indifférent* к поискам Бога: *Lettre pour porter à* **rechercher Dieu**/*Une lettre d'exortation à un ami pour le* **porter à rechercher** / *Après la lettre qu'on doit* **checher Dieu**, *faire la lettre d'ôter les obstacle*[482].

---

[481] Ernst P. Opus. Cit. p. 21.

[482] Ernst P. Opus. Cit. p. 22.

Кроме голоса автора в них присутствует речь «неверующего собеседника»:

> *А он ответит: к чему мне искать, все напрасно; А он скажет, что был бы счастлив увидеть луч света. Но что согласно этой религии, даже если он уверяет, это ничего ему не даст. И потому он предпочитает не искать вовсе.*

За «*письмом, побуждающим к поискам Бога*» и «*письмом об удалении препятствий*», следует жанровое переключение на *рассуждение о Машине, о подготовке Машины*. У Паскаля «машина» — это человеческое тело, понятое в картезианском смысле[483]. Оно участвует своим механизмом в работе духа:

> **L 821 /S 661**
>
> Не следует заблуждаться на свой счет, мы представляем собой столько же автомат, сколько дух[484] /
>
> *Car il ne faut pas se méconnaître: nous sommes automate autant qu'esprit*[485].

Рассуждение находит тематическое наполнение в произведении. Фрагмент L 418/S 680 доказывает неверующему, что он должен отказаться от своих привычек и языческих устремлений. «Машина» может сделать полезным умственное напряжение, неуловимое по своей природе. За три века до торжества машинной эры, Паскаль угадывает преимущества и опасность машины.

---

[483] Смотри: Декарт Р. Рассуждение о методе для хорошего направления разума и отыскания истины в науках. Часть пятая. Порядок физических вопросов. Пер. с лат. В. В. Соколова // Декарт Р. Сочинения. СПб.: Наука, 2006. с. 120-121: «<…> если бы оказались такие машины, которые имеют сходство с нашими телами и подражают нашим действиям настолько, насколько это возможно в моральном отношении, мы имели бы всегда два очень верных средства узнать, что они, лишь благодаря этому отнюдь не являются настоящими людьми».

[484] Гинзбург с. 297.

[485] Sellier p. 1190.

Порядку сердца противостоит машина — материальная сторона бытия, в том числе и природа человека. «Машина» поможет преодолеть препятствия *ôter les obstacles* на пути к вере. К рассуждению о Машине добавляется тема необходимости отречения от привычек и страстей. Интуиция апологета и опыт «Писем к провинциалу» подсказывают автору, что вступив в *диалогический порядок*, собеседник переродится из «человека без Бога» в «человека с Богом». Темы диалогов апологии названы во L 2, 3, 10, 12 фрагментах раздела:

L 2 Диалогический порядок. Что я должен делать. Глаза мои застланы тьмой. Считать ли мне себя ничтожеством? Считать ли мне себя Богом?;

L 3 Все вещи меняются и сменяют друг друга. Вы ошибаетесь, тут… Как, вы не говорите сами, что небо и птицы доказывают существование Бога? Нет. И ваша религия этого не говорит? Нет. Ибо хотя это в каком-то смысле очевидно для немногих душ, коим свет ниспослан от Бога, для большинства это ложно;

L 9 < … > Нелепый закон, по которому старшие получают все. Друг мой, вы родились по эту сторону горы, следовательно, то, что все имение отошло к вашему старшему брату, справедливо. Почему вы меня убиваете?

L 10 Все это от ужасов человеческой жизни. Взглянув на них, люди ударились в развлечения;

L 12/S 46

Порядок.

Люди презирают религию. Они испытывают ненависть и страх при мысли, что она может оказаться истинной. Дабы излечить от этого, надо начать с доказательства того, что религия вовсе не противоречит разуму. Заслуживает почтения, внушить его. Потом представить ее привлекательной, пробудить у добрых людей желание, чтобы она оказалась истинной, а затем доказать, что она истинна.

Заслуживает почтения, потому что хорошо знает человека. Привлекательна, потому что обещает истинное благо[486]

/ *Ordre*.

Les hommes ont mépris pour la religion, ils en on haine et peur qu'elle soit vraie. Pour guérir cela il faut commencer par montrer que la religion n'est point contraire à la raison.

Vénérable, en donner respect. La rendre ensuite aimable, faire souhaiter aux bons qu'elle fût vraie, et puis montrer qu'elle est vraie.

Vénérable parce qu'elle a bien connu l'homme.

Aimable parce qu'elle promet le vrai bien[487].

Темы диалогов работают на геометрию доказательств (*preuves*) перехода от неверия к вере, от видимого к невидимому (L 6/ S 40). Здесь вполне прослеживается двусоставная архитектоника «Мыслей». Замысел должен быть раскрыт через природу («*par la nature*») и через Писание («*par l'Ecriture*»)[488]:

L 6/S 40

Первая часть: Несчастье человека без Бога.

Вторая часть: Радость человека с Богом.

иначе

Первая часть: что природа испорчена самой же природой.

Вторая часть: что есть Исцелитель, согласно Писанию[489].

Première partie: Misère de l'homme sans Dieu.

Deuxième partie: Félicité de l'homme avec Dieu.

autrement

Première partie: Que la nature est corrompue, par la nature même.

Deuxième partie: Qu'il y a un Réparateur, par l'Ecriture.

---

[486] Гинзбург с. 82.

[487] Sellier p. 846.

[488] Ernst P. Opus. Cit. p. 39.

[489] Гинзбург с. 81.

Паскаль продумывает архитектонику перехода от видимого (человек и его природа)[490] — к невидимому (к вере, Исцелителю) в традиции двух уровней толкования Писания Святым Августином — от буквального к символическому[491].

Таким образом, первый раздел «Порядок», сшитый рукой Паскаля, предусматривал общее вступление к апологии в жанре двух «Писем к другу» (письмо, *побуждающее к поискам Бога*» и «*письмо об удалении препятствий*). Автор формально и содержательно постулирует во Вступлении «диалогический порядок», то, что М. М. Бахтин называл «диалог на пороге»[492]. Паскалем найден тип

---

[490] О четырех уровнях (буквальном (историческом), тропологическом, аллегорическом и анагогическом) толкования Библии смотри: Фома Аквинский. «Сумма теологии». Часть I. Вопросы 1-43. Перевод С. И. Еремеева (гл. 1-26), А. А. Юдина (гл. 27-43). Киев — Москва, 2002. с. 17-19; Barthe Cl. L'Esprit et la Lettre// Durand G. Le sens spirituel de la liturgie. Rational des divins offices. Livre IV de la Messe. Présenté par Claude Barthe. Préfacé et traduit par Dominique Millet-Gérard. Genève : Ad Solem, 2003. p. 14-19.

[491] Смотри: Sellier Ph. Pascal et saint Augustin. / Chapitre VII. Théologie et apologie. P.: Editions Albin Michel, 1995. p. 517-572.

[492] Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского…; Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930-1961 гг.). Редакторы тома С. Г. Бочаров, В. В. Кожинов. М.: Языки славянских культур, 2012. с. 494: «Назовем еще такой, проникнутый высокой эмоционально-ценностной интенсивностью, хронотоп, как п о р о г; он может сочетаться и с мотивом встречи, но наиболее существенное его восполнение — это хронотоп к р и з и с а и жизненного п е р е л о м а. < … > В литературе хронотоп порога всегда метафоричен и символичен, иногда в открытой, но чаще в имплицитной форме».

Важно подчеркнуть, что на это же указывает Селье, цитируя формулу М. М. Бахтина из книги «Проблемы поэтики Достоевского» в ходе рассуждения о теме раздела «Начало»: «Главная тема здесь легко узнаваема: речь идет о том, что М. Бахтин называл «диалог на пороге», модель которого представлена Платоном в «Федоне, или Душа»: Сократ в тюрьме и накануне смерти размышляет над вопросом бессмертия души» / «Le thème centrale en est aisément reconnaissable: il s'agit de ce que M. Bakhtine appelle «un dialogue sur le seuil», dont le modèle est fourni par le «Phédon ou l'âme» de Platon: Socrate dans sa prison et sur le point de mourir y médite sur la question de l'immortalité de l'âme». Sellier Ph. L'ouverture de l'apologie // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. T. I. Pascal. Paris: Honoré Champion, 1999. p. 54.

адресата/собеседника, очерчен общий рисунок апологии и ход доказательств.

Каждая из частей апологии должна была открываться предисловием.

Человеческая природа и ее испорченность *Несчастье человека без Бога <...> иначе <...> что природа испорчена самой же природой* становятся главными темами первой части. Темы и мотивы разделов первой части — *Суета; Ничтожество; Скука; Мнения целого народа; Причина вещей; Величие; Противоположности; Развлечение; Философы; Высшее благо, Начало, Покорность и сила разума; Преимущество* — рассматривают разные формы бытия мужчин и женщин, изображают человека и жизнь.

В первой части показана драма человеческого сердца с его страстями, ничтожеством и величием. Здесь, как через два столетия в «Человеческой комедии» О. де Бальзака, «философские этюды», «аналитические этюды» и «этюды о нравах» должны были развернуться в эпопею о человеческой природе и обществе. Тематика первой части заключает в себе матрицы развития романного слова на французской почве. Паскаль-писатель, подобно Шекспиру, помещает собеседника и персонажей в ситуацию спасения. В перспективе истории французской прозы такая точка зрения автора поднимает тему теологии романного слова. Антропоцентричный жанр апологии Нового времени сродни теологическому роману. В «Мыслях», книге несостоявшейся, есть все потенциалы бытования письменного слова Нового времени — слова профанного и слова сакрализующегося, бегущего овеществления. Это чутко восприняли О. де Бальзак, В. Гюго, писатели-католики и особенно П. Клодель[493].

---

[493] О теологии романа и о превращении Декартом «в «роман» метафизики Средних веков и Античности» смотри статью Д. Мийе-Жерар «Клодель — читатель Мориака». Пер. с франц. К. Ю. Кашлявик // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Выпуск 2. Линвгистика и межкультурная коммуникация. Нижний Новгород, 2008. с. 91-106.

Предисловию к первой части соответствует эскиз L 780/ S 644 фрагмента *Préface de la première partie*[494]/Предисловие к первой части[495]. Писатель конкретизирует тему о философах, пирронистах и догматиках, начатую в общем вступлении к апологии. Среди тех, «чьим предметом было познание самих себя», он называет Шаррона. Особенно подробно Паскаль рассуждает о «*беспорядке у Монтеня, который хорошо чувствовал слабость правильной методы. Что он избегал этого, перепрыгивая от темы к теме, что искал свежего воздуха*». Апологет досадует, что Монтень «*возымел глупое намерение рисовать самого себя, и делать это не между прочим и вопреки своим правилам — в такую слабость впадают все — а следуя собственным правилам и первоначальному замыслу. Говорить глупости ненароком, по слабости — болезнь обычная, но говорить их умышленно — это невыносимо*»[496].

Для Паскаля «также как для Сен-Сирана и Янсениуса, философия "всегда была матерью еретиков"»[497]. Однако здесь остро звучит тема диалога исследователя человеческой природы, каковым выступает Паскаль в первой части апологии, с автором «Опытов». Монтень — наставник Паскаля в искусстве писать. Он чужд автору апологии, как и его соавторам по «Письмам к провинциалу» Арно и Николю потому, что «сердце у [него] не в ладах с языком», а также потому, что недостойная порядочного человека черта, рожденная от «сильнейшего себялюбия», диктует темы рассуждений «только о своих настроениях, склонностях,

---

[494] Sellier p. 1171.

[495] Гинзбург с. 287.

[496] Гинзбург с. 287.

[497] Sellier Ph. Pascal et saint Augustin / Chapitre VII. Théologie et apologie. P.: Editions Albin Michel, 1995. p. 534-535, Note 48.

фантазиях, болезнях, о своих добродетелях и пороках»[498]. Паскаль, как показывает вступление, намерен говорить с человеком о нем самом и задавать «проклятые вопросы бытия» вместе с собеседником. Эта коммуникативная направленность писателя на «другого» делает его произведение современным.

Вторая часть *Радость человека с Богом < ... > иначе < ... > что есть Исцелитель, согласно Писанию* посвящена способам нахождения ответов на вопросы, заданные первой частью Апологии. Словарь названий разделов свидетельствуют о теологической тематике второй части: *Переход; Природа испорчена; Ложность других религий; Сделать религию привлекательной; Основания; Иносказательный закон; Высшее благо; Раввины; Беспрерывность; Доказательства Моисея; Доказательства Иисуса Христа; Пророчества; Особые иносказания; Христианская мораль; Заключение*. В содержании есть традиционные тематические разделы. К ним можно отнести августиновские формулы *Природа испорчена; Высшее благо*; канонические *Основания; Раввины; Пророчества; Особые иносказания; Христианская мораль; Иносказательный закон*, где речь идет о принципах толковании Писания. Есть части, в которых Паскаль-писатель обращается к богословию на свой манер. Имея цель *Сделать религию привлекательной*, Паскаль выстраивает рассуждения как доказательства в духе математического ума: *Беспрерывность Доказательства Моисея; Доказательства Иисуса Христа, Заключение*.

Замысел второй части, по текстологической реконструкции Селье, рассказан автором в L780, 781 / S 644 фрагменте и дополнен

---

[498] Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения. / Первое рассуждение, в котором раскрывается замысел этой новой «Логики». Отв. редактор и автор предисловия А. Л. Субботин. Перевод с франц. В. П. Гайдамака. И.: Наука. М., 1997. с. 10; с. 216.

L449 / S 690 фрагментом[499]. Второе предисловие должно было повествовать о тех, кто касались этого предмета [познания Бога], с тех пор как испортилась человеческая природа. Паскаль намечает экзистенциальные темы для дальнейшего самопознания читателя. Прежде всего, необходимое осознание пропасти, отделяющей неверующих и верующих. У каждого из этих сознаний свой язык и свой мир. Метафизические доказательства веры очевидны для религиозного сознания. Но они непонятны и раздражительны для человека, равнодушного к религии, хотя бы уже и осознавшего испорченность собственной природы.

В пассаже из **L780, 781 /S 644** фрагмента слышны реплики устных диалогов Паскаля, которые он вел в светский период с неверующими людьми или равнодушными к религии:

> *<…> но те, в ком свет угас и в ком вы намереваетесь его снова возжечь, — эти люди, лишенные веры и благодати, ищут всем своим разумом, но все, что они видят в природе и что могло бы их привести к познанию истины, считают всего лишь мраком и тьмой, — говорить таким людям, что стоит им только взглянуть на малейшую из вещей вокруг, и они увидят Бога воочию, приводить им как единственное доказательство в таком великом и важном деле движение луны и планет и полагать, что таким доводом можно завершить доказательство, — это значит давать им основание думать, что будто доказательства лучший способ вызвать их презрение. Не так говорит об этом Писание, которое лучше разбирается в вещах божественных.*

Диалогический порядок, найденный в общем Вступлении к апологии, поддерживается в предисловии ко второй части упо-

---

[499] Sellier Ph. Une Préface retrouvée de l'Apologie // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. T. I. Pascal. Paris: Honoré Champion, 1999. p. 67-76 ; p. 69.

минанием в ряду предтечей нового языка для убеждения язычников, Сократа и Платона. Однако «мудрецы, такие как Платон и Сократ, не смогли их убедить»[500]. Философские построения оказываются столь же неубедительными, как и система метафизических доказательств. В апологии Паскаля, как и у Данте в «Божественной комедии», Сократ и Платон остались по ту сторону лимба.

Неслучайно, продолжает Паскаль, Библия никогда не прибегает к доказательствам метафизического характера. Ее доказательства историчны, конкретны и буквальны. Испорченность собственной природы оборачивается для человека инстинктивным и одновременно мистическим предощущением **скрытого Бога** / *Dieu caché*. Так переводит Паскаль знаменитую строку из пророка Исайи — *vere tu es deus absconditus* [Истинно Ты — Бог сокровенный.][501]. Формула о сокровенном Боге, переложенная Паскалем в повествовательность апологии, становится литературной темой романов становления/воспитания Нового времени, где система координат изображения внутреннего мира героя, его исканий и прозрений, также отсчитывается от паскалевского порядка.

Прерванная коммуникация, именно «communication», слово из технического словаря теологии, звучит у Паскаля, может быть восстановлена только через Иисуса Христа. При введении темы Иисуса Христа меняется стилистический регистр повествования. Обращаясь к своему читателю-собеседнику, чей слух подготовлен к пониманию веры, Паскаль использует «великолепное лирическое славословие»[502]:

---

[500] Гинзбург с. 200.

[501] Гинзбург с. 288.

[502] Sellier Ph. Une Préface retrouvée de l'Apologie // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. T. I. Pascal. Paris: Honoré Champion, 1999. p. 74: «Contre la «divinité» abstraite du fr. 644, Pascal se trouve donc conduit à une magnifique célébration lyrique du «Dieu des chrétiens... »

L 449/S690

Христианский религия не заключается в Боге — простом творце геометрических истин и круговорота стихий; это участь язычников и эпикурейцев. Она не заключается только в Боге, распространяющем Свой промысел на жизнь и блага человеческие и дарующему череду счастливых лет тем, кто Ему поклоняется; это удел иудеев. Но Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, Бог христиан — это Бог любви и утешения; это Бог, который наполняет душу и сердце тех, над кем владычествует; это Бог, который помогает им ощутить внутренне свое ничтожество и Его бесконечное милосердие; который проникает в глубины их душ; который наполняет их смирением, радостью, верой, любовью; который их делает неспособными иметь другую цель, кроме Себя Самого[503].

Паскаль-теолог — одновременно и филолог. Он формулирует свою важнейшую тему математически точно. Это тема — порядок сердца/*l'ordre du coeur* (L 298/S 329)[504].

В предисловии ко второй части апологии подтвержден диалогический порядок и жанровые формы его выражения. Здесь найден также стилистический регистр — *порядок сердца*, необходимый для доказательного разговора с равнодушным к религии человеком.

Продуманный порядок апологии, общее вступление, предисловия к частям логически предполагали заключительные части.

В содержании апологии закономерно указан XXVII раздел **Заключение**/*Conclusion*. Однако его тематика и жанровое наполнение не отвечают обширному заключению, симметричному общему вступлению. В «Мыслях», при всей текучести смысла, есть фраг-

---

[503] Гинзбург с. 201-202.

[504] Sellier Ph. Une Préface retrouvée de l'Apologie // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. T. I. Pascal. Paris: Honoré Champion, 1999. p. 76.

менты, которые можно рассматривать как заключения к каждой из частей[505].

По наблюдению Селье, заключение к первой части соотносится с кратким **L 449/S 704** фрагментом:

> Порядок. После испорченности природы сказать: справедливо, чтобы все пребывающие в таком состоянии о том знали, и те, кто этому радуется, и те, кто об этом горюют, но несправедливо, чтобы все увидели искупление[506] /
>
> *Ordre. Après la corruption, dire: il est juste que tous ceux qui sont en cet état le connaissent, et ceux qui s'y plaisent, et ceux qui s'y déplaisent. Mais il n'est pas juste que tous voient la Rédemption*[507].

Повторение глагола «*dire*» — «говорить» вновь показывает внутреннюю установку автора на «речь».

Раскрытие основной темы об испорченности природы человека ведет к ключевой теме второй части — Искуплению. Стилистически ее завершает **L 208/S 240** фрагмент, в котором автор апологии отринул «стоиков, эпикурейцев, догматиков и академиков, и т. д. » и предпочитает их стилю особый диалогический лиризма Библии:

> Кто же может отринуть веру в небесную премудрость и поклонение ей? Разве не ясней, чем день, что мы ощущаем в себе нестираемые следы нашего величия, и разве не столь же очевидно, что мы всякий час испытываем на себе действие нашего плачевного удела? О чем же этот хаос и это чудовищное смятение кричат нам так громко, что противиться им невозможно, как не о том, что природа наша поистине двойственна?[508] /

---

[505] Sellier Ph. Les conclusions du projet d'Apologie // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. T. I. Pascal. Paris: Honoré Champion, 1999. p. 77-86, p. 80.

[506] Гинзбург с. 210.

[507] Sellier p. 1250.

[508] Гинзбург с. 138-139.

Qui peut donc refuser à ces célestes lumières de les croire et de les adorer? Car n'est-il pas plus clair que le jour que nous sentons en nous-même des caractères ineffaçables d'excellence et n'est-il pas aussi véritable que nous éprouvons à toute heure les effets de notre déplorable condition?

Que nous crie donc ce chaos et cette confusion monstrueuse, sinon la vérité de ces deux états avec une voix si puissante qu'il est impossible de résister?[509]

После повествований первой части лиризм автора звучит доказательством «истинности христианства и даже истинным основанием веры»[510].

Момент завершения замысла можно соотнести с прозопопеей из XI раздела Д. П.-Р. Сокращение «Д. П.-Р. » традиционно расшифровывают как «В Пор-Рояле»/«Для Пор-Рояля». Фрагменты, вошедшие в раздел были написаны Паскалем для доклада, произнесенного перед «господами из Пор-Рояля» в 1658 году. Содержанием доклада, по воспоминаниям слушателей, стало изложение основных линий замысла апологии. Наиболее развернутый фрагмент раздела L 149/S 182 представляет собой, по мысли Менара, «своего рода частичную схему Апологии»[511].

Корни художественного приема прозопопеи, выбранного писателем для изложения сути сочинения, уходят в ветхозаветную традицию Книги Притч Соломоновых (вспомним по ходу, что анаграмматические построения псевдонима Паскаля Соломон де Тюльти

---

[509] Sellier p. 954.

[510] Sellier Ph. Les conclusions du projet d'Apologie // Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. T. I. Pascal. Paris: Honoré Champion, 1999. p. 83.

[511] Mesnard J. «une sorte de schéma partiel de l'Apologie». Цитируется по: Pascal Bl. Pensées // Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. La Pochothèque. Garnier, 2004. Textes édités par G. Ferreyrolles et Ph. Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour «Les Provinciales». p. 98. Notice 1.

связаны с образом ветхозаветного царя Соломона). Автор повторяет темы и концепты Апологии:

> Какая же религия научит нас излечивать гордыню и похоть? Какая религия, наконец, объяснит нам в чем наше благо, наш долг, слабости, сбивающие с пути, причина этих слабостей, лекарства для избавления от них и способ добывать эти лекарства? Все другие религии не смогли этого сделать[512]/ *Quelle religion nous enseignera donc à guérir l'orgueil et la concupiscence? Quelle religion enfin nous enseignera notre bien, nos devoirs, les faiblesses qui nous en détournent, la cause de ces faiblesses, les remèdes qui les peuvent guérir, et le moyen d'obtenir ces remèdes? Toutes les autres religions ne l'on pu*[513].

— апеллирует к божественному авторитету и перепоручает свой голос образу божественной Премудрости, «художнице», <…> строительнице, созидающей мир»[514]:

Посмотрим, что делает премудрость Божия[515]/ *Voyons ce que fera la sagesse de Dieu*.

Как и в ветхозаветной Книге, голос божественной Премудрости в «Мыслях» звучит «то скорбящим по поводу людского невежества и падения нравов, то неистово славящим разум, истину, взывающим к благоразумию»:

> «О, люди», — говорит она, — «не ждите ни истины, ни утешения от людей. Я — та, что создала вас, я одна могу открыть вам вашу природу. Но теперь вы уже не таковы, какими я вас создала.

---

[512] Гинзбург с. 120.

[513] Sellier p. 919.

[514] Аверинцев С. С. София // Аверинцев С. С. София — Логос. Словарь. Киев: Дух и Литера, 2000. с. 159. Цит. по: Синило Г. В. Поэтика Книги Сэфер Мишлей (Притчей Соломоновых) // Синило Г. В. Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета). М.: Флинта, МПСИ. 2008. с. 611.

[515] Гинзбург 120.

Я сотворила человека святым, невинным, совершенным, наполнила его душу знанием и разумением, причастила его моей славе и чудесам. Око человеческое зрело тогда величие Божие. Тьма не ослепила его, и горести его не удручали. Но он не смог вынести такой славы, не впавши в гордыню. Он захотел сделаться средоточием для самого себя и не зависеть от моей помощи. Он отверг мое владычество и пожелал стать равным мне, ища свое блаженство в себе самом»[516] /
N'attendez point, dit elle, ô hommes, ni vérité ni consolation des hommes. Je suis celle qui vous ai formés et qui peux seule vous apprendre qui vous êtes. Mais vous n'êtes plus maintenant en l'état où Je vous ai formés. J'ai crée l'homme saint, innocent, parfait. Je l'ai rempli de lumière et d'intelligence. Je lui ai communiqué ma gloire et mes merveilles. L'oeil de l'homme voyait alors la majesté de Dieu. Il n'était pas alors dans les ténèbres qui l'avueglent, ni dans la mortalité et dans les misères qui l'affligent. Mais il n'a pu soutenir tant de gloire sans tomber dans la présomption, il a voulu se rendre centre de lui-même et indépendant de mon secours[517].

Обращает на себя внимание строй прозопопеи, тяготеющей к речевым конструкциям вкупе с парафразами из Монтеня и Святого Августина. Слова Премудрости заключены в скобах и напоминают монолог трагедии.

Прозопопея становится символом основной художественной идеи апологии — выразить порядок сердца. В прозопопее жанры «письма», «диалога», «рассуждения», выбранные для апологетического доказательства, становятся «единым целым»[518].

---

[516] Гинзбург с. 120.

[517] Sellier p. 919.

[518] Синило Г. В. Поэтика Книги Сэфер Мишлей (Притчей Соломоновых) // Синило Г. В. Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета). М.: Флинта, МПСИ. 2008. с. 609.

Таким образом, архитектоника как целеполагание и достижение цели одновременно, в поэтике «Мыслей» понята как общий порядок и его смысловое наполнение. Общий порядок апологии разделен на две части: литературную и теологическую. Автор продумывает архитектонику перехода от видимого (человек и его испорченная природа) к невидимому (к вере, к Исцелителю). Это соотносится с традицией двух уровней (буквального и символического) толкования Писания, идущей от Святого Августина. В общем вступлении к апологии (раздел «Порядок») писатель очерчивает общий план; выбирает «диалогический порядок» в качестве коммуникативного вектора; обозначает тип адресата, находит основные жанровые модели — «письмо», «речь», «рассуждение», «диалоги», необходимые для достижения цели.

Предисловия к частям апологии конкретизируют общее вступление и дают подходы к пониманию каждой в отдельности. Так, темы и мотивы разделов первой части должны были развернуться в эпопею о человеческой природе и обществе. Помещая собеседника и персонажей в ситуацию спасения, писатель поднимает тему теологии романного слова.

В предисловии ко второй части апологии подтвержден диалогический порядок и жанровые формы его выражения, обоснованные в первой части апологии, найден стилистический регистр *порядок сердца*, необходимый для доказательного разговора с равнодушным к религии человеком о нем самом в контексте Писания.

Продуманный порядок апологии, общее вступление, предисловия к частям логически предполагали заключительные части. Незавершенный характер «Мыслей» позволяет извлечь заключительные замечания из многих фрагментов. Определенным символом художественной идеи апологии — выразить порядок сердца, можно назвать прозопопею (L 149/S 182). Прозопопея гармонично сочетает «разрозненные поучения и афоризмы», темы и вопросы о человеке и ответы на них высшего авторитета. Это цик-

лическое «повторение пройденного»[519] можно рассматривать как завершение апологии.

Абрис архитектоники апологии дает посыл к целостному взгляду на незавершенный текст «Мыслей» и нахождению порядка произведения.

СТИЛЬ «МЫСЛЕЙ»
НА ПРИМЕРЕ ФРАГМЕНТА «О ТРЕХ ПОРЯДКАХ»

Для рассмотрение «Мыслей» наиболее адекватным пониманием стиля, в котором видна традиция конструирования всего наследия, обозначенного как «единый текст», представляется определение А. Ф. Лосева, который понимает стиль как «принцип конструирования всего потенциала художественного произведения на основе его тех или иных надструктурных и внехудожественных заданностей и его превичных моделей, ощущаемых, однако, имманентно самим художественным структурам произведения» [520].

Системное построение модели дает представление о человеке в пространстве бытия, соподчинения уровней и смыслов, завершающейся вершиной, которой является Бог.

Фрагмент «О трех порядках» — один из главных в поэтике «Мыслей». В паскалеведении именно этот фрагмент рассматривают как смысловое, тематическое и стилистическое ядро, от которого можно выстраивать макроструктуру «Мыслей» и целостное пред-

---

[519] Десницкий А. С. Параллелизм и письменность Израиля // Десницкий А. С. Поэтика библейского параллелизма. М.: ББИ, 2008. с. 82-87; с. 87.

[520] Лосев А. Ф. Теория художественного стиля// Лосев А. Ф. Сост. и автор предисловия А. А. Тахо-Годи. Киев: Академия Евробизнеса. 1994. с. 226.

ставление о произведении Паскаля[521]. Отношение слова «порядок» к общему порядку «Мыслей» можно назвать определяющим. Вспомним, что Первый раздел задуманной апологии назван именно «Порядок». В таком контексте фрагмент L 308/ S 339 «О трех порядках», входящий в состав XXIII раздела «Доказательство Иисуса Христа», представляет особый интерес.

ФРАГМЕНТ «О ТРЕХ ПОРЯДКАХ» И ЕГО МЕСТО В «МЫСЛЯХ»

В Таблице озаглавленных стопок раздел «Доказательство Иисуса Христа», в который входит фрагмент «О трех порядках», расположен между «Доказательством Моисея» и «Пророчествами». Несмотря на заглавие, «Доказательство Иисуса Христа» имеет целью не историческое доказательство бытования Иисуса, а направлено на раскрытие мысли о том, что явление Иисуса Христа отвечает на пророчества Ветхого завета, восходящего к Моисею. Три фрагмента повторяют название раздела — «Доказательство Иисуса Христа». В рукописных вариантах большая часть фрагментов принадлежат перу Паскаля, некоторые записаны секретарем или копиистом. Раздел состоит из 24 фрагментов разных размеров: некоторые состоят из нескольких слов, другие — из кратких заметок. Самый обширный и разработанный фрагмент раздела «О трех порядках» состоит из пятнадцати смысловых частей (в дальнейшем — единиц, регистров, пассажей)[522]. Для дальнейшего анализа позволительно процитировать фрагмент полностью:

---

[521] Впервые центральность фрагмента «О трех порядках» подчеркнута в труде Steinmann J. Pascal. Les Editions du Serf, 1954. p. 345. Программным с этой точки зрения является работа Ж. Менара «Le thème des trois ordres dans l'organisation des «Pensées» // Mesnard J. La culture du XVII siècle. Enquêtes et synthèses. PUF, 1992. p. 462-486. В данном исследовании она взята за основу рассуждения.

[522] http://www. penseesdepascal. fr/JC/JC. php

L 308/ S 339

[1] *La distance infinie des corps aux esprits, figure la distance infiniment plus infinie des esprits à la charité, car elle est surnaturelle.*

---

[2] *Tout l'éclat des grandeurs n'a point de lustre pour les gens qui sont dans les recherches de l'esprit.*

---

[3] *La grandeur des gens d'esprit est visible aux rois, aux riches, aux capitaines, à tous ces grands de chair.*

---

[4] *La grandeur de la sagesse, qui n'est nulle sinon de Dieu, est invisible aux charnels et aux gens d'esprit. Ce sont trois ordres différents. De genre.*

---

[5] *Les grands génies ont leur empire, leur éclat, leur grandeur, leur victroire et leur lustre, et n'ont nul besoin des grandeurs charnelles, où elles n'ont pas de rapport. Ils sont vus non des yeux mais des esprits, c'est assez.*

---

[6] *Les saints ont leur empire, leut éclat, leur victoire, leur lustre, et n'ont nul besoin des grandeurs charnelles ou spirituelles, où elles n'ont nul rapport car elles n'y ajoutent ni ôtent. Ils sont vus de Dieu et des anges, et non des corps ni des esprits curieux, Dieu leur suffit.*

---

[7] *Archimède sans éclat serait en même vénération. Il n'a pas donné des batailles, pour les yeux, mais il a fourni à tous les esprits ses inventions. Ô qu'il a éclaté aux esprits!*

---

[8] *Jésus-Christ sans biens, et sans aucune production au-dehors de science, est dans son ordre de sainteté. Il n'a point donné d'inventions, il n'a point régné, mais il a été humble, patient, saint, saint, saint*

à Dieu, terrible aux démons, sans aucun péché. Ô qu'il est venu en grande pompe et en une prodigieuse magnificence aux yeux du coeur et qui voient la sagesse!

---

[9] *Il eût été inutile à Archimède de faire le prince dans ses livres de géométrie, quoiqu'il le fût.*

---

[10] *Il eût été inutile à Notre Seigneur Jésus-Christ, pour éclater dans son règne de sainteté, de venir en roi. Mais il y est bien venu avec l'éclat de son ordre.*

---

[11] *Il est bien ridicule de se scandaliser de la bassesse de Jésus-Christ, comme si cette bassesse était du même ordre duquel est la grandeur qu'il venait faire paraître.*

Qu'on considère cette grandeur-là dans sa vie, dans sa passion, dans son obscurité, dans sa mort, dans l'élection des siens, dans leur abandonnement, dans sa secrète résurrection et dans le reste. On le verra si grande qu'on n'aura pas sujet de se scandaliser d'une bassesse qui n'y est pas.

---

[12] *Mais il y en a qui ne peuvent admirer que les grandeurs charnelles, comme s'il n'y en avait pas de spirituelles. Et d'autres qui n'admirent que les spirituelles, comme s'il n'y en avait pas d'infiniment plus hautes dans la sagesse.*

---

[13] *Tous les corps, le firmament, les étoiles, la terre et ses royaumes, ne valent pas le moindre des esprits. Car il connaît tout cela, et soi, et les corps rien.*

---

[14] *Tous les corps ensemble et tous les esprits ensemble et toutes leurs productions ne valent pas le moindre mouvement de charité. Cela est d'un ordre infiniment plus élevé.*

[15] *De tous les corps ensemble on ne saurait en faire réussir une petite pensées, cela est impossible et d'un autre ordre. De tous les corps et esprits on n'en saurait tirer un mouvement de vraie charité, cela est impossible et d'un autre ordre, surnaturel*[523].

L 308/S 339

[1] Бесконечное расстояние между телом и разумом есть лишь подобие бесконечного расстояния между разумом и любовью, ибо она сверхъестественна.

---

[2] Все величие власти лишено блеска в глазах людей, занятых работой разума.

---

[3] Величие работников разума невидимо царям, богачам, полководцам, всем сильным по плоти.

---

[4] Величие мудрости, которая только от Бога, невидимо ни людям плоти, ни людям разума. Это три разных порядка, разного рода.

---

[5] У великих гениев свои царства, своя слава, свое величие, своя победа и свой блеск, и нет нужды в плотском величии там, где оно чужое. Их видят не глаза, но умы. Этого достаточно.

---

[6] У святых свое царство, своя слава, своя победа, свой блеск, им нет нужды в величии плоти или разума; такое величие им чуждо, ибо ничего им не прибавляет и не отнимает у них ничего. Их видят Бог и ангелы, а не тела или любознательные умы. Бога им довольно.

---

[523] Sellier p. 998-1000.

[7] Архимед и без громкой славы пользовался бы таким же уважением. Он не вел сражений, видимых глазу, но подарил умам свои изобретения. О, как сияет его слава в умах.

---

[8] И. Х., без богатств и без всяких подвигов в чем-либо кроме премудрости, пребывает в своем порядке святости. Он не сделал никаких изобретений. Он не царствовал, но Он был смиренный, терпеливый, святой, святой, святой для Бога, страшный для бесов, безгрешный. О, в какой сверкающей пышности и несказанном великолепии является Он очам сердца и умеющим видеть премудрость.

---

[9] Архимеду в его книгах по геометрии не было нужды представляться царем, даже если б он им был.

---

[10] Господу нашему Иисусу Христу для славы в царстве святости не было нужды являться царем, но Он явился в славе своего порядка.

---

[11] Смешно оскорбляться земной малостью И. Х., словно бы эта малость была того же порядка, которому принадлежит явленное Им величие.

Подумайте об этом величии в Его жизни, в Его страстях, в Его безвестности, в Его смерти, в выборе учеников, в их отречении, в Его тайном воскресении и во все остальном. Вы увидите — оно столь велико, что нет причины оскорбляться той малостью, которая принадлежит другому порядку.

---

[12] Но есть такие, кто могут восхищаться только величием плоти, словно и нет величия ума. И другие, кто восхищаются только величием ума, словно и нет бесконечно более высокого величия премудрости.

[13] Все тела, небосводы, звезды, земля с ее царствами не стоит малейшего из умов. Ибо он знает все это и себя самого, а тела — нет.

---

[14] Все тела вместе и все умы вместе и все из них происходящее не стоят малейшей толики любви. Она принадлежит бесконечно более высокому порядку.

---

[15] Из всех тел вместе взятых нельзя извлечь и самой ничтожной мысли. Это невозможно, ибо принадлежат другому порядку. Из всех тел и умов нельзя извлечь толики истинной любви, это невозможно, это принадлежит другому сверхъестественному порядку [524].

Фрагмент представляет собой завершенное, четко прописанное рассуждение, в котором совпадают форма (на листах бумаги фрагмент написан единым текстом) и содержание. Завершенность ставит его в один ряд с такими тематическими центрами «Мыслей» как L 44/S 78 *Imagination*/Воображение, L 131/S 164 *Contrariété*/Противоположности, L 136/S 168 *Divertissement*/Развлечение, L 199/S 230 *Disproportion de l'Homme*/Несоразмерность человека, L 418–426/S 680 *Infini rien (Le discours de la machine)*/Бесконечное ничто (Рассуждение о Машине), L 919/S 749 *Mystère de Jésus*/Таинство Иисуса. Смысловая полнота, присущая фрагменту, делает его одним из главных мест «Мыслей».

Фрагмент расположен во второй теологической части апологии, для которой автор нашел стилистический регистр перехода от литературного/профанного слова к лирическому диалогизму Библии (L 303/S 334 *Dieu parle bien de Dieu*/Бог хорошо говорит о Боге).

Тема фрагмента представляет собой ясное рассуждение о явлении Иисуса, Мессии, «темно» объявленного в пророчествах. Автор

---

[524] Гинзбург с. 162-164.

выстраивает истинный порядок Его явления в мир через милосердие, любовь и святость, неизмеримо превосходящих порядок умов. Он, в свою очередь, далеко превосходит порядок тел, то есть преходящее могущество.

В словаре Паскаля *ordre*/порядок имеет не только узуальный смысл, связанный с продуманным и выстроенным распределением материала, с классификацией и/или унификацией. Первый уровень смысла понятия *ordre*, порядок входит в словарь Паскаля из контекста эпохи. Он подразумевает социальное деление Франции Старого режима («*l'Ancien Régime*») на *trois ordres*/три сословия: духовенство, дворянство и третье сословие . «Цари», «полководцы», «богачи» составляют явный/видимый смысл миропорядка. Однако, прежде социального понимания, Паскаль формулирует и использует понятие «порядок» в научных трудах. Так, в «Трактате об арифметическом треугольнике» дефиниция «порядок» используется в сочетании *ordre numérique*/числовой порядок, *ordres numériques*/числовые порядки[525]. В этом рассуждении и в примыкающих к нему доказательствах, Паскаль обосновывает в самом общем виде метод «решения задач порядков» («*la résolution des ordres*») и извлечения корней из [математических] порядков, исходя не из общего метода, а из построений для каждого порядка в отдельности[526].

---

[525] Pascal Bl. Traité du triangle arithmétique // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Texte établi, présenté et annoté par Jean Mesnard. T. II. P.: Desclée de Brouwer, 1970. p. 1196-1214, 1300-1302, 1324-1332. Смотри: Успенский В. А. Треугольник Паскаля. М.: Наука, 1979.

[526] Pascal Bl. Traité du triangle arithmétique // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Texte établi, présenté et annoté par Jean Mesnard. T. II. P.: "Desclée de Brouwer", 1970. p. 1213: «La méthode par laquelle j'obtiens la résolution des ordres est très générale, mais j'ai dû la chercher longtemps»; p. 1214: «Je cherchais de la même manière les racines des autres ordres, par une construction non générale, mais particulière à chaque ordre: je n'éprouvais pourtant aucune répugnance à l'employer, car celle qui permet de résoudre les puissances n'est pas plus générale: on n'extrait pas une racine carrée de la même façon qu'une racine cubique, etc., quoique ces méthodes différentes découlent du même principe».

Понятие «порядок», прежде всего, иллюстрирует отношение структуры одного порядка с укладом другого порядка или других порядков в общей системе мира. При этом каждый порядок обладает автономией.

Собственно паскалевское литературно-философское наполнение понятие «порядок» впервые получает в «Письме к августейшей королеве Швеции» от 1652 года по поводу приношения арифметической машины[527]. Здесь рассмотрены два из трех порядков — порядок тела и порядок ума. Паскаль проводит параллель между *la puissance*/властью и *la connaissance*/познанием и приходит к выводу по аналогии:

> «власть королей над подданными» <...> «есть всего лишь образ власти умов над умами, стоящими ниже них, над которыми они осуществляют свое право убеждать, и это право среди них есть то же самое, что право повелевать для политической власти»[528].

Принцип отношения одного порядка — власти — к другому порядку — познания — устанавливает между ними иерархию. Поэтому «представляется даже», — продолжает автор письма, «что эта вторая держава принадлежит порядку более высокому, как ум принадлежит порядку более высокому, чем тела, и более справедливому, ибо в нем места распределяются и сохраняются единственно по достоинствам, тогда как в другом это может делаться по рождению или по случаю»[529]. Примат *esprit*/ума над corps/телом связан, по мысли Паскаля, с природой позна-

---

[527] Pascal Bl. Lettre à Christine de Suède // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Texte établi, présenté et annoté par Jean Mesnard. T. II. P.: “Desclée de Brouwer”, 1970. p. 923-926.

[528] Паскаль Бл. Августейшей королеве Швеции // Паскаль Бл. Мысли. Пер. с франц. Ю. А. Гинзбург. Вступительная статья и комментарии Ю. А. Гинзбург. Изд. имени Сабашниковых. М., 1996. с. 418-419.

[529] Паскаль Бл. Августейшей королеве Швеции. с. 419.

ния и его способностью убеждать и доказывать. Через контекст социального порядка он обосновывает явную связь науки с риторикой[530].

Переход от двусоставной системы порядков, изложенных в «Письме к шведской королеве», к трехсоставной числовой эстетике[531] объяснения мира в «Мыслях» связан с литературным влиянием на писателя эпистул Святого Августина. В частности, в комментариях к фрагменту в издании «Мыслей», Ле Герн, указывает на отрывки из писем Святого Августина.

Мотивы писем Святого Августина откликаются во фрагментах из 13 раздела *Soumission et usage de la raison*/Покорность и сила разума «Мыслей»[532]. Паскаль переосмысливает традицию отца Церкви в свете философии и литературы своего времени, представлявшей синтез платонизма, стоицизма и аристотелизма. В литературном контексте эпохи частичное сходство можно усмотреть между построениями Паскаля и «Нравственными посланиями» Оноре д'Юрфе. Автор рассуждает о «трех величиях» и предлагает разделить на три

---

[530] Pascal Bl. Lettre à Christine de Suède // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Texte établi, présenté et annoté par Jean Mesnard. T. II. P.: Desclée de Brouwer, 1970. p. 924: «Les mêmes degrés se rencontrent entre les génies qu'entre les conditions; et le pouvoir des rois sur leurs sujets n'est, ce me semble, qu'une image du pouvoir des esprits sur les esprits qui leur sont inférieurs, sur lesquels ils exercent le droit de persuader, qui est parmi eux ce que le droit de commender est dans le gouvernement politique. Ce second empire me paraît même d'un ordre d'autant plus élevé que les esprits sont d'un ordre plus élevé que les corps, et d'autant plus équitable qu'il ne peut être départi et conservé que par le mérite, au lieu que l'autre le peut être par la naissance ou par la fortune».

[531] Аверинцев С. С. Древнееврейская литература//История всемирной литературы. Том первый. Ред. коллегия тома И. С. Брагинский, Н. И. Балашов, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер. М.: Наука, 1983. Глава IV. с. 282.

[532] Pascal Bl. Pensées / Notes et variantes // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Edition présentée, établie et annotée par Michel Le Guern. B. P. Gallimard, 2000. p. 1428-1429.

главных вида «явления земли», которые в свою очередь связаны с «волеизъявлениями нашей души»: «Первый заключит в себе величие власти и наслаждений. Второй, величие науки. И последний, величие моральной добродетели» [533]. Оноре д'Юрфе создает классификацию похожую на будущие три порядка Паскаля, только не употребляет термина "порядок", не выстраивает свой анализ с учетом структуры человека и не рассуждает математически. Паскаль будет радикальней, более ученым, устанавливая автономию существования каждого из порядков.

Для научного построения теории трех порядков Паскаль опирается на Декарта, на его определения тела человека как протяженности, на рассуждения об инстинктах тела-автомата и на определение *cogito*/мысли как главных отличия и достоинства человека.

На литературно-духовную традицию теории трех порядков Паскаль указывает сам, упоминая в L 498/S 736 фрагменте «Мыслей» о Гуго Гроции:

L 498/S 736 *Le second temple glorieux, Jésus-Christ y viendra: Aggée*, II, 7-8-9-10; *Malachie*. — *Grotius*[534]/Второй храм славы. И. Х. придет. Агг. 2. 7. 8. 9. 10. Малахия. Гроций[535]. Апологетический труд «Об истинности христианской религии» (*De veritate religionis christianae*) (1627 лат. изд.) голландского поэта, юриста, историка и теолога Гуго Гроция (1583—1645) было хорошо известно во Франции. Примечательно, что первоначально оно было написано

---

[533] Mesnard J. Le thème des trois ordres dans l'organisation des «Pensées» // Mesnard J. La culture du XVII siècle. Enquêtes et synthèses. PUF, 1992. p. 468. Смотри также: Мокульский С. С. Формирование классицизма// История французской литературы. Том I. С древнейших времен до революции 1789 г. М. -Л.: Академия наук СССР. 1946. с. 373-374; Чекалов К. А. Оноре д'Юрфе: «Я ничего не представляю глазу, но только лишь уху» // Чекалов К. А. Маньеризм во французской и итальянской литературах. М.: ИМЛИ РАН. 2001. с. 153-203.

[534] Sellier p. 1290.

[535] Гинзбург с. 230.

Гроцием на нидерландском языке в стихах и предназначалось для голландских моряков, отправлявшихся в разные части света по торговым и одновременно миссионерским делам.

В первой части популярной апологии есть рассуждения о трех порядках, которые по смыслу перекликаются с паскалевским текстом:

«Известно, что природу вещей низких составляет [невозможность] понять вещи порядка более высокого и более великого. Животные вовсе не понимают что такое человек: ещё менее могут постичь свои действия и обнаружить, каким образом устанавливаются и управляются государства, измерить движение небесных светил и как плавать по морю. Несомненно, что взгляд на все эти преимущества человека над животным, должен был привести к заключению, что тот, от кого он получил все эти преимущества, в той же мере [стоит] над ним, в какой [сам] человек [стоит] над животным»[536].

Кроме общей системы сравнения порядков, Паскаль воспринял из апологии голландского ученого единицы сравнения — животное, человек и «создатель всего этого», а также перспективу разумного взгляда человека на собственную природу.

Еще одна важная черта для понимания поэтики фрагмента и «Мыслей» в целом заключается в том, что С. С. Аверинцев, рассуждая о ветхозаветном каноне, назвал «трехчастной структурой»

---

[536] Pascal Bl. Pensées / Notes et variantes // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Edition présentée, établie et annotée par Michel Le Guern. B. P. Gallimard, 2000. p. 1429. «< … > un passage de Grotius (*De veritate religionis christianae*, I, ii, p. 7): «On sait qu'il est de la nature des choses inférieures de ne pouvoir bien comprendre celles qui sont d'un ordre plus élevé et plus éminent. Les bêtes ne comprennent point ce qui c'est que l'homme: beaucoup moins peuvent-elles pénétrer ses actions, er découvrir de quelle manière il établit et gouverne les Etats, mesure le cours des astres, et sait voyager sur la mer. Certes la vue même de ces beaux avantages de l'homme sur la bête devrait bien lui faire conclure que celui de qui il les a reçus est pour le moins autant au-dessus de lui qu'il est lui-même au-dessus des bêtes <…>».

отражающей «принцип традиционалистской циклизации»: каждый последующий порядок представляется комментированием предшествующего порядка. Это создает условие для целостности произведения[537].

Таким образом, теория о трех порядках показывает, что художественное мышление Паскаля складывается из математического, философского, теологического и собственно литературного контекстов. Литературный контекст представляет особую ценность для данного исследования.

ТЕМАТИКА И СТРУКТУРА ФРАГМЕНТА «О ТРЕХ ПОРЯДКАХ»

Первый порядок определен как порядок *de chair*/плоти или *des corps*, *les corps*/тел. *Tous les corps*/все тела, *le firmament*/небосвод, *les étoiles*/звезды, *la terre et ses royaumes*/земля с ее царствами и *tous ces grands de chair*/все сильные по плоти — *les rois*/цари, *les riches*/богатые, *les capitaines*/ полководцы принадлежат этому порядку и действуют в нем.

Диапазон персонажей первого порядка достаточно широк: Агамемнон, Пирр, Береника, Дарий, Ксеркс, Кир, Александр Македонский, Цезарь, Помпей, Клеопатра, Веспасиан, Персей Македонский, Диоклетиан, Навуходоносор, Пилат, Кромвель... Они из тех,

> *qui ne peuvent admirer que les grandeurs charnelles, comme s'il n'y en avait pas de spirituelles*/
>
> кто могут восхищаться только величием плоти, словно и нет величия ума.

---

[537] Аверинцев С. С. Древнееврейская литература//История всемирной литературы. Т. 1. Ред. коллегия тома И. С. Брагинский, Н. И. Балашов, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер. М.: Наука, 1983. Глава IV. с. 273.

Для этого порядка характерна определенность пространства, связанная с географией и историческими событиями — от библейских времен, античного мира до христианской Европы, современной Паскалю.

Внутри существует *la grandeur charnelle*/плотское величие, *l'éclat des grandeurs*/величие власти, измеряющее этот порядок. Порядок имеет собственную зрительную/плотскую проекцию на мир — *vus... des yeux*/ видимое... глазами.

Второй порядок назван порядком *esprit*, *des esprits*/ума или умов. В него входят *les gens qui sont dans les recherches de l'esprit*/люди, пребывающие в изысканиях ума, *des gens d'esprit*/люди ума. К действующим лицам порядка этого рода/жанра относятся *les grands génies*/великие гении и *des esprits curieux*/любознательные умы. Они обладают *leur empire*/своим царством, *leur éclat*/своей славой, *leur grandeur*/своим величием, *leur victoire*/ своей победой и *leur lustre*/ своим блеском, которые отличаются от величия порядка плоти. Они видят мир через умопостижение (как у Платона в «Государстве») — *vus... des esprits* — и измеряют мир работой ума. К работникам ума принадлежит и автор «Мыслей», замыкая внушительный список действующих лиц второго порядка, среди которых великие ученые, поэты, теологи, философы, историки, писатели прошлого: Аристотель, Пелагий, папы римские, Филон Александрийский, Зенон, Эпиктет, Цицерон, Гесиод, Демокрит, Гомер, Иосиф Флавий, Теренций, Макробий, Магомет, Платон, Сократ, Плиний, Тацит, Порфирий, Светоний, Коперник, Лютер, Кальвин, Монтень, Галилей, а также современники — Арно, Корнель, Декарт, де Лианкур. Они из тех,

> *qui n'admirent que les spirituelles, comme s'il n'y en avait pas d'infiniment plus hautes dans la sagesse*/
>
> кто восхищаются только величием ума, словно и нет бесконечно более высокого величия премудрости.

Два регистра фрагмента повествуют об Архимеде, чья *Ô qu'il a*

éclaté aux esprits! /слава сияет в умах, как об образцовом персонаже второго порядка:

> *Il n'a pas donné des batailles, pour les yeux, mais il a fourni à tous les esprits ses inventions*/
>
> Он не вел сражений, видимых глазу, но подарил умам свои изобретения.

Паскаль акцентирует превосходство гения Архимеда над порядком плоти, вводя мотивы о великом геометре, почерпнутые у Плутарха, а именно, из жизнеописания римского консула Марцелла, воевавшего против Сиракуз[538]. У Плутарха звучит та же тема противопоставления умозрения и ясной повседневности мира плоти:

> Сам Архимед считал сооружение машин занятием, не заслуживающим ни трудов, ни внимания; большинство их появилось на свет как бы попутно, в виде забав геометрии, и то лишь потому, что царь Гиерон из честолюбия убедил Архимеда хоть ненадолго отвлечь свое искусство от умозрений и, обратив его на вещи осязаемые, в какой-то мере воплотить свою мысль, соединить ее с повседневными нуждами и таким образом сделать более ясной и зримой для большинства людей[539].

Образ Архимеда представляет собой модель ученого и обобщение всякого ума.

Персонажи первого и второго порядков несут в себе темы и сюжеты, дающие богатые возможности для изображения человеческой природы в первой части апологии. В «Мыслях» при изображении «персонажей» проявляется традиция поэтики Евангелия, в которой, по характеристике

---

[538] Pascal Bl. Pensées//Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. La Pochothèque. Garnier, 2004. Textes édités par G. Ferreyrolles et Ph. Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour «Les Provinciales». p. 999. Note 4.

[539] Плутарх. Пелопид и Марцелл. Марцелл [14-19] // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В двух томах. М.: Издательство «Наука», 1994. Т. I. Перевод С. П. Маркиша. с. 348.

С. С. Аверинцева, «действующие в этой прозе люди <…> предстают перед нами не как объекты художественного наблюдения, но как субъекты морального выбора». Такая точка зрения автора имеет целью назидательность, поэтому особенность прозы Паскаля, так же как и прозы Нового Завета, заключена «не в полноте изображения, а в силе экспрессии, не в стройности, а в проникновенности интонации»[540].

Структура второго порядка, как и первого, отличается четкостью описаний его составляющих. В описании третьего порядка — порядка милосердия [любви] — появляются разночтения, связанные с его мистической природой [541].

Разночтения показывают условность силы ума в определении структуры порядка. Он назван порядком *la charité*/милосердия, а также порядком *la sainteté*/святости и *règne de sainteté*/царством святости, порядком, который /<…> *est venu* <…> *aux yeux du coeur*/является очам сердца. Одновременно он описывается через термин *la sagesse*/премудрость, который имеет отношение к области светских знаний и опыта, рождающих гордость. С другой стороны, премудрость соотносится со святостью, которая принадлежит *d'un autre ordre, surnaturel*/иному сверхъестественному порядку. Этот порядок невидим/*invisible* для *aux charnels*/плотских и для *aux gens d'esprit*/людей ума.

---

[540] Аверинцев С. С. Истоки и развитие раннехристианской литературы//История всемирной литературы. Том первый. Ред. коллегия тома И. С. Брагинский, Н. И. Балашов, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер. М.: Наука, 1983. Глава IX. с. 507-508.

[541] Автор «Мыслей» в одном из фрагментов эвристично упоминает о Дионисии Ареопагите в контексте темы милосердия: L 762/S 629 < … > Denys a la charité, il était en place / Дионисий обладает милосердием, он был на месте. Этот намек Паскаля на внутреннюю форму собственного понятия «порядок» позволяет соотнести структура третьего порядка с традицией трех сфер из рассуждения «О небесной иерархии», а единицы этой структуры с толкованиями из труда «О Божественных именах» Дионисия Ареопагита.

Главное место здесь принадлежит Иисусу Христу. Если Архимеду посвящены два из пятнадцати пассажей фрагмента, то образу Иисуса Христа — четыре. Автор сравнивает эти «персонажи» как вершины двух порядков. Образ Иисуса трактуется апофатически: *sans biens, et sans aucune production au-dehors de science <...> n'a point donné d'inventions, il n'a point régné*/без богатств и без всяких подвигов < ... > не сделал никаких изобретений < ... > не царствовал; *Il est bien ridicule de se scandaliser de la bassesse de Jésus-Christ*/Смешно оскорбляться земной малостью Иисуса Христа... Апофатическое должно привести к выяснению сущности порядка.

Иисус Христос — олицетворение третьего порядка *est dans <...> sainteté, <...> humble, patient, saint, <...> terrible aux démons, sans aucun péché...*/пребывает в < ... > святости <...> смиренным, терпеливым, <...> страшным для бесов, безгрешным. Канва земной жизни Христа <...> *sa passion, <...> son obscurité, <...> sa mort, <...> l'élection des siens, <...> leur abandonnement, <...> sa secrète résurrection*/Его страсти, Его безвестность, Его смерть, выбор учеников, их отречение, Его тайное воскресение определяют величие сверхъестественного порядка.

Его *empire*/царство, *éclat*/слава, grandeur/величие, *victoire*/победа и *lustre*/блеск видны *Dieu*/Богу, *anges*/ангелам и *saints*/святым *yeux du coeur*/ глазами сердца.

Основания трех порядков мира автор строит на концептах *corps*/тело, *esprit*/ разум, ум, *charité*/милосердие, любовь, сообщая им самый общий смысл. Порядки отличаются природой вещей/структур в них входящих:

> *Ce sont trois ordres différents. De genre*/
>
> Это три разных порядка, разного рода. Один порядок < ... > ничего не прибавляет и < ... > не отнимает ничего у другого.

В литературном словаре Паскаля слово порядок синонимично слову *genre*/род. Привычное для литературоведческого

уха слово «genre», вновь происходит из математического языка ученого и принадлежит словарю Евклида. Оно показывает, что соположение порядков основано на математическом принципе, изложенном Паскалем в сочинении «Sommation des puissances numériques»[542] («Сложение порядков у величин»): величины одного рода ничего не прибавляют к величинам более высокого порядка, точно также, как «точки не прибавляют ничего к линиям, линии к поверхностям, поверхности к телам» [543].

АНАЛОГИЯ КАК КОМПОЗИЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ФРАГМЕНТА «О ТРЕХ ПОРЯДКАХ»

Основой для последовательности порядков становится понятие grandeur/величина, объем; величие, могущество, grandeurs/размеры соединяющее в себе математическое и литературное значения. Им измеряется расстояние между порядками. Тело, ум, милосердие, по сути, становятся величинами, которые способны возрастать:

> *La distance infinie des corps aux esprits, figure la distance infiniment plus infinie des esprits à la charité, car elle est surnaturelle/*

---

[542] Pascal Bl. Pensées // Pascal Bl. Les Provinciales. Pensées et opuscules divers. La Pochothèque. Garnier, 2004. Textes édités par G. Ferreyrolles et Ph. Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour «Les Provinciales». p. 999. Note 2.

[543] Pascal Bl. Potestatum numericarum summa/Sommation des puissances numériques// Pascal Bl. Oeuvres complètes. Texte établi, présenté et annoté par Jean Mesnard. T. II. P.: Desclée de Brouwer, 1970. p. 1271-1272: < … >*in continua quantitate, quotlibet quantitates cujusvis generis quantitati superioris generis additas nihil ei superaddere*. Sic puncta lineis, lineae superficiebus, superficies solidis nihil adjiciunt: seu, *ut numericis, in numerico tractatu, verbis utar*, radices quadratis, quadrata cubis, cubi quadrato-quadratis, etc., nihil apponunt/< … > *dans le cas d'une grandeur continue, des grandeurs d'un genre quelconque, ajoutées, en tel nombre qu'on voudra, à une grandeur d'un genre supérieur, ne l'augmentent de rien. Ainsi les points n'ajoutent rien aux lignes, les lignes aux surfaces, les surfaces aux solides* < … >

Бесконечное расстояние между телом и разумом есть лишь подобие бесконечного расстояния между разумом и любовью, ибо она сверхъестественна.

Отношение порядков построено по подобию/аналогии. Симметрия порядков прослеживается, прежде всего, на уровне словаря фрагмента. Во всех порядках есть *leur empire, leur éclat, leur grandeur, leur victoire et leur lustre*/свои царства, своя слава, свое величие, своя победа и свой блеск.

В первом порядке эти слова имеют буквальный смысл. В тексте «Мыслей» они также имеют буквальный смысл, когда речь идет о сильных по плоти и о темах, принадлежащих первому порядку: война, тирания, развлечение, похоть, слава царей, победы полководцев, блеск богатых. Более всего словарь первого порядка богат в первой литературной части «Мыслей», где описывается несчастье человека без Бога и испорченность человеческой природы.

Эмблемой буквального смысла словаря первого порядка в «Мыслях» можно назвать череду ироничных фрагментов о Клеопатре. Они навеяны писателю пьесой Корнеля «Смерть Помпея»[544]:

L 46 / S 79

Vanité. La cause et les effets de l'amour. Cléopâtre[545]/

Суета. Истоки и последствия любви. Клеопатра[546].

L 197 / S 228

<…> (Rien ne montre mieux la vanité des hommes que de considérer quelle cause et quels effets de l'amour, car tout l'univers en est changé. Le nez de Cléopâtre)[547]/

---

[544] Pascal Bl. Pensées// Pascal Bl. Oeuvres complètes. Edition présentée, établie et annotée par Michel Le Guern. B. P. Gallimard, 2000. p. 677. Notes et variantes. p. 1449.

[545] Sellier p. 861.

[546] Гинзбург с. 90.

[547] Sellier p. 940.

<…> (Нет лучшего доказательства суетности людской, чем причины и следствия любви, — ведь от них меняется вселенная. Нос Клеопатры)[548].

L 413 / S 32

Qui voudra connaître à plein la vanité de l'homme n'a qu'à considérer les causes et les effets de l'amour. La cause en est un je ne sais quoi. Corneille . Et les effets en sont effoyables. Ce je ne sais quoi, si peu de chose qu'on ne peut le reconnaître, remue toute la terre, les princes, les armeés, le monde entier. Le nez de Cléopâtre s'il eût été plus court toute la face de la terre aurait changé[549]/

Тому, кто хочет сполна оценить всю меру суетности человеческой, достаточно подумать о причинах и следствиях любви. Причина ее Бог весть в чем. Корнель. А следствия ее сокрушительны. Это Бог весть что, такой пустяк, что его и определить нельзя, будоражит всю землю, государей, армии, целый мир. Если бы нос Клеопатры был покороче, лик земли был бы иным[550].

Тема перехода видимой плотской красоты в буквальные политические последствия передана последним предложением: *Le nez de Cléopâtre s'il eût été plus court toute la face de la terre aurait changé*/Нос Клеопатры, если был бы короче, лик земли был бы иным.

Перенос по аналогии смысла буквального, видимого в другой порядок актуализирует его в метафорический невидимый смысл: нос/*nez* — лик, лицо/*face*: нос Клеопатры — лик земли. Синтаксическая несогласованность частей речи — *Le nez de Cléopâtre s'il eût été plus court*/

---

[548] Гинзбург с. 131.

[549] Sellier p. 841.

[550] Гинзбург с. 184.

Нос Клеопатры, если был бы короче — анаколуф[551] — подчеркивает «вторжение» строя разговорной речи в строй письменного языка[552]. Паскаль часто использует анаколуф при выражении авторской точки зрения, что делает систему аргументации более экспрессивной.

Конкретное речевое слово или понятие первого порядка в ином порядке мысли четко актуализирует буквальный смысл. Так «работают» слова порядка плоти в рассуждениях II теологической части «Мыслей». Например, евангельские цитаты, вплетаемые Паскалем в текст, сочетают буквальность своего смысла, буквальность исторического смысла Евангелия и авторскую точку зрения из перспективы второго и третьего порядков. Такова цитата из Евангелия от Иоанна (XIX, 15)[553]:

L 490–491/S 736

Nous n'avons point de roi que César. Nature corrompue. L'homme n'agit point par la raison, qui fait son être[554]/

Нет у нас царя, кроме кесаря. Испорченная природа. Человек не действует согласно разуму, который есть его существо[555].

---

[551] Гаспаров М. Л. Анаколуф//Литературная энциклопедия терминов и понятий. Глав. ред. и составитель А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2003. С. 30: «Анаколуф (греч. anakoluthos - непоследовательный) — синтаксическая несогласованность частей или членов предложения (как небрежность или средство выразительности): «Нева всю ночь / Рвалася к морю против бури, / Не одолев их [вместо «ее»] буйной дури» (А. С. Пушкин); «Так любить, как любит наша кровь, никто из вас давно не любит» [вместо «не умеет»]».

[552] Reboul O. Introduction à la rhétorique. Théorie et pratique. PUF, 2009. p. 135-136.

[553] Речь идет о суде над Иисусом: «Долой его! Долой! На крест!» — закричали те. «Так вы хотите, чтобы я распял вашего Царя?» — говорит Пилат. «У нас нет другого царя, кроме цезаря!» — ответили старшие священники. Цит. по: Библия. Современный русский перевод. М.: Российское библейское общество, 2011. с. 1195.

[554] Sellier p. 1288.

[555] Гинзбург с. 229.

Это пример суда сильных по плоти над порядком милосердия, который им не-понятен и не-видим. Таким образом, буквальный смысл (языческий смысл, если вспомнить этимологию слова, от слав. «язык», — «язык» и «народ») слов становится приемом изображения мира плоти.

Аналогия и подобие как приемы построения теории трех порядков ведут к метафоре. Метафора становится основным средством описания невидимого мира. Во втором и третьем порядках «царство», «слава», «величие», «победа» и «блеск» имеют уже символический смысл. Так, «блеск» и «слава», озаряющие умы и сердца, напоминают о евангельском образе света; «победа» и «царство» прочитываются как победа ума над плотью и духа над телом через призму вершины иерархии трех порядков — Иисуса Христа.

Неслучайно композиция фрагмента соотносима с притчевой структурой пролога к Евангелию от Иоанна. Пролог Евангелия, как указывал Святой Иероним, представляет собой Слово, звучащее с неба. Оно достигает земли, чтобы вернуться в божественные пределы[556]. Прежде, чем изложить жизнь Иисуса Христа, Иоанн Богослов уподобляет своего героя божественному Логосу: «Греческое слово λογοζ», — толкует Святой Иероним, «имеет многие значения: оно значит и слово, и разум, и вычисление, и причину какой-либо вещи, через посредство которой что-либо происходит. Все это мы поистине видим во Христе»[557].

Автор апологии меняет вектор композиции. Его слово о трех порядках восходит от «сильных по плоти» и «работников ума» к порядку «святости Иисуса Христа, чтобы вернуться в “распоряжение”

---

[556] Evangile selon Saint Jean // La Sainte Bible (texte Latin et traduction française) commentée d’après la Vulgate et les textes originaux par L. -Cl. Fillion. T. VII. Paris: Letouzey et Ané, Éditeurs, 1901. p. 465-468; p. 464.

[557] Блаженный Иероним. Письмо к Павлину. Об изучении Св. Писания // Диесперов А. Блаженный Иероним и его век. М.: Канон, 2002. с. 209.

“работников ума” и “сильных по плоти”». Композиция трех порядков представляет собой переход от Логоса к аналогии, («*du logos à l’analogos*»), который подразумевает расширение языка метафоры как инструмента описания невидимого порядка милосердия[558].

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА «О ТРЕХ ПОРЯДКАХ»

Фрагмент «О трех порядках» открывает вторую сторону проблемы человека в материальном мире. Машина, человек, тело предстают в ней если не синонимами, то в одном синонимическом ряду. Композиционно фрагмент выстроен по аналогии с доказательством теоремы. Каждый стих иллюстрирует общую тему несоразмерности порядков. Автор рассуждения о трех порядках «как бы сам вслушивается и вдумывается в постоянно повторяемые им слова-символы с неограниченно емким значением»[559] — “тело”, “ум”, “милосердие”, “величина”, “слава”, “победа”, “царство”, “блеск”. Они построены вокруг ключевого слова, их объединяющего — порядок.

---

[558] Смотри: Claudel P. Journal (1933-1955). Tome II. Edition présentée par F. Varillon et J. Petit. B. P. Gallimard, 1970. p. 753. Об аналогичном складе поэтики Клоделя смотри: Millet-Gérard D. Poëme biblique et poétique sacramentelle chez Paul Claudel//Millet-Gérard D. La prose transfigurée. Vignt études en hommage à Paul Claudel pour le cinquantenaire de sa mort. PUPS, 2005. p. 318: «C’est le passage du «logos» à l’«analogos». Claudel s’y voit justifié de son oeuvre de «poète sacré» qui consiste à élargir le champ de la métaphore sans lui faire quitter de l’analogie divine: travail surveillé sur les mots, non plus images gratuites, mais instruments optiques pourvus eux aussi d’un pouvoir réfléchissant au sein d’un univers qui n’est qu’analogie démultipliée et ordonnée».

[559] Аверинцев С. С. Истоки и развитие раннехристианской литературы//История всемирной литературы. Том первый. Ред. коллегия тома И. С. Брагинский, Н. И. Балашов, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер. М.: Наука, 1983. Глава IX. с. 511.

Фрагмент разделен на 15 пассажей, в построении которых видна симметричность. Так, тематическое «дано» 1 регистра:

La distance infinie des corps aux esprits, figure la distance infiniment plus infinie des esprits à la charité, car elle est surnaturelle/

Бесконечное расстояние между телом и разумом есть лишь подобие бесконечного расстояния между разумом и любовью, ибо она сверхъестественна.

Симметрично тематическому «доказано» посредством параллельных синтаксических конструкций в последнем 15 регистре:

De tous les corps ensemble on ne saurait en faire réussir une petite pensées, cela est impossible et d'un autre ordre. De tous les corps et esprits on n'en saurait tirer un mouvement de vraie charité, cela est impossible et d'un autre ordre, surnature /

Из всех тел вместе взятых нельзя извлечь и самой ничтожной мысли. Это невозможно, ибо принадлежат другому порядку. Из всех тел и умов нельзя извлечь толики истинной любви, это невозможно, это принадлежит другому сверхъестественному порядку.

Автор повторяет основную мысль о несоразмерности порядков, создает кольцевую (циклическую) композицию и завершает доказательство.

Архитектоника фрагмент двусоставна. Две симметричные части имеют семь регистров. Сечение проходит через 8 пассаж. В 8 стихе математическая холодность симметрии «взрывается» эмоциональной кульминацией литургического повтора:

Jésus-Christ sans biens, et sans aucune production au-dehors de science, est dans son ordre de sainteté. Il n'a point donné d'inventions, il n'a point régné, mais il a été humble, patient, saint, saint, saint à Dieu, terrible aux démons, sans aucun péché. Ô qu'il est venu en grande pompe et en une prodigieuse magnificence aux yeux du coeur et qui voient la sagesse! /

И. Х., без богатств и без всяких подвигов в чем-либо кроме премудрости, пребывает в своем порядке святости. Он не

сделал никаких изобретений. Он не царствовал, но Он был смиренный, терпеливый, святой, святой, святой для Бога, страшный для бесов, безгрешный. О, в какой сверкающей пышности и несказанном великолепии является Он очам сердца и умеющим видеть премудрость.

Организация текста оказывается настолько строгой и симметричной, что приближается к поэзии. Так, повторяющиеся цепочки:

1. La distance infinie des corps aux esprits, figure la distance infiniment plus infinie des esprits à la charité...

2. Les grands génies ont leur empire, leur éclat, leur grandeur, leur victoire et leur lustre...

3. Les saints ont leur empire, leut éclat, leur victoire, leur lustre...

4. Qu'on considère cette grandeur-là dans sa vie, dans sa passion, dans son obscurité, dans sa mort, dans l'élection des siens, dans leur abandonnement, dans sa secrète résurrection et dans le reste.

5. Tous les corps, le firmament, les étoiles, la terre et ses royaumes ne valent pas le moindre des esprits.

6. Tous les corps ensemble et tous les esprits ensemble et toutes leurs productions ne valent pas le moindre mouvement de charité;

свидетельствуют о ритме, достаточном для французского силлабического стиха XVII столетия[560].

Некоторые пассажи написаны именно силлабическим французским стихом. Например, [2] *Tout l'eclat des grandeurs n'a point de lustre pour les gens qui sont dans les recherches de l'esprit.* — 11 сложник. К этому добавлены и другие способы организации поэтического текста. Например, внутренняя рифма: *des grandeurs charnelles ou spirituelles; car elles n'y ajoutent ni ôtent; Archimède sans éclat serait en même vénération/< ... > mais il a foirni à tous les esprits ses in-*

---

[560] Смотри: Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. Н., 2003. с. 101-134; Евдокимова Л. В. У истоков французской прозы. Прозаическая и стихотворная форма в литературе XIII века. М.: Наследие. 1997.

ventions; < ... > le moindre mouvement de charité/< ... > d'un ordre infiniment plus élevé;

антитезы звучания: *Il eût été inutile à Archimède de faire le prince dans ses livres de géométrie, quoiqu'il le fût*;

повторы звуков «f» и «i» La distance infinie / *figure la distance infiniment/ plus infinie*, создающие ощущение неуловимости и даже непостижимости расстояния между порядками.

«Спрессованность» и концентрация формул смысла преобразуют мысль автора в «тесноту стихового ряда» (Ю. Н. Тынянов). Можно предположить, что математический ум Паскаля ощущает стих с его строгой организацией и смысловой насыщенностью как аналогию формулы в математической науке.

Приницп симметрии актуализируется также через параллелизмы. Фрагмент соткан из параллелизмов, чья поэтика обладает геометрическим измерением выражения смыслов в симметрии, асимметрии и в повторах. Автор «Мыслей» искусно использует эти возможности для линейного и одновременно циклического повествования[561]. Художественное мышление Паскаля сочетает в себе ореол ветхозаветной традиции с логикой, линейностью, системностью, аналитичностью и дробностью Нового времени.

Параллелизмы паскалевского текста, как и в библейской традиции, построены на тематических повторах единоначатия (анафоры)[562]. Так, 2, 3, 4 регистры начинаются с вариаций на тему вели-

---

[561] Десницкий А. С. Поэтика библейского параллелизма. М., 2007. с. 87: «Цикличность — линейность. <…> Речь идет, прежде всего, о том, что библейские тексты обычно строятся по принципу «повторения пройденного»: так, сам Ветхий Завет открывается двумя рассказами о сотворении мира, причем второй в некоторой степени повторяет первый. Новоевропейские тексты обычно строятся по принципу целенаправленного последовательного движения, при котором повторы используются значительно реже и играют более скромную роль».

[562] Гаспаров М. Л. Анафора//Литературная энциклопедия терминов и понятий. Глав. ред. и составитель А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2003. с. 32-33.

чия: *Tout l'éclat des grandeurs*/все величие власти; *la grandeur des gens d'esprit*/величие работников разума; *la grandeur de la sagesse*/величие мудрости;

5 и 6 пассажи открываются темой существования особого пространства/царства великих умов и святых: *Les grands génies ont leur empire, leur éclat, leur grandeur, leur victroire et leur lustre*/У великих гениев свои царства, своя слава, свое величие, своя победа и свой блеск; *Les saints ont leur empire, leut éclat, leur victoire, leur lustre*/У святых свое царство, своя слава, своя победа, свой блеск;

9 и 10 строки начинаются с мотива о тщете понимания Архимеда и Иисуса Христа через порядок плоти: *Il eût été inutile à Archimède de faire le prince dans ses livres de géométrie*/Архимеду в его книгах по геометрии не нужно было представляться царем; *Il eût été inutile à Notre Seigneur Jésus-Christ, pour éclater dans son règne de sainteté, de venir en roi*/Господу нашему Иисусу Христу для славы в царстве святости не было нужды являться царем;

завершающие 13, 14 и 15 регистры открываются мотивом собирания всего порядка тел и порядка умов: *Tous les corps, le firmament, les étoiles, la terre et ses royaumes*/Все тела, небосводы, звезды, земля с ее царствами; *Tous les corps ensemble et tous les esprits ensemble et toutes leurs productions*/все тела вместе и все умы вместе и все из них происходящее; *De tous les corps ensemble*/из всех тел вместе взятых; *De tous les corps et esprits*/из всех тел и умов.

Анафорические зачины открывают тему и показывают направление приращения смысла. Паскаль поддерживает тематические зачины, выделяя основные кульминационные моменты/выводы, посредством параллелизмов синонимов и грамматических форм в окончаниях строф. Так, окончание 1 строфы — *car elle est surnaturelle*/ибо она [любовь, милосердие] сверхъественна — перекликается с грамматически развернутым рефреном заключительного 15 регистра фрагмента — *cela est impossible et d'un autre ordre, surnaturel*/это невозможно, это принадлежит другому сверхъестественному

порядку[563]. Перекличка их окончаний подчеркивает центральность темы порядка милосердия для теории трех порядков. Окончание 5 пассажа — *Ils sont vus non des yeux mais des esprits, c'est assez*/ Их видят не глаза, но умы, этого достаточно;

и его развернутый синтаксический повтор в 6 пассаже:

Ils sont vus de Dieu et des anges, et non des corps ni des esprits curieux, Dieu leur suffit/

Они видимы Богом и ангелами, а не телами или любознательными умами, Бога им довольно

суммируют пространственные отношения порядка умов и порядка милосердия.

Кроме синтаксических повторов у Паскаля есть повторы образов. Так, в 9 строфе образ Архимеда предстает олицетворением второго порядка ума: *Il eût été inutile à Archimède de faire le prince dans ses livres de géométrie, quoiqu'il le fût*. В 10 строке ему симметрично представление об Иисусе Христе как вершине третьего порядка милосердия: *Il eût été inutile à Notre Seigneur Jésus-Christ, pour éclater dans son règne de sainteté, de venir en roi. Mais il y est bien venu avec l'éclat de son ordre*. Эти повторы усиливают идею порядка.

Затем образ Архимеда становится квинтэссенцией порядка ума, что выражено в 7 строке: *Archimède sans éclat serait en même vénération. Il n'a pas donné des batailles, pour les yeux, mais il a fourni à tous les esprits ses inventions. Ô qu'il a éclaté aux esprits!;*

Сразу в 8 строке симметрично звучит славословие Иисусу Христу: *Jésus-Christ sans biens, et sans aucune production au-dehors de science, est dans son ordre de sainteté. Il n'a point donné d'inventions, il n'a point régné, mais il a été humble, patient, saint, saint, saint à Dieu, terrible aux démons, sans aucun péché. Ô qu'il est venu en*

---

[563] Переводчик Ю. А. Гинзбург акцентирует главную мысль, ритмизуя ее выражение через повтор — «это невозможно, это принадлежит».

grande pompe et en une prodigieuse magnificence aux yeux du coeur et qui voient la sagesse!

Повторы создают ощущение «неуклонно возрастающей суммы» смысла[564]. Они задают ритм и «создают эффект <…> постепенного <…> действия». Эти «своего рода пересказы» повествовательно развивают метафору, продвигая читателя к новому, невидимому для него смыслу. Их можно назвать «геном сюжета» (Ю. М. Лотман), каждый из которых «потенциально содержит в себе сюжет целой книги»[565].

В паскалевских повторах есть еще и «литургический эффект»[566], необходимый для перехода к повествованию о порядке милосердия. Этот литургический эффект слышен в уже упомянутом славословии об Иисусе Христе 8 регистра фрагмента:

> *Jésus-Christ sans biens, et sans aucune production au-dehors de science, est dans son ordre de sainteté. Il n'a point donné d'inventions, il n'a point régné, mais il a été humble, patient, saint, saint, saint à Dieu, terrible aux démons, sans aucun péché. Ô qu'il est venu en grande pompe et en une prodigieuse magnificence aux yeux du coeur et qui voient la sagesse!* /
>
> И. Х., без богатств и без всяких подвигов в чем-либо кроме премудрости, пребывает в своем порядке святости. Он не сделал никаких изобретений. Он не царствовал, но Он был смиренный, терпеливый, святой, святой, святой для Бога, страшный для бесов, безгрешный. О, в какой сверкающей

---

[564] Аверинцев С. С. Древнееврейская литература//История всемирной литературы. Том первый. Ред. коллегия тома И. С. Брагинский, Н. И. Балашов, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер. М.: Наука, 1983. Глава IV. с. 280.

[565] Десницкий А. С. Поэтика библейского параллелизма. М., 2007. с. 181, 183.

[566] Там же. с. 182.

пышности и несказанном великолепии является Он очам сердца и умеющим видеть премудрость.

Пассаж, также как и вся апология, делится на две части: профанную и сакральную. В первой части через отрицательные (апофатические) повторы *Jésus-Christ sans biens, et sans aucune production, Il n'a point donné d'inventions, il n'a point régné* показано, что через *biens-production-science-inventions*/богатство-подвиги-науку-изобретения невозможно познание порядка милосердия. Им симметричны утвердительные (катафатические) повторы второй части: *il a été humble, patient, saint, saint, saint à Dieu, terrible aux démons, sans aucun péché*. Обращает на себя внимание особый возвышенный регистр троекратного повтора *saint, saint, saint à Dieu*, напоминающий собой вариации на литургический гимн Sanctus[567]:

Sanctus, Sanctus, Sanctus,
Dominus Deus Sabaoth.
Pleni sunt coeli
Et terra gloria tua.
Hosanna in excelsis.
Benedictus qui venit
In nomine Domini.
Hosanna in excelsis[568].

Паскаль перелагает строки гимна Benedictus qui venit in nomine Domini. Hosanna in excelsis в лирическую песнь о явлении очам сердца и премудрости Иисуса Христа: *Ô qu'il est venu en grande pompe et en une prodigieuse magnificence aux yeux du coeur et qui voient la sagesse!*

---

[567] Drissi Y. La poésie lyrique dans l'oeuvre de Blaise Pascal: Une arme rhétorique. Clermont-Ferrand, 2008. p. 37-38.

[568] Ordo Missae//Durand G. Le sens spirituel de la liturgie. Rational des divins offices. Livre IV. De la Messe. Présentation par Claude Barthe. Préface et traduit par Dominique Millet-Gérard. Genève, 2003. p. 507.

Здесь рассудочность сочетается с эмоциональностью и чувственностью мистицизма порядка милосердия, язык которого в пределе совпадает с ритмом сердца, с порядком сердца. Во фрагменте четко проявляет себя творческое мышлении Паскаля, выраженное через числовую эстетике диад и триад. Так, двусоставная архитектоника апологии соотносится с темами и интонациями трех порядков, сотканных из параллелизмов и сочетания диад и триад.

К доказательству теории трех порядков, основанному на ритмических повторах, параллелизмах и внутренней рифме можно приложить слова П. Мериме о «Каменном госте» А. С. Пушкина: «<…> ни стиха, ни слова не могло бы быть исключено; каждое на своем месте, у каждого свое предназначение, и, между тем, с виду всё это просто, естественно, и искусство раскрывается только в отсутствии бесполезного украшения»[569].

В «математической поэме» Паскаля можно увидеть драматическое напряжение, эллиптичность, мудрый лаконизм и лирическую взволнованность[570]. По аналогии с музыкальными жанрами, фрагмент можно сравнить с кантатой для трех голосов.

Во фрагменте найдены две формы лирического выражения. Первая связана с темами и мотивами порядка плоти и порядка ума, как они звучат, например, в 1, 2 или 7 пассажах. В общей архитектонике «Мыслей» эта лирическая интонация соотносится с первой частью апологии. Вторая лирическая тональность может быть названа мистической. Она звучит в 8 пассаже фрагмента. Эта тональность порядка милосердия и сердца с особой силой звучит во второй части апологии.

---

[569] Mérimé P. Alexandre Pouchkine. «Le Moniteur», 20 janvier 1868. p. 19. Цит. по: Millet-Gérard D. La séduction élliptique: «Le Convive de pierre» de Pouchkine. p. 483.

[570] Millet-Gérard D. La séduction élliptique: «Le Convive de pierre» de Pouchkine//Mélanges offerts au professeur Laurent Versini. Littérature et séduction. P., Klincksieck, 1997. p. 483-498; p. 483-484.

Фрагмент «О трех порядках» представляет собой попытку писателя, помимо главного рассуждения о человеке, решить жанровую проблему своего произведения, «проблему организации эпизодов в целое»[571], опираясь на математический принцип, на литературную традицию и на традицию Библии.

«Три порядка» оставляют «Мысли» в рамках литературной формы, основанной, как и во фрагменте, на сочетании прозы и поэзии и на равновесии апологетической повествовательности и религиозно-морального содержания. Кроме этого, во фрагменте авторская мысль, равная действию, «идет через противоречия и <…> борется сама с собою», столь же полифонично, как в жанре диатрибы[572]. Одновременно, Паскаль — переводчик и читатель Библии, привносит из ее семантического ореола в собственную прозу, и во французскую прозу вообще, задолго до де Ламеннэ, Клоделя и Сен-Жона Перса, библейский стих[573].

Таким образом, фрагмент «О трех порядках» суть центр «Мыслей», на вершине которого предстает Иисус Христос, а основанием — человек. Диалогизм поэтики «Мыслей» уже не в противопоставлении грешников и истинно верующих, как в «Письмах к провинциалу», а в противопоставлении телесной и духовной природы человека. Говоря о рождении свободного слова из риторической

---

[571] Аверинцев С. С. Истоки и развитие раннехристианской литературы//История всемирной литературы. Т. 1. Ред. коллегия тома И. С. Брагинский, Н. И. Балашов, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер. М.: Наука, 1983. Глава IX. с. 510.

[572] Аверинцев С. С. Истоки и развитие раннехристианской литературы//История всемирной литературы. Том первый. Ред. коллегия тома И. С. Брагинский, Н. И. Балашов, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер. М.: Наука, 1983. Глава IX. с. 508-514; с. 514.

[573] Sellier Ph. Rhétorique et apologie: «Dieu parle bien de Dieu»// Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. T. I. Pascal. Paris: Honoré Champion, 1999. p. 124-125; p. 125. Note 17: «Le poème pascalien s'élève des charnels et des savants à la seule sainteté de Jésus-Christ pour revenir à la considération des savants et des charnels».

парадигмы, рассуждение о трех порядках можно определить как рассуждение о человеке в беспредельности бытия. Его пятнадцать смысловых частей отличает единство формы и содержания. Смысловая полнота не противоречит стилистическому регистру перехода лирического профанного слова к лирическому диалогизму Библии.

ПОЭТИКА «ПОРЯДКА» В «МЫСЛЯХ»

К рассуждению «О трех порядках» тематически примыкает единственный L 933/S 761 фрагмент, который прямолинейно расшифровывает его содержание:

L 933/ S 761

Concupiscence de la chair, concupiscence des yeux, orgueil, etc.
Il y a trois ordres de choses: la chaire, l'esprit, la volonté.
Les charnels sont les riches, les rois: ils ont pour objet le corps.
Les curieux et savants: ils ont pour objet l'esprit.
Les sages: ils ont pour objet la justice.
Dieu doit régner sur tout et tout se rapporter à lui.
Dans les choses de la chair règne proprement la concupiscence.
Dans les spirituels, la curiosité, la curiosité proprement.
Dans la sagesse, l'orgueil proprement [574] /
Похоть плоти, похоть очей, гордость и т. д.
Есть три порядка вещей. Плоть, ум, воля.
Плотские люди — это богачи, цари. Их предмет — тело.
У любознательных и ученых предмет — ум.
У мудрецов предмет — справедливость.
Бог должен царить надо всем и все соотносить с Собой.
В плотских вещах царит собственно похоть.
В умозрительных — собственно любознательность.
В мудрости — собственно гордость <…>[575]

[574] Sellier p. 1326-1327.

[575] Гинзбург с. 339-340.

В обоих фрагментах ключевым является слово порядок/*ordre*.

В рамках «Мыслей» перенос математического порядка, обоснованного в научных рассуждениях, в поле литературного творчества позволяет рассуждать о паскалевской «поэтике порядка». Кроме вышеуказанных фрагментов, слово «порядок» и сопутствующие ему темы встречается в семи «мыслях» с разными оттенками смысла.

1. Первый и главный — L 14/ S 48 *ordre de Dieu*[576]/установления [порядок] Господа[577].

2. Особенно выделим оригинальное паскалевское толкование тирании как нарушения миропорядка:

L 58/S 92

La tyrannie consiste au désir de domination universel et hors de son ordre/

Тирания состоит в желании властвовать надо всем и без всяких ограничений.

Паскаль выстраивает цепочку примеров, раскрывающих суть тирании, как бы извлекает морально-нравственный, юридический и ценностный корень этого понятия через понятие «порядок»:

> *< … > я красивый, поэтому меня должны бояться, я сильный, поэтому меня должны любить; он не сильный, поэтому я не буду его уважать, он не учен, поэтому я не буду его бояться*[578].

Здесь уместно вспомнить о концепции порядка в «Опытах» Монтеня, у которого также отсутствие порядка предстает нарушением божественной воли. Паскаль в понимании «порядка» следует апробированной философской и литературной традиции.

Серия приведенных примеров построена на разделении все тех же трех порядков: «сила», рождающая страх, относится к порядку тел; «на-

---

[576] Sellier p. 847.

[577] Гинзбург с. 82.

[578] Гинзбург с. 92.

ука», «достоинство», «доверие» тяготеют к порядку умов; «красота», «любовь» — к порядку воли»[579]. Нарушение соотношения порядков — красивый/бояться, сильный/любить, не сильный/не буду уважать, не учен/не буду бояться ведет к тому, что «держава» [империя], о которой говорится в письме к шведской королеве, становится тиранией.

3. Следующий смысл слова «порядок» возникает при оппозиции разум/сердце во **L 298/S 329** фрагменте:

> *L'ordre — Contre l'objection que l'Ecriture n'a pas d'ordre.*
>
> *Le coeur a son ordre, l'esprit a le sien, qui est par principe et démonstration. Le coeur en a un autre. On ne trouve pas qu'on doit être aimé en exposant d'ordre les causes de l'amour, cela serait ridicule.*
>
> *Jésus-Christ, saint Paul ont l'ordre de la charité, non de l'esprit, car ils voulaient échauffer, non instruire.*
>
> *Saint Augustin de même. Cet ordre consiste principalement à la digression sur chaque point qui a rapport à la fin, pour la montrer toujours*[580]/
>
> Порядок. Против возражения, что у Евангелия нет порядка.
>
> У сердца свой порядок, у разума — свой, основанный на правилах и доказательствах. У сердца порядок другой. Вы не станете доказывать, что вас следует любить, рассуждая по порядку о причинах любви; это было бы смешно.
>
> У И. Х., святого Павла порядок любви, а не разума, ибо они желали смирения, а не познаний. То же самое у Святого Августина. Этот метод состоит прежде всего в отступлениях по каждому поводу, имеющему отношение к цели, чтобы ни на миг не упускать ее из виду[581].

---

[579] Mesnard J. Le thème des trois ordres dans l'organisation des «Pensées» // Mesnard J. La culture du XVII siècle. Enquêtes et synthèses. PUF, 1992. p. 472.

[580] Sellier p. 996.

[581] Гинзбург с. 161.

Как видно из текста, слово «порядок» имеет узуальное значение «расположения»/«разделения». В сравнении с вышеприведенными значениями, здесь появляется собственно паскалевское — «порядок» как самостоятельная категория с новым измерением смысла «порядок сердца»: У сердца свой порядок, у разума — свой, основанный на правилах и доказательствах. У сердца порядок другой. Упоминание языка Библии — У И. Х., святого Павла порядок любви, а не разума, ибо они желали смирения, а не познаний — в сравнении порядков ума/разума и сердца/милосердия/любви (в профанном смысле) вновь показывает, что каждому порядку соответствует свой язык. Он определяется расположением внутри порядка и общим целеполаганием доказательств.

4. В паскалевском тексте слово «порядок» гуманистически связывается с основным достоинством и ценностью человека — мыслью, о чем автор рассуждает в L 620/S 513 фрагменте:

L 620/S 513

L'homme est visiblement fait pour penser. C'est toute sa dignité et tout son mérite, et tout son devoir est de penser comme il faut. Or l'ordre de la pensée est de commencer par soi et par son auteur et sa fin.

Or à quoi pense le monde? Jamais à cela! Mais à danser, à jouer du luth, à chanter, à faire des vers, à courir la bague, etc., à se battre, à se faire roi, sans penser à ce que c'est qu'être roi, et qu'être homme[582]/

Человек, очевидно, создан, чтобы мыслить. В этом его главное достоинство и вся ценность; и весь долг состоит в том, чтобы мыслить как должно. Так вот, порядок мысли требует начинать с себя, со своего создателя и своей цели.

А о чем думает свет? Об этом — никогда, но о танцах, игре на лютне, пении, стихотворстве, состязаниях и дуэлях, о том,

[582] Sellier p. 1114.

чтобы сделаться королем, но не о том, что значит быть королем и что значит быть человеком[583].

Порядок мысли/*l'ordre de la pensée*, a priori данный человеку — *L'homme est visiblement fait pour penser* — возвращает его к себе, к цели существования. Он дает ему надежду перехода из порядка тела, обрисованного во фрагменте темой развлечений света — *о танцах, игре на лютне, пении, стихотворстве, состязаниях и дуэлях, о том, чтобы сделаться королем* — в порядок ума. При этом ум/разум понимается не через научные знания, но уже теологически, как духовная способность человека к познанию трансцендентному по своей сути[584]. Здесь обнаруживает себя принцип перехода от одного порядка к другому, что сообщает новое качество элементам общего порядка. Человек мыслит себя и своего создателя — *par soi et par son auteur et sa fin* — и приходит к *ordre de Dieu*[585]/установлениям [порядку] Господа[586].

Паскаль-писатель, у которого для каждого порядка свой язык, как представляется, находит во фрагменте механизм исчисления порядка Бога, где художественное находится в единстве с математическим, философским и теологическим.

5. Однако через ряд последующих фрагментов, развивая мысли о понимании человеком порядка Бога, он диалогически отвечает на внутренние прозрения читателя, глубже вовлекая его в ход рассуждения:

---

583 Гинзбург с. 259.

584 Смотри: Intelligence // Rahner K., Vorgrimler H. Petit dictionnaire de théologie catholique. Traduction de l'allemand par P. Démann et M. Vidal. Editions du Seuil, 1970. p. 232; Смотри также: Thomas d'Aquin. Somme contre les Gentils III. La Providence. Chapitre 25. Penser Dieu est la fin de toute substance intellectuelle. Présentation et traduction par V. Aubin. P., 1999. p. 112-118.

585 Sellier p. 847.

586 Гинзбург с. 82.

L 694/S 573

Ordre. J'aurais bien pris ce discours d'ordre comme celui-ci, pour montrer la vanité de toutes sortes de conditions: montrer la vanité des vies communes, et puis la vanité des vies philosophiques, pyrrhoniennes, stoïques. Mais l'ordre n'y serait pas gardé. Je sais un peu ce que c'est, et combien peu de gens l'entendent. Nulle science humaine ne le peut garder. Saint Thomas ne l'a pas gardé. La mathématique le garde, mais elle est inutile en sa profondeur[587] /

Порядок. — Я мог бы выстроить свои рассуждения в таком порядке: чтобы показать тщету всякой человеческой жизни, начать с жизни обыкновенных людей, затем перейти к жизни философов, пирронистов, стоиков; но порядок был бы нарушен. Я немного знаю, что это такое и как мало людей понимают в этом толк. Ни одна наука не может следовать порядку. Святой Фома ему не следовал. Математика ему следует, но по сути своей она бесполезна[588].

Авторский голос соединяет два вектор движения к высшему порядку. Первый вектор — ученые святые. Паскаль упоминает о Фоме Аквинском. Автор подразумевает, должно быть, рассуждения Аквината о порядке вообще, об устройстве универсума, об укладе человеческих дел и, наконец, о божественном порядке, изложенные в «Сумме против язычников»[589]. Должно быть, Паскаль размышляет о недостаточности метафизических построений великого теолога:

Ни одна наука не может следовать порядку /

Nulle science humaine ne le peut garder.

Второй вектор описания порядка — собственные открытия в области математики — *Я немного знаю, что это такое.*

---

[587] Sellier p. 1137.

[588] Гинзбург с. 270-271.

[589] Thomas d'Aquin. Somme contre les Gentils IV. La Révélation. Index Rerum [Ordre]. Présentation et traduction par D. Moreau. P., 1999. p. 550-552.

Паскаль вновь переносит в контекст апологии темы математических исследований, а также положения на тему порядка из опыта «О геометрическом уме»:

> *«<...> в силу естественной неизбежности люди не в состоянии изложить какую-либо науку в абсолютно полном порядке. Но это не означает, что не надо придерживаться никакого порядка. <...> есть один порядок, а именно геометрический, <...> он полагает вещи ясные и четкие в силу естественного света (la lumière naturelle), потому он совершенно истинен, ибо природа его поддерживает за недостатком слов. <...> наиболее совершенный из доступных людям, состоит не в том, чтобы все определять и все доказывать, а также не в том, чтобы ничего не доказывать, но в том, чтобы придерживаться середины и не определять вещей ясных и понятных всем и определять все остальные, равно как не доказывать все известные предположения и доказывать все другие»*[590].

В апологетическом доказательстве геометрический порядок, в силу естественного света (*la lumière naturelle*)[591], становится основой для градации постижения «порядка Бога».

---

[590] Паскаль Бл. О геометрическом уме и об искусстве убеждать. Пер. с франц. Г. Я. Стрельцовой // Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. М.: Республика, 1994. с. 437. Смотри: Pascal Bl. De l'esprit géométrique // Pascal Bl. Oeuvres complètes. Texte établi, présenté et annoté par Jean Mesnard. T. III. P.: Desclée de Brouwer, 1991. p. 395.

[591] Выражение «естественный свет»/«lumen naturale» принадлежит Декарту и часто встречается в его главном философском труде «Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различия между человеческой душой и телом». Смотри: Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различия между человеческой душой и телом. Пер. с лат. Шейнман-Топштейн С. Я. // Декарт Р. Сочинения. СПб.: Наука, 2006. с. 132-185; с. 153.

Инструментарий математики в очередной раз поставлен выше концепций философов, пирронистов, стоиков, а также построений Фомы Аквинского. Математика становится пределом порядка ума, *mais elle est inutile en sa profondeur*/но по сути своей она бесполезна.

6. Паскаль, ученик Святого Августина, объясняет трудность постижения порядка Бога испорченной природой человека, которая L 421/S 680 *tout tend à soi*/все стремится к себе. Такое стремление *cela est contre tout ordre*/противно всякому порядку. Паскаль проецирует последствия нарушения порядка на уклад жизни и законы общества: *la pente vers soi est le commencement de tout désordre: en guerre, en police, en économie, dans le corps particulier de l'homme*[592]/ тяга к себе есть начало всякого беспорядка, в войне, в государстве, в хозяйстве, в человеческом теле.

7. Автор завершает рассуждения о недостаточности порядка тела и порядка ума для оснований жизни через метафору тьмы/полутемноты в стиле Святого Августина[593].

L 926/ S 755

On se fait une idole de la vérité même, car la vérité hors de la charité n'est pas Dieu et est son image et une idole qu'il ne faut point aimer ni adorer. Et encore moins faut-il aimer ou adorer son contraire, qui est le mensonge.

Je puis bien aimer l'obscurité totale; mais si Dieu m'engage dans un état à demi obscur, ce peu d'obscurité qui y est me déplaît, et parce que je n'y vois pas le mérite d'une entière obscurité, il ne me plaît pas. C'est une idole de l'obscurité, séparée de l'ordre de Dieu. Or il ne faut pas adorer qu'en son ordre[594]/

Мы творим себе кумира из самой истины; ведь истина вне любви — не Бог, она Его образ и кумир, который не заслужи-

[592] Гинзбург с. 189; Sellier p. 1216.

[593] Sellier Ph. Pascal et saint Augustin/Chapitre I. Le clair-obscur du monde. P., 1970. p. 19-38.

[594] Sellier p. 1322.

вает любви и поклонения, а еще меньше заслуживает любви и поклонения ее противоположность — ложь.

Я могу любить полную темноту, но если Бог погружает меня в полутьму, толика темноты, там присутствующая, меня раздражает, и коль скоро я не вижу там достоинств полной темноты, она мне неприятна. Это порок и свидетельство того, что я творю себе кумира из темноты, отдельно от воли Божией. А поклоняться можно только не выходя из Его воли[595].

Автор вводит третий порядок — порядок Его воли/*son ordre*, то есть порядок любви/милосердия/*la charité*. Порядок милосердия, как позже в диалогической поэтике романов Ф. М. Достоевского, ставится выше истины. Помимо общесодержательного сходства, здесь играет роль числовая эстетика, задающая архитетконику произведения.

Слово «порядок» появляется с определенным постоянством в тексте «Мыслей» и за его пределами, что обогащает смысл паскалевского понятия «порядок». От «геометрического порядка» и «числового порядка» автор научных сочинений приходит к трем порядкам тела, ума и милосердия. Три порядка раскрываются через разные вариации, например, порядок власти, порядок мысли или порядок сердца. Но в глубине они остаются без изменений. «Порядок» становится константой, в чье смысловое поле вписаны другие ключевые понятия «Мыслей».

ОСНОВНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ «МЫСЛЕЙ»

Паскаль расширяет сугубо математическое понятие рода/вида, вводя его в поле рассуждения «О геометрическом уме», в котором прописываются связи между геометрией, теорией языка и риторикой. Паскаль выступает здесь теоретиком языка и лингвистом:

---

[595] Гинзбург с. 336.

< … > Car il est clair que pour faciliter les discours on a donné le nom d'armée à vight mille hommes, celui de ville à plusieurs maisons, celui de dizaine à dix mille hommes, celui de ville à plusieurs maisons, celui de dizaine à dix unités; et que cette liberté naissent les noms d'inité, binaire, quaternaire, dizaine, centaine, différents par nos fantaisies, quoique ces choses soient en effet de même genre par leur nature invariable, et qu'elles soient toutes proportionnées entre elles et ne diffèrent que du plus ou moins, et quoique, ensuite de ces noms, le binaire ne soit pas quaternaire, ni une maison une ville, non plus qu'une ville n'est pas une maison. Mais encore, quoiqu'une maison ne soit pas une ville, elle n'est pas néanmoins un néant de ville. Il y a bien de la différence entre n'être pas une chose et en être un néant[596]/

Ясно, что для облегчения рассуждения дают имя армии двадцати тысячам человек, имя города — множеству домов, имя десятка — десяти единицам и что от этой свободы происходят имена единицы, двучлена, четырехчлена, десятка, сотни, отличающихся благодаря нашей фантазии, хотя эти вещи на самом деле однородны по свое неизменной природе, все соразмерны между собой и отличаются лишь по количеству, хотя, благодаря этим именам, двучлен не является четырехчленом, а дом — городом, равно как город — домом. Но все-таки, хотя дом и не есть город, он не есть и небытие города: большая разница — не являться какой-то вещью и быть ее нулем[597].

---

[596] Pascal Bl. De l'esprit géométrique// Pascal Bl. Oeuvres complètes. Texte établi, présenté et annoté par Jean Mesnard. T. III. P.: «Desclée de Brouwer», 1991. p. 407-408.

[597] Паскаль Бл. О геометрическом уме и об искусстве убеждать. Пер. с франц. Г. Я. Стрельцова//Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. М.: Республика, 1994. с. 445-446.

Вполне позволительно причислить Паскаль к лингвистической школе Пор-Рояля. Ясно одно, что его конструкции говорят в пользу дедуктивного метода, на котором и строится диалектика его рассуждения. Именно посредством расширения основных математических понятий происходит переход методов геометрии в риторику и в литературу[598].

Так математический принцип, попадая в контекст литературно-философской теории трех порядков, определяет точку зрения на поэтику «Мыслей».

Описывая XVII век как век рождения массовой литературы посредством развития романа барокко, К. А. Чекалов отмечает, что «первоначально под «литературой» понимается «результат восприятия текстов, а не искусство их создания, то есть «литература» выступает синонимом «книжного знания», при этом, «Антуан Фюретьер отказывался считать «писателя» явлением качественно более высокого уровня, чем просто «автор» и отделять изящную словесность от всякой иной», именуя математику «одним из видов литературы».

Отечественный ученый подчеркивает, что «именно в рамках романа, который вплоть до конца XVII века считался наиболее свободным от регламентации жанром, и смогли сформироваться некоторые повествовательные параметры» и «преспективные писательские стратегии»[599].

Созвучие паскалевского понятия порядок/род литературоведческому термину жанр/род/вид при переносе по аналогии предполагает определенный взгляд на сконструированную модель этого произведения. Порядки приводят художественный/творческий мир Паскаля в членораздельную (композиционную) упорядоченность. Порядок/род/жанр

---

[598] Mesnard J. Introduction au commentaire/Pascal Bl. De l'esprit géométrique//Pascal Bl. Oeuvres complètes. Texte établi, présenté et annoté par Jean Mesnard. T. III. P.: «Desclée de Brouwer», 1991. p. 379.

[599] Чекалов К. А. Формирование массовой литературы во Франции XVII–первая треть XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. с. 29.

становится инвариантом «Мыслей»[600]. В каждом порядке свои сюжеты и темы. Они меняются от порядка к порядку. Каждый порядок, как ступень состояния мира и человека, жанрово намечен или описан — от сентенции, притчи, аллегории, анекдота, назидания, письма, диалога, беседы к деяниям, макаризмам и видениям[601]. Жанры «Мыслей», текста незавершенного, также как и порядки, находятся в диалогических отношения. Каждый отдельный фрагмент, взятый сам по себе от целого «Мыслей», может быть описан с точки зрения жанровой особенности и сочетания порядков в нем, а рассуждение «О трех порядках» может быть названо инвариантом жанров «Мыслей».

Фрагмент «О трех порядках» имеет ассоциативные связи с другими фрагментами. Структура порядков остается одной и той же. Паскаль анализирует их поочередно. Вместе рассматриваются, как правило, два порядка.

Подобная особенность повествовательной структуры позволяет включить в развитие темы порядка фрагменты, где «термин «порядок» отсутствует, но реальность, которую он описывает, не становится менее ощутимой». Во фрагментах присутствуют двойные структуры, например, тело/ум, ум/воля, тело/воля[602]. Мотивы ма-

---

[600] Смотри: Аверинцев С. С. Жанр как абстракция и жанр как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости / Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1986; Тамарченко Н. Д. Жанр // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Глав. ред. и составитель А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2003. с. 264-265.

[601] Аверинцев С. С. Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы. Том I. Ред. коллегия тома И. С. Брагинский, Н. И. Балашов, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер. М.: Наука, 1983. Глава IX. с. 508-514.

[602] Mesnard J. Le thème des trois ordres dans l'organisation des «Pensées» // Mesnard J. La culture du XVII siècle. Enquêtes et synthèses. PUF, 1992. p. 473: «Cette remarque peut guider notre enquête à travers les fragments où le terme «ordre» manque, mais où la réalité qu'il désigne n'en est pas moins perceptible».

гистральной темы о трех порядках варьируются автором в структуре всего текста, постоянны возвращения к теме перехода из одного порядка в другой для достижения главной художественной задачи апологии — перехода читателя от неверия к вере.

Тема сопоставления порядка тела и порядка ума находит развернутое выражение в знаменитом фрагменте L 199/S 230 *Disproportion de l'homme*/Несоразмерность человека. Фрагмент делится на три части. В первой части показана система отношений в области материи бесконечного большого «бесконечная сфера, центр которой везде, окружность — нигде»/ *une sphère infinie dont le centre est partout, la circonférence nulle part*[603] — и бесконечно малого —

> <…>*qu'il connaît les choses les plus délicates, qu'un ciron lui offre dans la petitesse de son coeur des partie incamporablement plus petites, des jambes avec des jointures, des veines dans ses jambes,du sang dans ses veines, des humeurs dans ce sang, des gouttes dans ses humeurs, des vapeurs dans ces gouttes, que divisant encore ces dernières choses*[604]/
>
> <…> среди вещей ему [*человеку*] известных самые крошечные, пусть муравей со своим маленьким тельцем заставит подумать о несравненно меньших его членах, о лапках с суставами, о венах в его лапках, о крови в его венах, о гуморах этой крови, о капельках в этих гуморах, парах, в этих капельках <…> бескрайность природы, которую можно вообразить внутри этого малейшего атома[605].

Вторая часть представляет принципы постижения обозначенных «величин» и последствия этого познания:

> *Qui se considérera de la sorte s'effraiera de soi-même et se considérant soutenu dans la masse que la nature lui a donnée entre*

---

[603] Sellier p. 942.

[604] Sellier p. 943.

[605] Гинзбург с. 132-133.

ces deux abîmes de l'infini et du néant, il tremblera dans la vue de ses merveilles, et je crois, que sa curiosité se changeant en admiration, il sera plus disposé à les contempler en silence qu'à les rechercher avec présomption[606] /

Кто задумается над этим, тот устрашится самого себя, и, сознавая себя заключенным в той величине, которую определила ему природа между двумя безднами — бесконечностью и ничтожностью, — он станет трепетать при виде этих чудес; и я полагаю, что его любопытство сменится изумлением, и он будет расположен безмолвно их созерцать, чем горделиво исследовать.

Третий такт рассуждения показывает разнородность существа материи и ума, тела и ума:

Car enfin qu'est-ce que l'homme dans la nature? Un néant à l'égard de l'infini, un tout à l'égard du néant, un milieu entre rien et tout, infiniment éloigné de comprendre les extrêmes, la fin des choses et leur principe sont pour lui inviciblement cachés dans un secret impénétrable[607] /

Так что же такое человек в природе? Ничто по сравнению с бесконечностью, все по сравнению с небытием, середина между ничто и все; он бесконечно далек от постижения крайностей; цель и начала вещей надежно скрыты от него непроницаемой тайной...

При этом «человек сведущий понимает», что структуры порядков аналогичны, «что природа запечатлела образ свой и своего Создателя на всех вещах, и она почти все причастны к ее двойной бесконечности»[608]. Первый порядок — порядок тела и материи относится к более высокому порядку — порядку ума, как «изображающее к изображаемому» («*figurant à figuré*»)[609].

---

[606] Sellier p. 993-994.

[607] Sellier p. 994.

[608] Гинзбург с. 133.

[609] Mesnard J. Le thème des trois ordres dans l'organisation des «Pensées». p. 473.

Расположенный рядом фрагмент **L 200/S 231–232** о мыслящем тростнике еще сильнее подчеркивает разность, переходящую в [сферический] разрез, тел и умов:

> *L'homme n'est qu'un reseau, le plu faible de la nature, mais c'est un roseau pensant. Il ne faut pas que l'univers entier s'arme pour l'écraser, une vapeur, une goutte d'eau suffit pour le tuer. Mais quand l'univers l'écraserait, l'homme serait encore plus noble que ce qui le tue, puisqu'il sait qu'il meurt et l'avantage que l'univers a sur lui. L'univers n'en sait rien*[610]/
>
> Человек — всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая. Не нужно ополчаться против него всей вселенной, чтобы его раздавить; облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его убить. Но пусть вселенная и раздавит его, человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что умирает, и знает превосходство вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает[611].

Ум знает материю и вселенную, вселенная не может познать самое себя и ум. Фрагмент завершен частым для Паскаля тезисом: *Travaillons donc à bien penser. Voilà le principe de la morale*[612]/Постараемся же мыслить как должно: вот основания для морали.

Метафора Паскаля может служить художественной иллюстрацией научной теории В. И. Вернадского о ноосфере: «Здесь перед нами встала новая загадка, Мысль не есть форма энергии. Как же может она изменять материальные процессы? <…> Как правильно сказал некогда Гёте (1749–1832) — не только великий поэт, но и великий ученый, — в науке мы можем знать только, как произошло что-нибудь, а не почему и для чего»[613].

---

[610] Sellier p. 950-951.

[611] Гинзбург с. 136-137.

[612] Sellier p. 951.

[613] Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера земли. М., 2012. с. 481.

Фрагмент Паскаля содержит и другой смысл — как может слабый тростник сопротивляться могуществу бури? Понятно, что в трактовке Паскаля это вопрос о человеке, о человеческой свободе, получившей в экзистенциализме определение понятием «выбор» (*choix*). Выбор предстает как синоним свободы. В метафоре образа тростника соединяются далекие понятия — мыслить (*penser*) означает превосходство человека над вселенной. «Penser» ключевое слово, переходящее в заглавие «Мыслей».

Мораль прочитывается как сумма упражнений для тела. Она становится ступенькой к освобождению ума от тела, то есть тело/плоть трактуется как автомат:

L 821/ S 661

<…> nous sommes automate autant qu'esprit. Et de là vient que l'instrument par lequel la persuasion se fait n'est pas la seule démonstration. < … > Quand on ne croit que par la force de conviction, et que l'automate est incliné à croire le contraire[614]*… /*

< … > мы представляем собой столько же автомат, сколько дух [ум]. Поэтому орудие убеждения для нас — не одни лишь доказательства. < … > Доказательство убеждают только разум, обычай их делает весомей и достоверней. Он склоняет автомат, а тот направляет разум без вмешательства мысли[615].

Представление о теле как об автомате и/или о машине учитывает оппозицию человека и животного, что подчеркивает особым образом разность двух порядков:

L 741/ S 617

La machine d'arithmétique fait des effets qui approchent plus de la pensée que tout ce que font les animaux. Mais elle ne fait rien qui puisse faire dire qu'elle a de la volonté comme les animaux[616].

---

[614] Sellier p. 1190.

[615] Гинзбург с. 297.

[616] Sellier p. 1158.

Счетная машина производит действия, которые ближе к мысли, чем все, что делают животные; но она не делает ничего, что позволило бы сказать, будто у неё есть воля как у животных[617].

В «Мыслях» Паскаль часто обращается к сравнению человека с животными. При этом он трактует животное вслед за Декартом как тело, у которого «ума <…> вовсе нет» и в котором «<…> природа действует <…> сообразно расположению <…> органов»[618], то есть инстинктивно.

Человек тоже животное, тело и организм, наделенное инстинктами:

L 117/S 149

Car ce qui est nature aux animaux, nous l'appelons misère en l'homme. Par où nous reconnaissons que, sa nature étant aujourd'hui pareille à celle des animaux, il est déchu d'une meilleure nature qui lui était propre autrefois[619]/

< … > то, что естественно для животного, для человека считается ничтожным; из чего мы заключаем, что если ныне его природа подобна природе животных, то это есть падение высшей природы, которая была ему свойственна прежде[620].

Автор настойчиво называет признаком высшей природы в человеке способность мыслить:

L 111/S 143

Je puis bien concevoir un homme sans mains, pieds, tête, car ce n'est que l'expérience qui nous apprend que la tête est plus néces-

---

[617] Гинзбург с. 280.

[618] Декарт Р. Рассуждение о методе для хорошего направления разума и отыскания истины в науках. Часть пятая. Порядок физических вопросов. Пер. с лат. В. В. Соколова // Декарт Р. Сочинения. СПб.: Наука, 2006. с. 122.

[619] Sellier p. 892-893.

[620] Гинзбург с. 106.

saire que les pieds. Mais je ne puis concevoir l'homme sans pensée. Ce serait une pierre ou une brute[621]/

Я могу представить себе человека без рук, без ног, без головы — ведь нас только опыт учит, что голова человеку более необходима, чем ноги. Но я не могу вообразить человека без мысли. Это был бы камень или животное[622].

Или: **L 114/S 146**

La grandeur de l'homme est grande en ce qu'il se connaît misérable. Un arbre ne se connaît pas misérable[623]/

Величие человека в том, что он сознает себя несчастным; дерево себя несчастным не сознает[624].

В систему порядка тела входят как части органического мира — «животное», «камень», «дерево», «муравьи»

L 148/S 181

<…> *astres, ciel, terre, éléments, plantes, choux, poireaux, animaux, insectes, veaux, serpents, fièvre, peste, guerre, famine, vices, adultère, inceste*[625]/

<…> светила, небо, земля, стихии, растения, капуста, порей, животные, насекомые, телята, змеи так и явления из жизни людей: лихорадка, чума, война, голод, пороки, прелюбодеяние, кровосмешение[626].

Сознание собственного *misère et grandeur*/несчастья и величия отделяет человека от порядка тела. Эта магистральная тема «Мыслей» является лестницей для перехода из одного порядка в другой.

---

[621] Sellier p. 891.

[622] Гинзбург с. 105.

[623] Sellier p. 892.

[624] Гинзбург с. 105.

[625] Sellier p. 916-917.

[626] Гинзбург с. 119.

При описании страт второго более высокого порядка автор часто использует со/противопоставление ума/*esprit* и воли/*volonté*.

Так, **L 661/ S 544**

> *L'esprit croit naturellement, et la volonté aime naturellement. De sorte qu'à faute des vrais objets, il faut qu'ils s'attachent aux faux*[627]/
>
> Разуму свойственно верить, а воле свойственно любить, так что при отсутствии подлинных предметов они прилепляются к ложным[628].

Аналогия двух способностей человека показывает их различие. Ум не может любить, а воля не может верить и думать. Она даже испорчена. Однако через свойство любви, воля соотносится с сердцем. Сердцу свойственно движение воли, о чем автор пишет в **L 423/S 680** фрагменте:

> *Le coeur a ses raisons, que la raison ne connaît point: on le sait en mille choses. Je dis que le coeur aime l'être universel naturellement, et soi-même naturellement, selon qu'il s'y adonne. Et il se durait contre l'un ou l'autre, à son choix. Vous avez rejeté l'un et conservé l'autre: est-ce par raison que vous vous aimez?*[629]/
>
> У сердца свой рассудок, который рассудку недоступен; это видно по множеству вещей. Я говорю, что сердце от природы любит и бесконечное существо, и самого себя, в зависимости от собственной прихоти, и ожесточается против того или другого по своему выбору. Вы отбросили одно и сохранили другое; по рассудку ли вы любите самого себя?[630]

---

[627] Sellier p. 1125.

[628] Гинзбург с. 265.

[629] Sellier p. 1217.

[630] Гинзбург с. 189-190.

Или: **L 234/S 266**

Dieu veut plus disposer la volonté que l'esprit. La clarté parfaite servirerait à l'esprit et nuirait à la volonté. Abaisser la superbe[631]/

Бог заботится больше о воле, чем о разуме; совершенная ясность послужила бы разуму и повредила воле. Смирить гордыню[632].

Здесь уже речь идет об «амбивалентности третьего порядка»[633]. По мере перехода ко второй части апологии основным становится противопоставление элементов второго и третьего порядков.

Так, **L 424/S 680**

C'est le coeur qui sent Dieu, et non la raison: voilà ce que c'est la foi. Dieu sensible au coeur, non à la raison[634]/

Бога познают сердцем, а не рассудком. Вот что такое вера. Бог является сердцу, а не рассудку[635].

L 377/ S 409 *Qu'il y a loin de la connaissance de Dieu à l'aimer*[636]/ Что от познания Бога далеко до любви к Нему[637]. Пространственная отнесенность порядков измеряется благодатью/*grâce*, что добавляет к линейно выстроенным доказательствам обратную перспективу. Это показано автором в **L172/S 203** фрагменте:

La conduite de Dieu, qui dispose toutes choses avec douceur, est de mettre la religion dans l'esprit par les raisons et dans le coeur par la grâce. Mais de la vouloir mettre dans l'esprit et dans le coeur par la force et par les menaces, ce n'est pas y mettre la religion mais la terreur, terrorum potius quam religionem[638]/

---

[631] Sellier p. 962.

[632] Гинзбург с. 143.

[633] Mesnard J. Opus. cit. p. 474.

[634] Sellier p. 1217.

[635] Гинзбург с. 190.

[636] Sellier p. 1025.

[637] Гинзбург с. 176.

[638] Sellier p. 931.

Бог, правящий всем на свете милостиво, вдыхает веру в умы посредством рассуждений, а в сердца посредством благодати; но желание вдохнуть веру в умы и сердца посредством насилия и угроз означает внушить не веру, а страх. Terrorum potius quam religionem [*Скорее страх, чем веру — Ю. Г.*][639].

Благодать — источник и одновременно элемент третьего порядка милосердия. Во фрагменте есть важный порядковый признак, выраженный латинской формулой Паскаля terrorum potius quam religionem [скорее страх, чем веру]. Формула появилась из паскалевской полемики с мнением Святого Августина, выраженным в «Письме» о донатистах: если разумные доводы не имеют воздействия, то необходимы угрозы. Для защитника веры в XVII столетии принуждение и насилие недостойно истинной религии. Сила/*force* и угрозы/*ménaces* суть признаки тирании, то есть первого плотского порядка, не сочетающегося со вторым и с третьим порядками[640].

Во второй теологической части апологии первый порядок последовательно противопоставлен автором третьему порядку. С этой точки зрения выстроено смысловое отношение между тремя порядками и темой похоти, которая к XVII столетию имела большую традицию толкования. Появление религиозно окрашенной темы похоти/concupiscence связано с раскрытием сути порядка тела:

L 149/S 182, 274

Vos maladies principales sont l'orgueil, qui vous soustrait de Dieu, et la concupiscience, qui vous attache à la terre[641]/

Главные ваши болезни — это гордыня, отрывающая вас от Бога, и похоть, привязывающая вас к земле[642];

---

[639] Гинзбург с. 126-127.

[640] Sellier p. 931. Notice 2.

[641] Sellier p. 921.

[642] Гинзбург с. 121.

L 774/S 638

Comme les deux sources de nos péchés sont orgueil et la paresse[643]/

< … > у грехов наших два источника — гордыня и леность.

Два качества, излечивающие эти грехи «милосердие и справедливость»[644] принадлежат третьему порядку. Взгляд с высоты третьего порядка на «ветхие формы» первого создает точку зрения автора на L 286/S 318 «типы человека в любой религии»[645]. Один тип — плотский, другой — духовный. «Иудеи по плоти», которые ожидали «плотского Мессию», «великого Царя земного», также как и «христиане по плоти», которые считали, что L 287/S 319 «И. Х. пришел избавить от любви к Богу и дать таинства, которые все сделают без нас», принадлежат первому порядку[646]. Однако L 287/S 319 «истинные иудеи и истинные христиане всегда ждали Мессию, который поможет им любить Бога и этой любовью побеждать своих врагов»[647].

Во фрагменте использован словарь всех трех порядков: истинные, Мессия, любить Бога — третий порядок; ждали, то есть ожидание, что требует усилия воли и знания, относится ко второму порядку, побеждать своих врагов — в буквальном и в переносном значении принадлежит к первому порядку войны, тирании, угрозы, насилия.

Противопоставление первого порядка и двух последующих характерно для второй теологической части «Мыслей». К ядру сопоставления телесное/духовное примыкают многие темы апологии[648]:

1. буква/дух L 219/S 252 *La seule religion chrétienne est proportionnée à tous, étant mêlée d'extérieur et d'intérieur. Elle élève le peuple*

---

[643] Sellier p. 1169.

[644] Гинзбург с. 286.

[645] Гинзбург с. 159.

[646] Гинзбург с. 159.

[647] Гинзбург с. 159.

[648] Mesnard J. Opus. Cit. p. 476.

à l'intérieur, et abaisse les superbes à l'extérieur, et n'est pas parfaite sans les deux, car il faut que le peuple entende l'esprit de la lettre et que les habiles soumettent leur esprit à la lettre[649]/< … > христианская религия подходит всем, ибо в ней соединены внешнее и внутреннее. Она возвышает простых людей до внутреннего и склоняет гордецов до внешнего; она не была бы совершенна без обоих, ибо простые люди должны понимать дух буквы, а ученые — склоняться духом перед буквой[650];

2. прямой смысл/иносказание L 270/S 301 *Figures* < ... > *Tout ce qui ne va point à la charité est figure.* < ... > *Les Juifs ont tant aimé les choses figurantes et les ont si bien attendues qu'ils ont méconnu la réalité quand elle est venue dans le temps et en la manière prédite*[651]/ Иносказания. < … > Все, что не говорит о любви, есть иносказание. < … > Евреи так верили в прямой смысл предсказаний и так ждали исполнения, что когда они действительно исполнились тогда и так, как было предсказано, не узнали их. < … > А христиане даже Евхаристию считают иносказанием той славы, которой они взыскуют[652];

3. видимое/невидимое L 275/S 306 *La vie ordinaire des hommes est semblable à celle des saints. Ils recherchent tous leur satisfaction et ne diffèrent qu'en l'objet où ils la placent. Ils appellent leurs ennemis ceux qui les en empêchent, etc. Dieu a donc montré le pouvoir qu'il a de donner les biens invisibles par celui qu'il a montré qu'il avait sur les visibles*[653]/ Жизнь обыкновенных людей схожа с жизнью святых. И те, и другие ищут для себя удовольствия и расходятся только в предмете, в котором они это удовольствие для себя полагают. Они

---

[649] Sellier p. 958.

[650] Гинзбург с. 141.

[651] Sellier p. 979-980.

[652] Гинзбург с. 152.

[653] Sellier p. 984.

называют врагами тех, кто им препятствует и т. д. Так Бог показал Свою власть дарить блага невидимые через свою власть над благами видимыми[654];

4. природа/благодать L 275/S 306 *Dieu, voulant faire paraître qu'il pouvait former un peuple saint d'une sainteté invisible et le remplir d'une gloire éternelle, a fait des choses visibles. Comme la nature est une image de la grâce, il a fait dans les biens de la nature ce qu'il devait faire dans ceux de la grâce, afin qu'on jugeât qu'il pouvait faire l'invisible, puisqu'il faisait bien visible*[655]/Бог, желая показать, что Он может создать народ, святой святостью невидимой, и исполнить его вечной славы, сотворил вещи видимые. Поскольку природа есть образ благодати, Он сделал через блага природы то, что должен был сделать в благодати, дабы люди рассудили, что сколь скоро Он сотворяет видимое, то может сотворить и невидимое[656];

5. внешнее/внутреннее L 219/S 252 *Les autres religions, comme les païennes, sont plus populaires, car elles sont en extérieur, mais elles ne sont pas pour les gens habiles. Une religion purement intellectuelle serait plus proportionnée aux habiles, mais elle ne servirait pas au peuple. La seule religion chrétienne est proportionnée à tous, étant mêlée d'extérieur et d'intérieur*[657]/Другие религии, наподобие языческих, больше доступны простонародью, ибо они касаются вещей внешних, но не годятся для людей ученых. Чисто умственная религия больше подходила бы ученым, но не годилась бы для народа. Только христианская религия подходит всем, ибо в ней соединены внешнее и внутренне[658];

---

[654] Гинзбург с. 154-155.

[655] Sellier p. 983.

[656] Гинзбург с. 154.

[657] Sellier p. 957-958.

[658] Гинзбург с. 140-141.

6. обрезание плоти/обрезание сердца L 270/S 301 <…> *saint Paul est venu apprendre aux hommes que toutes ces choses étaient arrivées en figure, que le royaume de Dieu ne consiste pas en la chair, mais en l'esprit, que les ennemis des hommes n'étaient pas les Babyloniens, mais leurs passions, que Dieu ne se plaisait pas aux temples faits de mains, mais en un coeur pur et humilié, que la circoncision du corps était inutile, mais qu'il fallait celle du coeur, que Moïse ne leur avait pas donné le pain du ciel, etc*[659]/<…> святой Павел пришел научить людей, что все это сбылось иносказательно, что царствие Божие не плотское, но духовное, что враги человеку не вавилоняне, но страсти его, что Богу угодны не рукотворные храмы, но сердца чистые и смиренные, что телесное обрезание бесполезно, а нужно обрезание в сердце, что Моисей не дал им хлеба с неба и т. д. [660]

Во всех примерах поэтика порядка строится на соотнесении аналогичных структур трех порядков. Каждая из микроструктур, как и архитектоника «Мыслей» двусоставна и направлена на диалогический порядок апологии. Они соединяют профанное и теологическое, буквальное и символическое в литературном жанре апологии. Упорядоченные сравнения тела/ума/воли и милосердия суммируются тремя способами верить, которые постулирует Паскаль в **L 808/S 655** фрагменте:

> *Il y a trois moyens de croire: la raison, la coutume, l'inspiration. La religion chrétienne, qui seule a la raison, n'admet point pour ses vrais enfants ceux qui croient sans inspiration. Ce n'est pas qu'elle exclue la raison et la coutume, au contraire, mais il faut ouvrir son esprit aux preuves, s'y confirmer par la coutume, mais s'offrir par les humiliations aux inspirations, qui seules peuvent faire le vrai et salutaire effet: ne evacuetur crux Christi*[661]/

---

[659] Sellier p. 978-979.

[660] Гинзбург с. 152.

[661] Sellier p. 1186.

> Есть три средства веровать: разум, обычай, вдохновение свыше. Христианская религия, будучи единственной разумной, не принимает за истинных своих чад тех, кто верует без вдохновения. Она отнюдь не исключает разума и обычая, напротив; нужно открывать свой ум для доказательств, укрепляться обычаем, но смиренно отдаваться вдохновению, которое одно может производить действие истинное и спасительное, ne evacuetur crux Christi [*Чтобы не упразднить креста Христова (I Кор. I, 17) — Ю. Г.*][662].

Автор, разделяя веру и доказательства, создает формулу веры, основанной на подчинении тела благодати и работе ума, ищущего доказательства в окружающем мире. Как всякий писатель, Паскаль не обходит стороной тему счастья и заключает, что L 357/S 389 *Nul n'est heureux comme un vrai chrétien, ni raisonnable, ni vertueux, ni aimable*[663]/ Никто не бывает ни так счастлив, как истинный христианин, ни так разумен, ни так добродетелен, ни так любезен[664].

СЛОВО В «МЫСЛЯХ»

Тематические переклички и композиционные оппозиции тем трех порядков раскрываются в языке «Мыслей», который подразумевает как технический, так и мотивный строй произведения.

Для со/противопоставления трех порядков писатель вводит в рассуждение слова из разных областей жизни и знаний[665]. Паскаль

---

[662] Гинзбург с. 295.

[663] Sellier p. 1018.

[664] Гинзбург с. 173.

[665] Jungo Dom M. Le vocabulaire de Pascal, étudié dans les fragments pour une Apologie. Contribution à l'étude de la langue de Pascal. P., 1950. p. 118-120.

располагает в одном фрагменте, в единице микроструктур порядков разные лексические единицы:

1. слова разговорной/низкой лексики:

bout/грязь, *brute*/животное, *coasseur*/квакающий

рядом с высокими значениями

charme/очарование, *lustre*/блеск, *magnifience*/пышность, *suffisance*/самомнение;

2. архаизмы и неологизмы:

déité/[мифическое] божество и *divinité*/божественность, *piperie*/манок

и *incontradiction*/непротиворечие, *la superbe*/гордыня

и *l'immatérialité*/невещественность, *ployer*/гнуть, сгибать

и *ataraxie*/атараксия;

3. редкие:

anatomiser/анатомировать, *connaissable*/познаваемый, *gradation*/градация, *inintelligible*/непонятный

расположены рядом с разговорными словами

branler/шататься, *embrouillement*/путаница;

4. модные литературные слова:

chimère/химера, *complexion*/телосложение, *monstre*/чудовище противопоставлены юридическим терминам *cessation*/прекращение, *coutume*/обычай, *exemption*/освобождение, *juridiction*/юрисдикция.

Технический словарь «Мыслей» столь же разнообразен:

1. библейские понятия:

concupiscence/вожделение, *circoncision du corps*/обрезание плоти, *circoncision du coeur*/обрезание сердца, *lettre*/буква, *esprit*/дух;

2. теологические термины:

communication/коммуникация (с Богом), *providence*/провидение;

3. из духовного словаря века:

amour-propre/себялюбие, *rénonciation*/отречение, *détachement*/безразличие;

4. разнообразные философские термины:

ambiguïté/двусмысленность, *disproportion*/несоразмерность, *automate*/автомат;

5. научные термины:

a) из математики: *perspective*/перспектива; *sphère*/сфера, *ordre*/порядок,

b) физики: *atome*/атом, *balance*/равновесие, *quantité*/количество;

c) астрономии: *astre*/звезда, *espace*/пространство, *planète*/планета.

Слова находятся в диалогических отношениях, прирастая в смыслах. Паскаль, также как Данте, Рабле, Монтень и Шекспир сочетает разнообразную лексику. Его поэтика стоит «на меже языков, диалектов, языка литературного и нелитературных»[666], а внутренняя разноречивость языка «Мыслей» вписывает их в предысторию романного слова[667].

Тема трех порядков, трех измерений мира, выраженная в одном фрагменте, показывает тематическую и композиционную перспективу «Мыслей». Идея о трех порядках «отражает глубинную структуру мысли Паскаля, ощущается как контрапункт во многих темах «Мыслей»[668], создавая композиционное и тематическое единство произведения. Если распространить идею о трех порядках на все творчество писателя, то она становится принципом организации его художественного мира со всеми разноречивыми и разножанровыми особенностями, синтезом линейной и нелинейной формы, а также циклической прерывистости, сочетающих поэзию и прозу. В нем в свернутом виде прочитывается структура поэтики писателя.

---

[666] Бахтин М. М. Слово в романе (К вопросам стилистики романа). Тезисы // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Том III. Теория романа (1930–1961 гг.). Редакторы тома С. Г. Бочаров, В. В. Кожинов. М.: Языки славянских культур, 2012. с. 554.

[667] Бахтин М. М. Из предыстории романного слова // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Том III. Теория романа (1930–1961 гг.). Редакторы тома С. Г. Бочаров, В. В. Кожинов. М.: Языки славянских культур, 2012. с. 538.

[668] Mesnard J. Le thème des trois ordres dans l'organisation des «Pensées». p. 484.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главы книги — «Паскалевский текст», «Блез Паскаль в пределах своего времени и своей судьбы», «Диалогическая поэтика в “Письмах к провинциалу”», «”Мысли”: поэтика прерванного текста» — объединенной постановкой общей проблемы поэтики Паскаля, позволяют говорить о единстве замысла и заложенной в нем динамике. Избегая искушения прямого сопоставления творчества Паскаля с произведениями современников от Декарта и Арно до Мольера и Ларошфуко, в книге предпринята попытка рассмотреть поэтику Паскаля в становлении.

Произведения Паскаля и о Паскале дали возможность учесть основные функции поэтики: как науки, изучающей построение литературного произведения. Отсюда интерес к текстологии, к судьбе черновиков, к формату «паскалева листа», к способу расположения записей на нем, к систематизации текстовых «единств», к проблеме авторского называния/неназывания фрагментов-«связок»; и как науки, занимающейся изучением системы средств выражения в литературных произведениях (преобладание антитетических параллелей: Бог и человек, любовь к Богу и к себе, спор между душой и телом, часть и целое; проповедническая и исповедальная тональность).

Обширный историко-культурный контекст (Паскаль и «янсенизм», Паскаль и музыка), многожанровая палитра французской литературы XVII века, споры о древних и новых авторах, размышления о критериях, определяющих понятие нормы в риторической культуре XVII века, дают возможность приблизиться к пониманию исторического генезиса тех приемов, которые проявляют себя в повествовательной манере Паскаля. Принципы общей поэтики помогают определить художественную функцию этих приемов и их соотнесенность с авторским замыслом.

На формирование поэтики Паскаля оказала влияние его близость к монастырю Пор-Рояль, который считался местом высокой

культуры и образованности. Именно здесь формировалось новое отношение к литературе и к культуре. Из двух существовавших во Франции XVII века риторических школ, — римской и галликанской, — Паскаль отдает предпочтение последней, потому что в ней видит слияние религиозного и литературного идеалов. Этическая и эстетическая основы галликанской риторики дают писателю возможность соединить сакральное и профанное (литературное) слово. Не доверяя античной традиции, он буквально «выметает античные риторики» (Ф. Селье). При этом Паскаль испытывает сильное влияние Монтеня, Сен-Сирана, Святого Августина, однако основным образцом стиля для него является Библия.

Насыщенная интеллектуальная и драматичная внутренняя жизнь порождает в Паскале религиозный конфликт, который он пытается осмыслить и выразить с предельной ясностью и логичностью математика. Исходные данные («дано» — в математическом лексиконе) для постоянной работы его мысли — Бог, человек, жизнь, смерть, провидение, благодать, жертвоприношение. Паскаль пытается «доказать», что в христоцентричном мире (это ядро его теологических воззрений) жизнь истинного христианина должна строиться как жертвоприношение. Этическая составляющая рассматривается как неотъемлемая часть произведений Паскаля, что особенно явно в третьей главе книги.

Образ человека в архитектонике «Мыслей»/«Апологии христианской религии» занимает главное место и появляется в контексте логического исследования бытия. Во фрагменте «О трех порядках», учитывая опыт Декарта, Паскаль видит в человеке сопричастника бытия. Но, наследуя традицию, Паскаль делает следующий шаг, сопрягая с понятием «человек» понятие «свобода»: «Ты не искал бы меня, если бы уже не нашел». Это свидетельствует о неизбежности поиска как о предопределенной необходимости. Человек в этой необходимости существует как «мыслящий тростник».

Отсюда рассмотрение главных тем произведений Паскаля: слова, порядка, провидения, примера жертвенности Христа, страха смерти, морали, музыки, человеческой природы. Эти темы вопло-

щены в разных жанровых формах: речь, рассуждения, фиксирующие механизм перехода устного слова в письменное; трактаты, письма, полемические сочинения, утешения, притчи, поучения, максимы, философский диалог, комментарии. Многообразие жанровых форм, которые проявляют себя в творческом наследии Паскаля, позволяет выбрать в качестве основного классификационного критерия при анализе его произведений именно жанровый признак.

Различные жанры объединены в творчестве Паскаля личностью автора, который заявляет о себе как «автор биографический», «переплавляющий лирическое «Я» в образ «автора-оратора» (В. В. Виноградов). Он превращает личное, биографическое (частное, индивидуальное) в художественное целое. Наиболее очевидным проявлением авторского начала отмечены письма Паскаля, в которых он преодолевает риторику общих мест. Письма Паскаля — это духовные сочинения, в которых он, размышляя на «личные» и «общие» темы, вырабатывает индивидуальные способы выражения и создает свой тип повествования. Их можно рассматривать как часть «паскалевского текста», в котором автор продолжает возвращаться к мысли о целесообразности Бытия, о «порядке мира», о любви к Богу и о любви к себе. Образцом проявления свободного авторского слова можно считать «Письмо господина Паскаля к господину Перье, его зятю, по случаю смерти господина Паскаля-отца» (17 октября 1651), в котором исповедальная тональность словно вырывается из оков строгой структуры риторической прозы и приобретает черты лирической прозы.

Модель паскалевской поэтики в главном произведении писателя «Апологии христианской религии» строится на основе соотношения части и целого, характерного и для предшествующих произведений: «Сочинения о благодати» (1649-1656), «Мемориал» (1654), «Письма к провинциалу» (1656-1657), «Молитва, чтобы Бог дал мне болезни во благо» (1660). Такое соотношение связано с историей происхождения текстов Паскаля, сочетающих прямую литературную традицию, семейную и другие традиции (архивы, сохранившиеся письма, традиции Пор-Рояля).

Паскаль использует в «Мыслях» особый «ядерный» стиль (Ж. Менар) для выражения смысла. Он состоит в том, что Паскаль сосредотачивается на осмыслении некоторых важных или характерных проблем, постепенно развивает и углубляет их, что визуально словно бы материализует «рисунок мысли» Паскаля, который своими очертаниями напоминает «созвездие». Посредством особого стиля он создает уникальный жанр — жанр «мысли/мыслей». Собственный стиль («ядерный») создает собственный жанр — «Мыслей».

«Мысли» — это текст, «задуманный» как обширное сочинение, это «произведение становящееся» (Л. Лафюма), «книга без жанра, книга несделанная, несостоявшаяся <…>, некнига, нелитература, которая однако, оказалась самым жизненным шедевром века» (С. С. Аверинцев). Текст «Мыслей» имеет эксплицитные меты порождения текста, но в сложившемся варианте (61 «единство», включающее 27 поименованных самим Паскалем фрагментов-«связок» и 34 неозаглавленные «связки») он воспринимается как «прерванный текст», который указывает на свое «незаконченное состояние».

Авторский стиль в «Мыслях» есть и проявление природы ума Паскаля. Он строго продумывает то, о чем хочет написать: пишет без правок, так как заранее имеет идеально постулируемую цель. Структура мысли Паскаля отражает его понимание гармонии и порядка мироздания. Искусство музыки, которое в системе становящейся культуры Нового времени занимает место на пересечении наук, также помогает Паскалю развить «слух к звучанию мира» и выразить невидимый духовный мир. Паскаль-ученый передает Паскалю-писателю понятийный и образный ряд, связанный с точными науками («дано», «доказать», «эксперименты», «опыты», «равновесие», «масса», «треугольник», «порядок»), который, наряду с метафорами и эпитетами, позволяет ему показать единство мира, услышанного человеческим ухом (*Les psaumes chantés par toute la terre*). Зрелость ума Паскаля закономерно и последовательно преображается в художественное мышление, которое открывает путь свободному авторскому сознанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Произведения Блеза Паскаля, изданные на русском языке

«Мысли Паскаля». Перевёл съ французскаго Иванъ Бутовскій. С. Петербургъ, в типографіи И. П. Бочарова. 1843.

Паскаль Бл. Мысли. О религіи. Съ предисловіемъ Прево-Парадоля. Переводъ съ французскаго П. Д. Первова. Москва, 1881.

Паскаль Бл. Мысли о религіи. Переводъ с французскаго С. Долгова. Москва. Типографія И. Д. Сытина и К., 1892.

Паскаль Блезъ. Письма къ провинціалу, или Письма Людовика Монатльта къ другу въ провинцію и къ отцамъ Іезуитамъ о морали и политикъ Іезуитовъ. С. -П. Изданіе Л. Ф. Пантелъева, 1898.

Паскаль Бл. Мысли. Перевод с франц. Э. Л. Линецкой // Ф. де Ларошфуко. Максимы. Б. Паскаль. Мысли. Ж. де Лабрюйер. Характеры. Перевод с французского. М.: Художественная литература, 1974.

Паскаль Бл. Мысли. Перевод с франц. Э. Л. Линецкой // Тарасов Б. Н. Мыслящий тростник. Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Паскаль Бл. Собрание сочинений в трех томах. Под редакцией О. И. Хомы. Киев: Пор-Рояль, 1997.

Паскаль Бл. Мысли. Перевод с франц. Ю. А. Гинзбург. Вступительная статья и комментарии Ю. А. Гинзбург. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1996.

Французские издания Паскаля

Oeuvres de Pascal. Edition Bossut. En 5 volumes. Paris, 1779.

«Pensées. Fragments et lettres de Blaise Pascal, publiés pour la première fois conformément aux manuscrits originaux en grande partie inédits», par Prosper Faugère. Paris, Andrieux, Editeur, 1844. En 2 volumes.

«Pensées» de Pascal publiées dans leur texte authentique avec un Commentaire suivi et une étude littéraire. Par Ernest Havet. Paris, 1852.

Pascal Bl. Opuscules et "Pensées" publiées avec une introduction, des notices et des notes par Léon Brunschvicg. Paris, Hachette, 1897.

Pascal Bl. Pensées. Nouvelle édition collationnée sur le manuscrit autographe et publié avec une introduction et des notes par Léon Brunschvicg. Paris. Hachette, 1905.

Pascal Bl. Les oeuvres complètes. Collection des Grands Ecrivains de la France. Edition Boutroux, Brunschvicg, Gazier. En 14 volumes. Paris, Hachette, 1904-1914.

Pascal Bl. Pensées. Edition critique établie, annotée et précédée d'une introduction par Zacharie Touneur. Paris, Editions de Cluny, 1938; 2 volumes revue par Anzieu. Paris, A. Colin, 1960.

«Pensées» de Blaise Pascal. Edition paléographique des manuscrits originaux conservés à la Bibliothèque Nationale [N° 9202 du fonds français] enrichie de nombreuses leçons inédites et présentée dans le classement primitif avec une introduction et des notes descriptives par Zacharie Tourneur. Librairie Philosophique J. Paris, Vrin, 1942.

Pascal Bl. Les oeuvres complètes. Editions présentée et annotée par L. Lafuma. Paris, Seuil, 1963.
Pascal Bl. Les oeuvres complètes. En 4 volumes. Texte établi, présenté et annoté par J. Mesnard. Paris, Desclée de Brouwer, 1964—1992.
Mesnard J. Blaise Pascal. Textes inédits. Paris, Desclée de Brouwer, 1962.
Pascal Bl. Pensées. Bibliothèque de la Pléiade. Edition présentée, établie et annotée par Michel Le Guern. Paris, Gallimard, 2000.
Pascal Bl. Les provinçiales. Pensées et opuscules divers. Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. D'après l'édition de Louis Cognet pour "Les Provinçiales". Paris, La Pochothèque, 2004.
Электронное издание «Мыслей» http://www. penseesdepascal. fr/

Произведения других авторов

Bossuet J.-B. Oeuvres. Textes établis et annotés par l'abbé Velat et Yvonne Champailler. Bibliothèque de la Pléiade. Paris, Gallimard, 2001.
Bouhours D. Suite des remarques nouvelles sur la langue françoise. Paris, 1692.
Buffon J.-L. Discours sur le style. Paris, Editions Climatis, 1992.
Claudel Pl. Oeuvres en prose. Préface par Gaëtan Picon. Textes établis et annotés par Jacques Petit et Charles Galpérine. Bibliothèque de Pléiade. Paris, Gallimard, 1965.
Descartes R. Discours de la méthode. Présentation, notes, dossier, bibliographie et chronologie par L. Renault. Paris, Flammarion, 2000.
La Rochefoucauld. Maximes, suivies des Réflexions diverses, du Portrait de La Rochefoucauld par lui-même et des Remarques de Christine de Suède sur les Maximes. Paris, Editions Garnier, 1967.
Montaigne M. de. Les Essais. Edition conforme au texte de l'exemplaire de Bordeaux. Par Pierre Villey. Sous la direction et avec une préface de V. -L. Saulnier. En 3 volumes. Paris, PUF,1999.
Mauriac F. Blaise Pascal et sa soeur Jacqueline // Les chefs-d'oeuvres de François Mauriac. Tome VIII. Paris, Cercle des éditeurs, 1956.
Racine J. Abrégé de l'histoire de Port-Royal // Racine J. Les oeuvres complètes. Préface de Pierre Clarac. Présentation et notes de Luc Estang. Paris, Seuil, 1962.
Rapin R. Les Réflexions sur la poétique et sur les ouvrages des poètes anciens et modernes (1684). Edition critique et présentation par P. Thouvenin. Paris, Champion Classique, 2011.
Voltaire. Lettres philosophiques. Paris, Garnier, 1964.
Аввакум Петров. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Комментарии Н. К. Гудзий и др. Вступительная статья Г. М. Прохорова. Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1990.
Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения. Отв. редактор и автор предисловия А. Л. Субботин. Перевод с франц. В. П. Гайдамака. . М.: Наука, 1997.

Декарт Р. Сочинения. СПб.: Наука, 2006.
Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимы. Издание подготовили А. С. Бобович, Э. Л. Линецкая, М. В. Разумовская, Н. Я. Рыкова. Л.: Наука, 1971.
Монтень М. де. Опыты. В 3-х томах. М.: Голос, 1992.
Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 томах. Т. I. М.: Издательство «Наука», 1994.
Таллеман де Рео Ж. Занимательные истории. Перевод с франц. Т. Г. Хатисовой Л.: Наука, 1974.

Труды о литературе и о культуре XVII века, о творчестве Паскаля

Bord A. La vie de Blaise Pascal. Une ascension spirituelle suivie d'un essai "Plotin, Montaigne, Pascal". Paris, Beauchesne, 2000.
Brunel P. Le siècle de Louis XIII // Histoire de la littérature française. Paris, Bordas, 1972.
Bury E. La prose d'art // Littérature française du XVII siècle. Collection "Premier cycle". Paris, PUF, 1992.
Bury E. Littérature et la politesse: l'invention de l'honnête homme (1580—1750). Paris, PUF, 1996.
Chistyakov Al. Les «Pensées» de Pascal dans la tradition apologétique. Thèse pour obtenir le grade de docteur de l'Université Paris-Sorbonne. Paris, 2013.
Constantin. Pascal // Dictionnaire de théologie catholique contenant l'exposé des doctrines de la théologie catholique leurs preuves et leur histoire. Tome XI. Deuxième partie. Paris, 1932.
Courrier du Centre international Blaise Pascal. Clermont-Ferrand, 1999-2012.
Cousin V. Des "Pensées" de Pascal. Rapport à l'Académie française sur la nécessité d'une nouvelle édition de cet ouvrage. Paris, 1843.
Cousin V. Etudes sur Pascal. Paris, 1857.
Cousin V. Jacqueline Pascal. Premières études sur les femmes illustres et la société du XVII siècle. Paris, 1877.
Desmorest J.-J. Pascal écrivain. Etudes sur les variantes de ses écrits. Paris, Les éditions de Minuit, 1957.
Descotes D. L'argumentation chez Pascal. Paris, PUF, 1993.
Drissi Y. La poésie lyrique dans l'oeuvre de Blaise Pascal: Une arme rhétorique. Clermont-Ferrand, 2008.
Gouhier H. Blaise Pascal. Commentaire. Paris, Vrin, 1971.
Ernst P. Approches pascaliennes. L'unité et le mouvement, le sens et la fonction de chacune des 27 liasses titrées. Gembloux, Duculot, 1970.
Ernst P. Les «Pensées» de Pascal: géologie et stratigraphie. Thèse pour obtenir le grade de docteur de l'Université Paris-Sorbonne. Paris, 1990.
Ernst P. Les «Pensées» de Pascal. Géologie et stratigraphie. Oxford, Universitas, Voltaire Foundation, 1996.
Ferreyrolles G., Guion B, Quantin J. -L. avec la collaboration d'Emmanuel Bury. Bossuet. Paris, PUPS, 2008.
Ferreyrolles G. Pascal et la raison du politique. Paris, PUF, 1984.

Fumaroli M. Pascal et la tradition rhétorique gallicane // Méthodes chez Pascal. Actes du colloque tenu à Clermont-Ferrand 10-13 juin 1976. Paris, PUF, 1979.
Gazier A. Histoire générale du mouvement janséniste depuis des origines jusqu'à nos jours. Tome I. Paris, Librairie Ancienne Honoré Champion, 1923.
Humbert P. Cet effrayant génie. L'oeuvre scientifique de Blaise Pascal. Paris, 1947.
Jansen P. La bibliothèque de Pascal. Les sources des «Provinciales» d'après les notes autographes inédites de Pascal // Revue historique. Volume 208. Paris, 1952.
Jungo Dom M. Le vocabulaire de Pascal étudié dans les fragments pour une aologie. Contribution à l'étude de la langue de Pascal. Paris, D'Artey, 1950.
L'accès aux «Pensées» de Pascal. Paris, Klincksieck, 1993.
Lafuma L. Histoire des «Pensées» (1656-1952). Paris, Editions du Luxembourg, 1954.
Le Guern M. L'image dans l'oeuvre de Pascal. Paris, Klincksieck, 1983.
Lhermet J. Pascal et la Bible. Paris, Vrin, 1931.
L'Oeuvre scientifique de Pascal, ouvrage collectif. Paris, 1963.
Marin L. Pascal et Port-Royal. Paris, PUF, 1997.
Mesnard J. Pascal // Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique doctrine et histoire fondé par M. Viller, F. Cavallera. Tome XII. Première partie. Paris, 1984.
Mesnard J. La culture du XVII siècle. Enquêtes et synthèses. Paris, PUF, 1992.
Mesnard J. Les «Pensées» de Pascal. Paris, Sedes, 1993.
Mesnard J. Pascal // Blay M., Halleux R. La science classique. XVI—XVIII siècles. Dictionnaire critique. Paris, Flammarion, 1998.
Orcibal J. Qu'est-ce que le jansénisme? // Etudes d'histoire et de littérature religieuses XVI—XVIII siècles. Etudes réunies par Jacques Le Brun et Jean Lesaulnier. Paris, Klincksieck, 1997.
Pascal présent. 1662-1962. Clermont-Ferrand, 1962.
Sainte-Beuve. Port-Royal. Texte présenté et annoté par Maxime Leroy. En 3 volumes. Bibliothèque de la Pléiade. Paris, Gallimard, 1953.
Sellier Ph. Pascal et saint Augustin. Paris, Albin Michel, 1995.
Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. Pascal. T. I. Paris, Editions Champion, 1999.
Sellier Ph. Port-Royal et la littérature. Le siècle de saint Augustin, La Rochefoucauld, Mme de Lafayette, Sacy, Racine. T. II. Paris, Editions Champion, 2000.
Serres M. Le paradigme pascalien / Le système de Leibniz et ses modèles mathématiques. Etoiles — Schémas — Points. En 2 volumes. Paris, PUF, 1968.
Steinmann J. Pascal. Paris, Cerf, 1954.
Susini L. La lumière et le feu. La vraie éloquence à l'oeuvre dans les «Pensées» de Pascal. Thèse pour obtenir le grade de docteur de l'Université Paris IV. Paris, 2005.
Thouvenin P. Un jésuite passeur de culture // Rapin R. Les Réflexions sur la poétique et sur les ouvrages des poètes anciens et modernes (1684). Edition critique et présentation par Pascal Thouvenin. Paris, Champion Classique, 2011.
Treize études sur Blaise Pascal. Clermont-Ferrand, PUBP, 2004.
Блез Паскаль: pro et contra. Личность и творческое наследие Паскаля в восприятии и оценке русских философов и писателей. Антология. Составление и редакция В. Д. Алташиной. СПб.: РХГА, 2013.

Алташина В. Д. Пари Паскаля и герои Достоевского // Межлитературные связи: общее и особенное. Выпуск 15. Единство и национальное своеобразие в мировом литературном процессе. СПб., 2011.

Алташина В. Д. «Мыслящий тростник» в русской поэзии // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. СПб.: ГПА, 2012.

Алташина В. Д. Вторая жизнь паскалевских метафор // Поэтика художественных форм. Одесса: ОГУ имени И. И. Мечникова, 2012.

Алташина В. Д. От «слабой былинки» к «мыслящей тростинке»: об истории переводов «Мыслей» Паскалей // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Том 13, № 4. СПб.: РХГА, 2012.

Алташина В. Д. Блез Паскаль и русская культура: от "былинки" до "тростинки" // Блез Паскаль: pro et contra. Личность и творческое наследие Паскаля в восприятии и оценке русских философов и писателей. Антология. Составление и редакция В. Д. Алташиной. СПб.: РХГА, 2013.

Аль-Фарадж Е. А. Трактат Пьера Николя о красоте в культурном контексте классицизма. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2013.

Аль-Фарадж Е. А. Беседы Ариста и Евгения Доминика Буура: на пороге XVIII столетия // XVIII век. Топосы и пейзажи. Под редакцией Н. Т. Пахсарьян. СПб.: Алетейя, 2014.

Викулова Л. Г. Прозаические сказки Шарля Перро как языковое и социокультурное явление XVII века во Франции. Contes en prose de Charles Perrault: Témoignage linguistique et culturel du XVII-e siècle en France. Учебное пособие. Иркутск: ИГЛУ, 2000.

Викулова Л. Г. Паратекст французской литературной сказки: прагмалингвистический аспект. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Иркутск, 2001.

Гинзбург Ю. А. Мысли о главном // Паскаль Бл. Мысли. Перевод с франц. Ю. А. Гинзбург. Вступительная статья и комментарии Ю. А. Гинзбург. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1996.

Голубков А. В. Жанровое своеобразие «Занимательных историй» Ж. Таллемана де Рео и особенности французской мемуарной прозы середины XVII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2003.

Голубков А. В. Паскаль // Католическая энциклопедия. В 5 томах. Том III. М.: Издательство Францисканцев, 2009.

Забабурова Н. В. Творчество Мари де Лафайет. Ответственный редактор Н. Г. Полтавцева. Издательство Ростовского университета, 1985.

Забабурова Н. В. Письма мадам де Севинье: новый эпистолярный дискурс // Мировая культура XVII–XVIII веков как метатекст: дискурсы, жанры, стили. Материалы международного научного симпозиума «Восьмые Лафонтеновские чтения». Серия "Symposium", выпуск 26. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.

История математики. Том II. Математика XVII века. Под редакцией А. П. Юшкевича. М.: Наука, 1970.

История французской литературы. Том I. С древнейших времен до революции 1789 г. Редакторы тома И. И. Анисимов, С. С. Мокульский, А. А. Смирнов. М.-Л.: Академия наук СССР, 1946.

История зарубежной литературы XVII века. Под редакцией З. И. Плавскина. М.: Высшая школа, 1987.

Кирнозе З. И. Блез Паскаль и Аввакум Петров в пределах компаративистики // IV Международная научно-практическая конференция «Севастопольские кирилло-мефодиевские чтения». Севастополь, 2010.

Кляус Е. М., Погребысский И. Б., Франкфурт У. И. Паскаль. 1623–1662. М.: Наука, 1971.

Ле Руа Ладюри, Э. Королевская Франция (1460–1610). От Людовика XI до Генриха IV. Перевод с франц. Е. Н. Корендясова, В. А. Павлова. М.: Международные отношения, 2004.

Литература XVII–XVIII вв. Учебник. Под общей редакцией Н. Т. Пахсарьян. М.: Просвещение, 2005.

Луков Вл. А. Паскаль // Зарубежные писатели. Зарубежные писатели. Биобиблиографический словарь. В двух частях. Часть 2. Под редакцией Н. П. Михальской. М.: Просвещение. Учебная литература, 2003.

Мандру Р. Франция раннего нового времени 1500–1640 гг. Эссе по исторической психологии. М.: Территория будущего, 2010.

Неклюдова М. С. Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. М.: ОГИ, 2008.

Неклюдова М. С. Галантная картография и модели репрезентации французского двора середины XVII в. // Французский ежегодник 2014. Жизнь двора Франции от Карла Великого до Людовика XIV. Под редакцией А. В. Чудинова и Ю. П. Крыловой. Москва: ИВИ РАН, 2014.

Неклюдова М. С. «Я двор зову страной…»: родословная одной метафоры. М.: РГГУ, 2014.

Некрасова И. А. Религиозная драма и спектакль XVI–XVII веков. СПБ.: Гиперион, 2013.

Некрасова И. А. Религиозная драма в театре Западной Европы XVI–XVII вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения. СПб., 2014.

Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало русского раскола. Перевод с франц. С. С. Толстого. Научный редактор перевода Е. М. Юхименко. М.: Знак, 2010.

Пахсарьян Н. Т. Генезис, поэтика и жанровая система французского романа 1690–1760-х годов. Днепропетровск, 1996.

Пахсарьян Н. Т. История зарубежной литературы XVII–XVIII веков. М.: УРАО, 2003.

Пахсарьян Н. Т. Избранные статьи о французской литературе. Днепропетровск: АРТ-Пресс, 2010.

Разумовская М. В. Жизнь и творчество Франсуа де Ларошфуко // Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимы. Издание подготовили А. С. Бобович, Э. Л. Линецкая, М. В. Разумовская, Н. Я. Рыкова. Л.: Наука, 1971.
Стрельцова Г. Я. Паскаль. М.: Мысль, 1979.
Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. М.: Республика, 1994.
Тарасов Б. Н. Паскаль. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1982.
Тарасов Б. Н. Л. Н. Толстой — читатель Б. Паскаля // Тарасов Б. Н. Куда движется история? Метаморфозы людей и идей в свете христианской традиции. СПб.: Алетейя, 2002.
Тарасов Б. Н. Мыслящий тростник. Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. М.: Языки славянской культуры, 2004.
Тарасов Б. Н. Феномены западной культуры в контексте антропологических традиций возрождения и христианской мысли. М.: Литературный институт имени А. М. Горького, 2011.
Протоирей Чистяков А. Блез Паскаль и французская апологетика первой половины XVII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия. Сергиев Посад, 2009.
Чекалов К. А. Маньеризм во французской и итальянской литературах. М.: ИМЛИ РАН, 2001.
Чекалов К. А. Формирование массовой литературы во Франции XVII—первая треть XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2008.

Труды по литературоведению и по истории

Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986.
Аверинцев С. С. Древнееврейская литература // История всемирной литературы. Т. I. Глава IV. Редакционная коллегия тома И. С. Брагинский, Н. И. Балашов, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер. М.: Наука, 1983.
Аверинцев С. С. Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы. Т. I. Глава IX. Редакционная коллегия тома И. С. Брагинский, Н. И. Балашов, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер. М.: Наука, 1983.
Андрущенко Е. А. Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д. С. Мережковского. М.: Водолей, 2012.
Асафьев Б. В. Избранные труды. Том I. Избранные работы о М. И. Глинке. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1952.
Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. I. Редакторы тома С. Г. Бочаров, Н. И. Николаев. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2003.
Бахтин М. М. Франсуа Рабле в истории реализма // Бахтин М. М. Собр. соч. Т. IV (1). Редактор тома И. Л. Попова. М.: Языки славянских культур, 2008.
Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. V. Работы 1940-х—начала-1960-х гг. Редакторы тома С. Г. Бочарова, Л. А. Гоготишвили. М.: Русские словари, 1997.

Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.

Вернадский В. И. Письма к Н. Е. Вернадской (1886—1889). Составитель Н. В. Филиппова. М.: Наука, 1988.

Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера земли. М., 2012.

Веселовский А. Н. Избранное: на пути к исторической поэтике. Составитель тома, автор послесловия и комментариев И. О. Шайтанов. М.: Автокнига, 2010.

Гаспаров М. Л. Поэзия и проза — поэтика и риторика // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Ответственный редактор П. А. Гринцер. М.: Наследие, 1994.

Гаспаров М. Л. Очерки истории европейского стиха. М.: Фортуна Лимитед, 2003.

Ганин В. Н. Поэтика пасторали. Москва: Рудомино, 2007.

Генетическая критика во Франции: Антология. Вступительная статья Е. Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 1999.

Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. Издание подготовлено И. В. Голенищевой-Кутузовой. Ответственный редактор М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1972.

Десницкий А. С. Поэтика библейского параллелизма. М.: ББИ, 2008.

Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Методы изучения литературы. Системно-синергетический подход. Учебное пособие. М.: Флинта-Наука, 2011.

Зусман В. Г. Художественный мир Франца Кафки: малая проза. Нижний Новгород: Издательство ННГУ, 1996.

Зусман В. Г. Пражский круг // История австрийской литературы XX века. Том I. Конец XIX-середина XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2009.

Евдокимова Л. В. У истоков французской прозы. Прозаическая и стихотворная форма в литературе XIII века. М.: Наследие, 1997.

Евдокимова Л. В. Перевод и подражание: литературная теория и практика (вступительные замечания) // Перевод и подражание в литературах Средних веков и Возрождения. Под общей редакцией Л. В. Евдокимовой, А. Д. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

Евдокимова Л. В. От смысла к форме. Перевод во Франции XIV века: опыт типологии. М.: ИМЛИ РАН, 2011.

Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Ответственный редактор П. А. Гринцер. М.: Наследие, 1994.

Кирнозе З. И. Французский роман XX века. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1977.

Кирнозе З. И. Россия и Франция: диалог культур. Статьи разных лет: сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2002.

Кирнозе З. И., Зусман В. Г. Хаос и движение жанров // XXII Пуришевские чтения. Международная конференция «История идей в жанровой истории». М.: МПГУ, 2010.

Косиков Г. К. Последний гуманист, или Подвижная жизнь истины // Косиков Г. К. Собрание сочинений. Т. I. Французская литература. М.: Рудомино, 2011.

Кутузов В. П. Церковная «реформа» XVII века. М.: ИПА «ТРИ-Л» 2003.
Лихачев Д. С. Текстология. СПб.: Алетейя, 2001.
Лортц Й. История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей. Том II. «Новое время». Перевод с нем. Научный редактор А. Пахомова. М.: Христианская Россия, 2000.
Лосев. А. Ф. Проблема художественного стиля. К.: Collegium, Киевская Академия Евробизнеса, 1994.
Лосев А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона // Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Перевод с древнегр. Вл. С. Соловьева, М. С. Соловьева, С. Я. Шейман-Топштейн. Т. I. М.: Мысль, 1990.
Лосев А. Ф. Аристотель и поздняя классика. История античной эстетики. Том IV. М.: Искусство, 1975.
Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб, 2011.
Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Ответственный редактор П. А. Гринцер. М.: Наследие, 1994.
Михайлов А. В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. Составитель тома С. Ю. Хурумов. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006.
Михайлов А. Д. От Франсуа Вийона до Марселя Пруста. Страницы истории французской литературы Нового времени (XVI—XIX века). Том I. М.: Языки славянских культур, 2009.
Михайлов А. Д. Поэтика Пруста. Издание подготовлено Т. М. Николаевой. М.: Языки славянской культуры, 2012.
Михальская Н. П. Предисловие // Зарубежные писатели. Биобиблиографический словарь. В двух частях. Часть 1. Под редакцией Н. П. Михальской. М.: Просвещение. Учебная литература, 1997.
Никола М. И. У истоков английской прозы. Коломна, 1995.
Одесский М. П. Блуждания текстологии между «канонической» и «динамической» моделями // Вопросы литературы. № 2, 2012.
Пронин В. А. «Стихи, достойные запрета…». Судьба поэмы Генриха Гейне «Германия. Зимняя сказка». М.: Книга, 1986.
Пронин В. А. История немецкой литературы. Учебное пособие. М.: Логос, 2007.
Пуришев Б. И. Очерки немецкой литературы XV—XVII вв. М.: Художественная литература, 1955.
Разумовская М. В. Бюффон-писатель. (Французские естествоиспытатели XVIII в. и литература). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 1997.
Романский коллегиум. Сборник научных трудов. Выпуск 4, посвященный памяти М. В. Разумовской. Под редакцией С. Л. Фокина, В. Д. Алташиной, И. В. Лукьянец. СПб.: Издательство СПбГУЭФ, 2011.
Реизов Б. Г. Труды по сравнительному литературоведению. Редакционная коллегия: И. П. Володина, П. Р. Заборова, Т. В. Соколова, И. В. Лукьянец (ответственный редактор), А. И. Владимирова, Т. Ю. Боярская. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 2011.

Сент-Бёв Ш. -О. Литературные портреты. Критические очерки. Составление, вступительная статья, комментарии М. Трескунова. М.: Литературные памятники, 1970.

Сент-Бёв Ш. -О. Из работ разных лет. Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. Составление, общая редакция Г. К. Косикова. М.: Издательство МГУ, 1987.

Симонова Л. А. Французский личный роман: автор/герой (Шатобриан, Констан, Сент-Бёв, Бальзак). М.: Буки-Веди, 2013.

Синило Г. В. Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета). М.: Флинта, МПСИ, 2008.

Соколова Т. В. От романтизма к символизму. Очерки истории французской поэзии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.

Тимашева О. В. От Рабле до Уэльбека. СПб.: Алетейя, 2012.

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Культура», 1995.

Трыков В. П. Французский литературный портрет XIX века. Научный редактор Вл. А. Луков. М.: Флинта, Наука, 1999.

Трыков В. П. Жанр литературного портрета в творчестве Ш.-О. Сент-Бёва // Зарубежная литература XIX века. Практикум. М.: Флинта, Наука, 2002.

Фомин С. М. О лирической прозе … и не только. Статьи разных лет. Нижний Новгород, 2012.

Храповицкая Г. Н., Коровин А. В. Западноевропейский и американский романтизм. М.: Академия, 2007.

Чавчанидзе Д. Л. Функция литературного имени в произведениях немецкого романтизма // Ломоносовские чтения 1994. М.: Издательство МГУ, 1994.

Чавчанидзе Д. Л. Феномен искусства в немецкой романтической прозе: средневековая модель и ее разрушение. М., 1997.

Чавчанидзе Д. Л. Читатель и писатель: «немецкое» понятие Пушкина // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 2. М.: Издательство МГУ, 2013.

Черноземова Е. Н., Ганин В. Н., Луков В. А. История зарубежной литературы XVII-XVIII веков: Практикум. Планы. Задания. Материалы. М.: Флинта, Наука, 2004.

Черноземова Е. Н. Как исследовать по-шекспировски целостную картину мира? // Anglistica. Сборник статей и материалов по литературе Великобритании и России. Москва – Тамбов, 2001.

Черноземова Е. Н. Оружие христианского воина глазами пуританина и баптиста // Филология и культура. № 13. Казань, 2013.

Шайтанов И. О. «Историческая поэтика»: опыт реконструкции ненаписанного // Веселовский А. Н. Избранное: на пути к исторической поэтике. Составитель тома, автор послесловия и комментариев И. О. Шайтанов. М.: Автокнига, 2010.

Шайтанов И. О. Компаративистика и/или поэтика. Английские сюжеты глазами исторической поэтики. М.: РГГУ, 2010.

Швейбельман Н. Ф. Проблема познания и самопознания в книге Аврелия Августина «Исповедь» // Мировая литература в контексте культуры. Сборник материалов VII международной научной конференции «Иностранные языки и литературы в контексте культуры», посвященной 115-летию со дня рождения Владимира Васильевича Вейдле (23 апреля 2010г.), и Всеросссийской студенческой научной конференции (27 апреля 2010 г.). Пермь, 2010.

Швейбельман Н. Ф., Фомин С. М., Кирнозе З. И. Этическая преднамеренность зарубежной литературы XX века. Учебное пособие. Нижний Новгород, 2013.

Уварова П. Ю. История, историки и историческая память во Франции // Отечественные записки. № 5; М., 2004.

Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002.

Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения. Избранные труды по теории литературы. Издание подготовили М. В. Акимов, И. А. Пильщиков, М. И. Шапир. Под общей редакцией М. И. Шапира. М.: Языки славянских культур, 2006.

Издания Библии и сочинения деятелей Церкви

La Sainte Bible (texte Latin et traduction française) commentée d'après la Vulgate et les textes originaux par L.-Cl. Fillion. En 8 volumes. Paris, Letouzey et Ané, Éditeurs, 1894-1904.

La Bible. Traduction de Lemaître de Sacy. Préface et texte d'introduction établis par Ph. Sellier. Paris, Robert Laffont, 1990.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В синодальном переводе с параллельными местами и приложением. М.: Российское библейское общество, 1997.

Durand G. Le sens spirituel de la liturgie. Rational des divins offices. Livre IV de la Messe. Présenté par Claude Barthe. Préfacé et traduit par Dominique Millet-Gérard. Genève, Ad Solem, 2003.

Thomas d'Aquin. Somme contre les Gentils IV. La Révélation. Index Rerum [Ordre]. Présentation et traduction par D. Moreau. Paris, Flammarion, 1999.

Блаженный Августин. Творения. Части 1-7. Киев, 1901—1912.

Блаженный Августин. Творения в 2 томах. СПб.-Киев, 1998.

Блаженный Иероним. Избранные письма // Диесперов А. Блаженный Иероним и его век. М.: Канон, 2002.

Фома Аквинский. Сумма теологии. Перевод С. И. Еремеева, А. А. Юдина. Киев: Эльта. Ника-Центр. М.: Элькор-МК, 2002.

К. Ю. КАШЛЯВИК
Поэтика Блэза Паскаля.

Подписано в печать 20. 11. 2014. Формат 60x90/16. Объем 21 печ. л.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Первый завод 300 экз. Заказ №
Редактор Л. В. Колдина. Корректор Я. Ю. Крытаева.

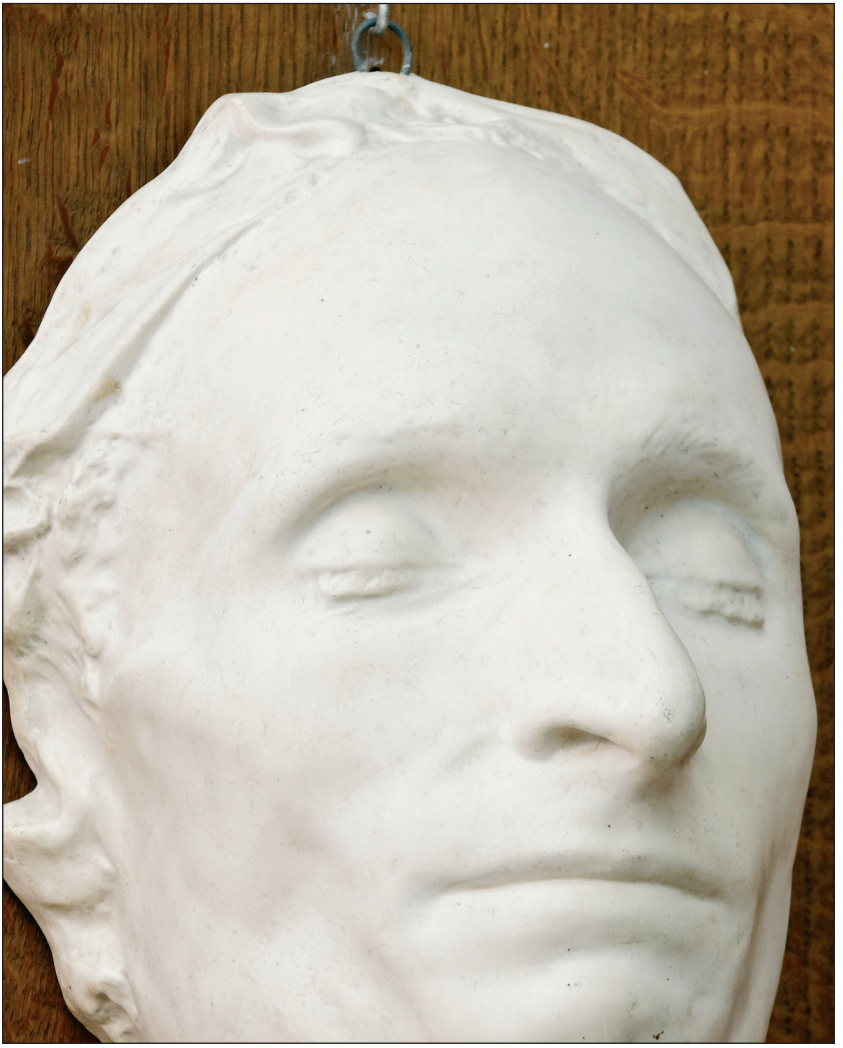
Издательство ИП «Т. А. Алексеева». Тел.: 8 (499) 250-8243
Отпечатано в ООО «Типография «Новое время». г. Орел, ул. Итальянская, д. 23

Филипп де Шампень. «Портрет мужчины» (1650).
К стр. 125.

Мастерская Ф. де Шампеня. «Портрет Сен-Сирана (1646).
К стр. 125.

Святая Вероника.
К стр. 129.

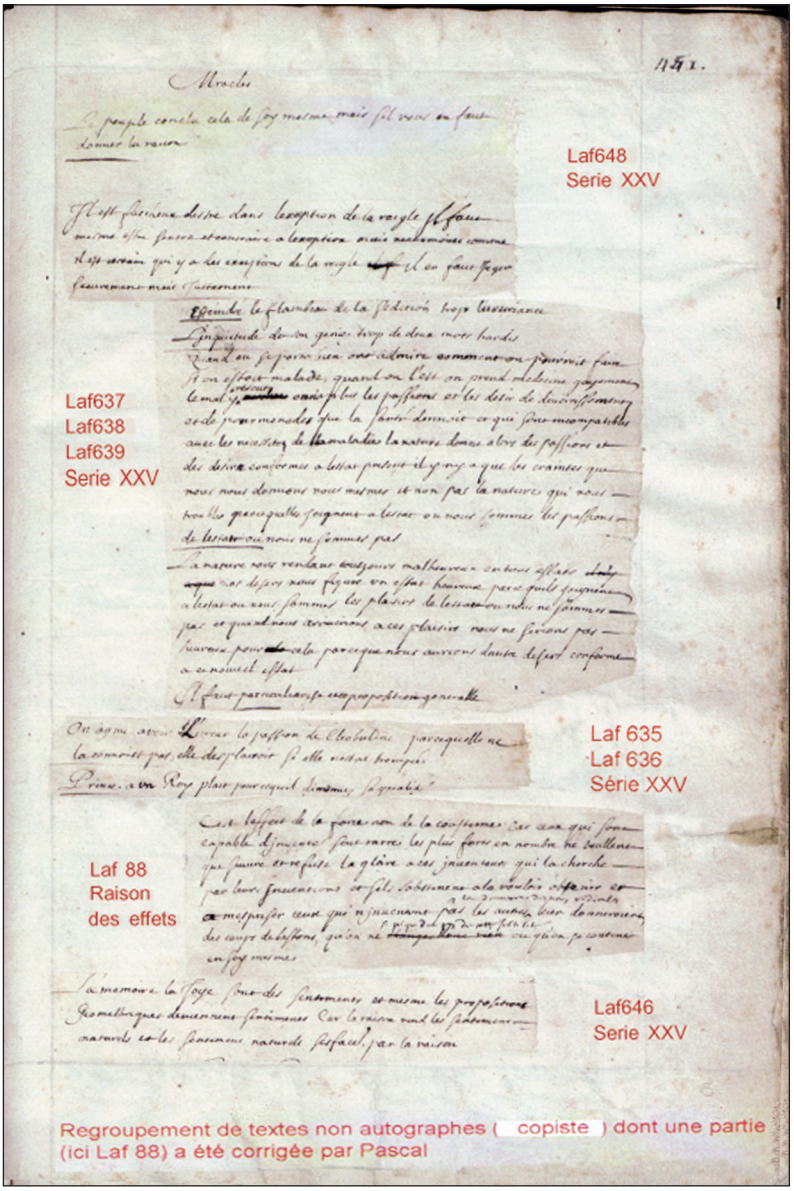
Филипп де Шампень. «Плат Вероники» (1654).
К стр. 129.



Посмертная маска Паскаля.
К стр. 131.

Франсуа II Кенель. «Портрет Паскаля».
К стр. 132.

Жан Дома. «Портрет Паскаля».
К стр. 133.



Паскалев лист.
К стр. 38.